ПИОНЕР 5
МАЙ • 1971 г. • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Выходит с 15 марта 1924 г.
МАЙ 5
Издательство «Правда»
Москва 1971 г.

Партии ЛЕНИНА — слава!

К двадцать четвертому
съезду страна
Пришла, небывалых
свершений полна.
От юга до тундры —
куда ни взгляни —
Повсюду горят
новостроек огни.
Легла в закрома
золотая пшеница,
Народ урожаем обильным
гордится.
Под небом студеным
бескрайней Сибири
В тайге
нефтяные фонтаны забили.
На телеэкранах
отлично видны
Следы лунохода
Советской страны.
Программа восьмой
пятилетки сдана,
Досрочно ее завершила
страна!
Отсюда начался
прекрасный, крылатый,
Уверенный путь
пятилетки девятой!
Размах ваших дел
не окинешь глазом,
К цели страна
шагает твердо.
Партия — совесть,
Партия — разум,
Партия — сердце народа.

Неподдающийся Генка Хукочар

Б. БАДЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. БАГИНА.

Мне приходилось жить в разных краях и городах Советского Союза: в Муроме, Котласе, Калинине. Я работал в газетах, как казалось мне, много повидал. Потом меня послали в Ленинград на учебу в Высшую партийную школу, а после школы я попал на Север, в Красноярский край. Вот когда я понял, что до сих пор просто ничего не видел. У меня было такое чувство, как будто я открыл новую землю.

Здесь, в Эвенкийском национальном округе, меня поджидало такое, о чем я прежде и представления не имел. Я не знал, что, когда мороз ниже пятидесяти градусов, воздух промерзает, образуется туман из тонюсеньких иголочек-льдинок, которые недвижно висят в воздухе, и при желании такую иголочку можно поймать пальцами. Не знал я и о том, что есть огромная рыба таймень, которая может утащить в воду вместе с удочкой и рыбака.

В общем, стал я жить в поселке Тура, стоящем на слиянии рек Нижняя Тунгуска (которую русский писатель Шишков назвал Угрюм-рекой) и Кочечум, и многое поражало меня, как когда-то в детстве. Но главный сюрприз был впереди.

Вначале я работал в газете «Советская Эвенкия», затем — помощником секретаря окружкома партии, и на небольших самолетах «АН-2» (в Эвенкии нет ни железных дорог, ни шоссейных, никаких дорог в нашем понимании вообще нет) мы приземлялись в поселочках или просто в тайге. Самолет улетал, а я оставался. И так однажды я попал к оленеводам, весь год кочуют они по тайге, перегоняя стадо. Там я и познакомился с мальчишкой, который больше всех чудес поразил меня в этом краю.

Это был настоящий мужчина! А ему едва исполнилось семь лет. Он умел стрелять, бросать маут, ездить на оленях в санях и верхом, умел ориентироваться по звездам и деревьям, но самое главное — он не поддавался никаким трудностям. Мне кажется, у него даже не возникало искушения попросить скидки на то, что он маленький. С завидным упорством он старался делать как раз то, что было ему не по силам. И нередко добивался своего.

Долгое время потом не выходил у меня из головы этот маленький оленевод. То вспоминался он мне лихо едущим на олене, то вдруг я отчетливо представлял себе его серьезное лицо в момент, когда он инструктирует меня, как забрасывать перемет. Он просто не давал мне покоя, этот мальчишка. И я решил написать про него. Ведь если столько радости, удивления, гордости за наше мужское племя доставил он мне, может быть, он и вам тоже понравится.

Глава первая

Шел Генка поселком, и не радовали его проталины.

Вдруг... защипало в глазах. Две быстрые слезинки покатились по крепким, выпуклым щекам!

Что такое?..

Еще не хватало, чтобы люди узнали: семилетний Генка Хукочар, сын оленевода Степана Кирилловича Хукочара, ударника коммунистического труда, плакал!

Генка тряхнул головой, словно пес, сбрасывая капли.

Никто не видел его слез и не увидит. Свернул Генка к реке, мимо склада прошел и мимо пекарни. Независимо, руки в карманах, слегка покачиваясь на коротких ногах, обутых по-зимнему в бакари.

С улицы тропинка повела на плоское взгорье, где наметили аэродром, чтобы самолеты могли прилетать в поселок зимой, летом и поздней осенью, когда по реке плывут льдины.

На пенек сел мальчик, засвистел на всякий случай — так забрел, от нечего делать. Здорово свистел Генка в дырочку от молочного зуба. Не поворачивая головы, внимательно осмотрелся — никого. Рукавом вытер слезы...

Как понять луча [1] Юлю Петровну?

Добрая учительница, ласковая, но зачем обидное говорит? Да еще так, словно соболь следы вяжет, — попробуй разберись, без хорошей собаки делать нечего, собаку пускай по следу...

Сначала не понимали они друг друга.

Учительница про букву «А» спрашивает: что написано на доске? Поднял Генка руку.

— Однако это наш председатель руки на пузе держит.

— Правильно! — закричали в классе.

— Неправильно! — рассердилась Юля Петровна.

Потом вроде все стала понимать учительница: и что буква «Р» похожа на дерево и что цифра «3» — на летящего гуся, а слово «мама» — на горы, которые по реке сразу за островом; как выскочишь на олешках из протоки, читай с левой руки «мама». Большие буквы, солнце, однако, прячут...

Перед Генкой расстилалась река, покров ее был ноздреват, кое-где чернели забереги, полыньи, но до ледохода еще недели две, а то и больше. По этой реке он должен ехать к отцу в стадо. Отпустит ли теперь мама?.. Вдруг скажет: не заслужил, нехороший мальчишка, оставайся дома, будешь помогать.

Ух, Юля Петровна!..

Еще зимой, когда за полгода отметки выставляли, посмотрела Юля Петровна в Генкин дневник, головой покачала.

— Вряд ли, Хукочар, получится из тебя охотник... — сказала она.

Зачем неправду сказала?..

[1] Луча — по-эвенкийски русская.

Конечно, отметки в дневнике были неважные.

Хорошо объясняет учительница: все понятно и интересно. Разве захочется потом дома заниматься? Одно и то же второй раз делать? А станешь отвечать — забываешь кое-что. Ну, и... троечки.

Только почему из него не получится хороший охотник? При чем отметки?

Не стал спорить Генка, не мужское занятие — спорить. А решил доказать учительнице своим способом.

Длинный коридор в школе-интернате: из учительской до нулевого класса два раза поворачивает. Длинный и темный. С утра терпимо, днем медленно надо идти, чтобы не столкнуться, после третьего урока свет включают. Перед весной целый месяц провожал мальчик Юлю Петровну от учительской до своего класса. Рядом шел. Учительница высокая, ноги тонкие, как у оленя, шаг сделает — Генка два-три. На-

Свернул Генка к реке. Никто не видел его слез и не увидит.

учился два шага делать. И когда учительница машинально опускала руку на стриженую голову мальчика, на его жесткие волосы, билось сердце Генки учащенно и даже возникала мысль отказаться от задуманного. Ведь в классе все знают: будет Генка Хукочар самым лучшим охотником в Эвенкии. Те, кто сомневался, давно познакомились с его кулаками, помалкивали.

Изучил Генка обычный путь Юли Петровны, измерил своими маленькими ногами. После второго поворота учительница наискосок идет, и есть пространство в метр-полтора, до которого не достает свет окон справа и слева. Здесь-то, в шаге от угла, он и подготовил сюрприз.

Очень волновался Генка после звонка на урок. Заметит Юля Петровна — позор, весь поселок будет смеяться и как он посмотрит в глаза отцу?.. «Э-э, — скажет отец, — я думал, у тебя на плечах голова, а у тебя, однако, пустое ведро!» Жуткому испытанию подверг себя мальчик. Огнем горели его черные глаза, он смотрел на географическую карту, ощущал сухость во рту и, стараясь отделить шум класса от тишины коридора, весь превратился в слух. Резкий крик словно толкнул его в голову.

— Помогите! — кричала Юля Петровна.

Радостную усталость вмиг почувствовал Генка. Глубоко вздохнул он и не спеша, солидно отправился в коридор. Ребята стайкой выпорхнули из класса, из других классов выбежали школьники и учителя. Растолкав сверстников, Хукочар деловито отцепил проволоку от крюка в стене, а потом и освободил ногу учительницы из капкана.

— Что, Юля Петровна, — с законным торжеством сказал учительнице, — получится из меня охотник?..

А она заплакала.

Зачем, однако, плакать?.. Ноге не больно. Утром посмотрел Генка: Юля Петровна в подшитых валенках; да и капкан взял старый, ржавый, с ослабленной пружиной. Разве он не понимает?..

Так и объяснил. Улыбнулась учительница сквозь слезы и даже погладила по голове. Значит, согласилась?..

А сегодня, когда отпускали на каникулы, Юля Петровна поздравила отличниц Зинку и Верку, а потом показала всему классу Генкин дневник — посмотрите, сколько «гусей» залетело, одни тройки! Вот уж раздолье нашему охотнику! Хочешь — из ружья стреляй, хочешь — петли ставь. С добычей, Гена Хукочар!

Засмеялись все, а Генке так обидно стало!..

Долго размышлял мальчик о школе. Он смотрел на реку, на волнистое марево над ней, вспомнил: дед Бубух обещал интересные истории рассказывать, вспомнил: отец обещал маленькое ружье сделать... Голова распухла у мальчика от дум.

Интересно рассказывает дед Бубух, а когда кто-нибудь в рассказе стреляет, говорит: «Бубух, бубух!» Так и прозвали его — дед Бубух. Потому что много стреляют в рассказах деда, все они про охотников.

Вдруг вскочил на ноги Генка. Сидит на пеньке и сам пенек! Может быть, Зинка или Верка уже все матери сказали!.. Такие противные девчонки. Каждый день их колотит — и никакого толку!

Как полководец поле сражения, осмотрел мальчик поселок. Три десятка домов — на ладони. У магазина женщины, у нового гаража плотники, вон кто-то отправился на почту, а мальчишек и девчонок не видно. Пообедали, наверное, и собрались у школы, где всегда интересно, играют в мяч и в прятки.

Семья Хукочаров занимала просторный дом на окраине поселка, совсем новое помещение, недавно выстроенное колхозом. И оно хорошо просматривалось.

Что за человек вышел из дома вместе с дядей Антоном? Никто, однако, так в поселке не ходит... Открыли сарай, пропали... что-то выволокли во двор... Кажется, сани!

Стремглав бросился Генка по склону вниз. И уже на ходу решил: если мама запретит ехать в стадо, куда обещал доставить дядя Антон, предупредит Валерку и ночью уйдет по реке. Дядя Антон нагонит и возьмет с собой. Возвращаться не станет, сильно верит в приметы, будто и не отважный охотник, а дряхлая старуха.

Со всех ног летел Генка к своему дому, запыхался.

На крыльце показалась мать.

— Годятся сани, Антон? — спросила она.

— Вот палку сменю, — ответил охотник, ударяя ногой в полоз, — доберемся... Собирайся, Генка, утром аргиш [1]. Ждать некогда. Видишь: представитель райкома партии.

Здоровенный рыжий незнакомец протянул Генке руку.

— Николай Воротилов.

— Геннадий Степанович Хукочар! — задорно выкрикнул мальчик и засмеялся, довольный.

А на другой день утром много смеялся Генка, чувствуя наконец приближение желанной воли.

Вкусно похрустывал снежок под копытами оленей, ярко сияло солнце, и вовсю пахло весенней сыростью. Они спустились на реку и погнали по ноздреватому льду. Сани дяди Антона впереди, сани Генки с дядей Николаем позади. Вскоре исчез справа поселок, миновали протокой остров. Слева показались горы, похожие на слово «мама». Генка задумался.

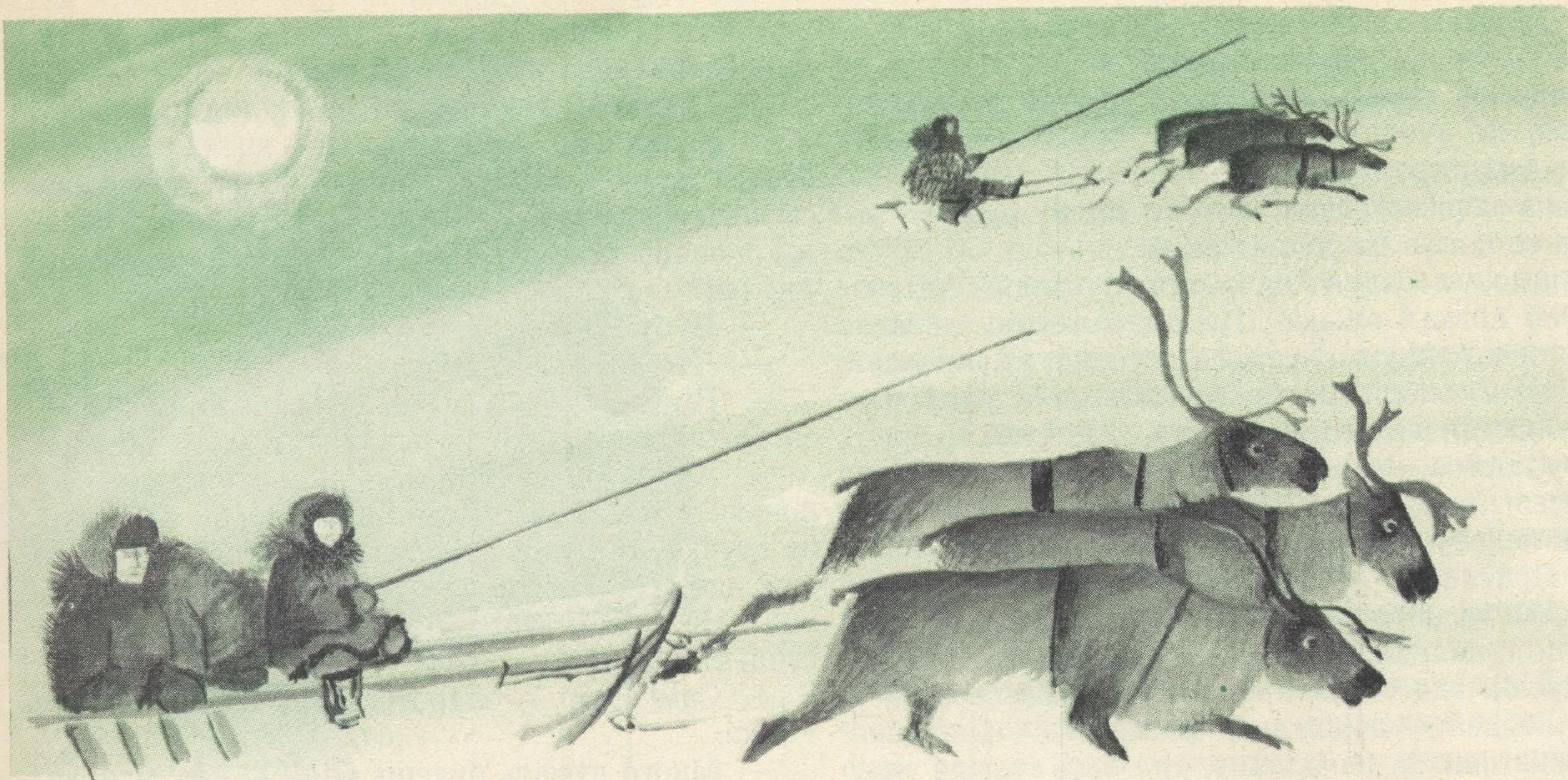
Неужели права Юля Петровна? Нужно хорошо учиться, чтобы стать охотником?..

Ну уж нет! Вон Зинка и Верка — отличницы, а пусти их в тайгу — пропадут... А если спросить у отца?

Отец скажет: какие у тебя оценки? Что ответить? Ох, как строг отец, если кто-нибудь говорит неправду!.. Пусть даже сам председатель колхоза...

---

[1] Аргиш — путь, дорога.

— Мэт! Мэт! — погонял Генка, стараясь не отстать от упряжки дяди Антона.

На миг страшно стало мальчику. Но потом обнадежился: очень любит его отец... дед Бубух вступится.

Генка оглянулся на пассажира. Тот удобно полулежал в санях. Тепло ему в меховом костюме, и покойно, ласково пригревает весеннее солнышко.

Здоровый, однако, мужик Воротилов, легче будет отцу на весновке.

— Мэт! Мэт! — погонял Генка, стараясь не отстать от упряжки дяди Антона.

Олени бежали быстро, легко, пощелкивание копыт не мешало Генкиному размышлению. Привычная картина открывалась слева и справа за каждым поворотом реки: белая простыня льда, тоненькая полоска воды у берега, серые горы, серые, без хвои и листьев деревья.

О вредных девчонках Зинке и Верке думал Генка.

Вот уж вредные же эти девчонки! «Подумаешь, — говорят ему, — оленей пасти — большое дело». Повторяют слова учительницы, что олень приспособлен для Крайнего Севера, — не требует, пока здоров, ухода, запаса кормов и помещений, пасется круглый год. Знали бы, сколько опасностей поджидает добрых, беззащитных олешек на каждом шагу в тайге! Тут и страшная болезнь копытка, и медведь, и даже овод, который откладывает яички в коже оленя. Страдают олешки от оводов. Вырастают из яичек личинки, которые глубоко забираются в кожу, вздувается она бугорками. Такие большие личинки, что их можно насаживать как приманку на крючки для закидушки; хорошо берет личинки налим.

Кроме Зинки и Верки, все понимают, как трудно оленеводам, поэтому и спешат к ним на помощь весной, в самое горячее время, когда нарождаются маленькие олешки и кричат тоненькими голосами: «Ма-ма-ма». Кажется, весь лес зовет маму.

Вот везет Генка представителя райкома партии. Как и в прошлом году, он проведет собрание в бригаде, расскажет обо всей Эвенкии и обо всей стране, а потом возьмет топор и вместе со всеми начнет строить изгородь — длинную-длинную, Верка с Зинкой за день бы не обошли. Всякие загоны нужны — для молодняка отдельно, для больных и слабых оленей отдельно, для нагула отдельно, — вот почему длинная-длинная нужна изгородь. Отец говорит: больше двадцати пяти километров.

Ярко-желтое, золотистое ворвалось в размышления Генки.

Длинное.

Прищурился мальчик, сосредоточился — песчаная коса. Умытая талым снегом и еще не запачканная стоками вешних вод.

Но коса выглядела необычно. На чистом песке через равномерные промежутки были расставлены какие-то кочки. «Это гуси!» — догадался Генка и оглянулся.

Пассажир его лихорадочно рылся в багаже, отыскивая ружье.

Дядя Николай встал на колени в момент, когда сани резко затормозили, потерял равновесие и выпал. Птицы тяжело поднялись в воздух.

— Ха-ха-ха! — от души рассмеялся Генка.

Подошел дядя Антон.

— Ружье не успел достать? — спросил у Воротилова. — И мой карабин под барахлом... Далеко не улетят, на другую косу. Они камешки глотают для пищеварения — весна, пища грубая, прошлогодняя, желудку без камешков справиться трудно. Близко теперь не подпустят. Придется стрелять через реку... Ты случайно не снайпер?

— Дядь, дай пальну? — попросил Генка.

— Стреляй...

— Понятно, — усмехнулся Антон. — А ружье пацану не давай. Свое ружье, однако, никому не давай.

Охотник вернулся к своей упряжке.

— Харги[1] суеверный! — выругался Генка. — Ты, дядь, его не слушай, а?..

И впрямь гуси оказались на другой песчаной косе.

Оба дяди промазали.

Генка торжествовал: вот не дали ружье, а уж он-то попал бы непременно!..

Видимо, досадуя на промах, дядя Антон яростно погнал оленей. Песня, которую он меланхолично тянул от самого поселка, сменилась короткими, энергичными выкриками и ударами хорея. Остановку сделали только ночью. Погрелись у костра, напились чаю и снова в путь.

Высыпали звезды, берега оделись в плотную серую пелену, стали неразличимо однообразны.

— Приехали! — радостно закричал Генка, указывая куда-то хореем своему пассажиру.

Сани приблизились к въезду на пологий подъем с реки, где стоял крест из свежевыструганных жердей — дорожный указатель. Дальше упряжка попала на поляну, где был старый лабаз, за ним шумел ручей. Потом нырнули в деревья, дорога запетляла.

Дорогой здесь называлось извилистое пространство, достаточное для проезда саней, и только. Шла она по ухабам и кочкам, сани кренились в немыслимых виражах, и надо было беречь ноги от удара о пенек или дерево.

Наконец изгородь. И даже ворота из длинных поперечных хлыстов. Навстречу выскочила собака со щенком. Генка по-хозяйски цыкнул, обрывая негромкий лай.

И вот чум.

Дядя Антон тотчас принялся распрягать оленей. Рядом прохаживался Генка, разминая затекшие ноги. Он, разумеется, не может себе позволить броситься в чум впереди взрослых, у него хватит терпения и выдержки войти вместе со всеми. Покончив с первой упряжкой, Антон подошел к чуму, из которого торчала железная труба.

— Печку топи! — властно закричал он и ударил несколько раз по трубе палкой.

Словно в ответ на призыв, из трубы посыпались искры.

Глава вторая

Проснулся Генка рано. И увидел: гости спят, а дед Бубух неторопливо раскуривает самодельную трубку березового корня с медными креплениями из стреляных гильз. Все лицо его в морщинах. Дед важно поглаживал подобие бороды — штук двадцать длинных и редких седых волос. Он восседал на сухих, кривоватых ногах недвижимо, темные щелки глаз оживленно поблескивали.

— Ну, Бубух, — нетерпеливо заканючил Генка.

— Раз вспугнул охотник птицу, — свежим, молодым голосом произнес дед, — не успел выстрелить. Весна. Видит — гнездо. Яйца большие, коричневатые, с крапинками. Кто?

— Глухарь! — уверенно выпалил мальчик.

— Правильно, копалуха... — похвалил Бубух. — Думает охотник: возьму яйца, будет мне сытный ужин. Еще подумал: нет, однако, больше поживы есть на этом месте... Что скажешь, внучек?

— Бубух, ну, Бубух...

— Что скажешь, внучек?

— Приду в другой раз, — осенило Генку, — застрелю копалуху. Будет мне и мясо и яйца.

— Ай-яй-яй! — В притворном изумлении дед пожевал мягкими губами и глубоко затянулся из трубки. — Старая память... Рассказывал тебе этот случай. Откуда узнал, как подумал охотник? Не может быть, чтобы уже такой умный стал, сам понял.

— Сам! Сам! — запротестовал обрадованный Генка.

— Много думать будешь, еще умнее, однако, станешь... Вот решил охотник заметить гнездо, повесил на сучок ягель и ушел. Прилетела копалуха, увидела ягель и обо всем догадалась... Что делать? Сидеть в гнезде — убьет охотник. Улететь, устроить новое гнездо — не успеешь яйца положить, птенцов вывести. Думала она, думала и придумала...

Чум оленевода просторен, устлан свежим лапником. Середину занимала железная печь с изрядно прогорелыми боками. Полог входа откинут, видны сосны, залитые солнцем. В стороне от входа сероватые ящики рации, на которых стоит коробка патефона. Дед Бубух нежился в солнечных лучах, с удовольствием курил. Он нарочно выдержал длинную паузу. Генка беспомощно морщил лоб: что же придумала копалуха?

— Сняла копалуха пучок ягеля, — сказал дед Бубух, — и перенесла подальше, на другую лиственницу, совсем похожую на ту, под которой у нее гнездо. Увидел охотник ягель, изготовил ружье и стал подкрадываться. Близко-близко подобрался — глазам не верит. Дернул себя за ухо, не помогает. Нет гнезда, нет копалухи, нет яиц. Только висит на сучке пучок мха... Или ветер его с дерева на дерево перекинул? Кружил, кружил да и ушел ни с чем. Значит, из всякого положения...

— Есть выход, если хорошо подумать! — весело закончил Генка.

— Правильно, внучек!

Кряхтя, дядя Антон выбрался из спального мешка, пощупал чайник на печке — теплый, принялся одеваться. Встал и Воротилов.

— Давно слушаю твои сказки, Бубух, — недовольно проворчал дядя Антон, — интересно, да пусто. Охотники всегда дураки, любой зверь хитрее. Почему же мы каждый год план по пушнине выполняем?.. Туманишь мальчишке голову.

Лицо деда осталось спокойным, но черты обострились, затвердели — разгневался Бубух. Он долго сидел молча, потом улыбнулся Генке, который напряженно ждал ответа.

[1] Харги — злой дух, черт.

И вот чум. Но Генка, разумеется, не мог себе позволить броситься в чум впереди взрослых.

— Ай-яй-яй, — сказал дед, обращаясь к внуку, — громкие слова у дяди Антона. Сильнее бубна, однако, гремят! Человек умнее зверя — Генка знал, когда еще ходить не умел. Он и сейчас не забывает. Генка хочет еще кое-что знать. Генка хочет хорошим охотником стать. По пустому месту не бегать, как дядя Антон. Дяде Антону председатель сказал: иди за ондатрой, мало ондатры добыли. А дядя Антон не знает, почему этой весной ондатры нет. Ничего не может возразить председателю. Пятнадцать — двадцать дней потеряет, вернется пустой. Почему — не знает. Однако знает: умнее он зверя. Кое-что знает дядя Антон...

Генка расхохотался, схватил чайник и выскочил из чума. Он помог умыться Воротилову и рассерженному дяде Антону. Вынес чистое полотенце.

Свой чум бригадир Степан Кириллович Хукочар поставил на холме, в окружении сосен. На фоне серых, пробуждающихся от зимы лиственниц они выглядели красавицами, заметными издалека. Кроме вместительного жилища, был разбит еще маленький чум, над которым курился дымок. В стороне — небольшой лабаз, заваленный шкурами, мешками, ящиками. Холм опоясывала сырая низина. Негромкое позвякивание колокольчиков постоянно напоминало о близости оленьего стада. Припекало солнце, возбужденно перекликались птицы.

Из маленького чума выскользнула бабушка с большой кастрюлей, из которой торчали косточки оленьих ребрышек.

— Степан идет, — сообщила она.

— Знаешь? — не поверил все еще сердитый Антон и сразу же удивился: — Ну и уши у старухи!..

Генка увидел отца. Тот нес огромное сосновое бревно на плече. Высокий, широкой кости, сухощавый, держался прямо. Красиво нес отец бревно. Свободно, без натуги. Он все делает красиво. Генка стремглав побежал навстречу.

— Воду готовь! — крикнул ему отец, сбрасывая ношу; дерево звонко ударило по мерзлой земле.

Тщательно мылся отец, изредка улыбаясь Генке.

В чуме уже был накрыт низенький столик. Гостей усадили на малу [1].

Пока взрослые пировали, Генка несколько раз исчезал из чума. В одном пиджаке, без шапки легко и весело было ему бегать, смотреть на маленьких оленят, гоняться за бурундуками, думать в сладостном волнении, что завтра отец даст обещанное ружье и вангая [2]. К вечеру мальчик простыл, но изо всех сил держался, не жаловался на головную боль. Бубух заметил его простуду, шепнул бабушке. Она сунула внуку пару таблеток, которые тот моментально проглотил. Вскоре Генка почувствовал облегчение и перед сном опять пристал к деду.

---

[1] Малу — почетные места для гостей против входа в чум за очагом.

[2] Вангай — олень, обычно выносливый и умный.

— Птицы, звери, как и люди, зимой носят одну одежду, а летом другую. Так ведь, внучек?

— Рыба одежду не меняет, — на всякий случай заметил мальчик, уже догадываясь, куда клонит дед.

— И рыба меняет, да только не видно, — возразил Бубух. — Зимой куропатки белее снега. Когда тихо сидят, в трех шагах не заметишь. Оберегает одежда, сохраняет от ружья, лисицы, совы и волка... Весной, с первыми проталинами, линяет куропатка. Сошел снег — рябенькая она, под цвет ягеля и сучков. Сядет под деревом или на полянке — маленькая кочка, бугорок. Еще незаметнее весной куропатка. Куропач не такой. Попил талой ледяной водички, травки пощипал, грудь расправил — герой. Не желает снимать белое перо. Сам себе сильнее всех на свете кажется. Большой форсун куропач. Перед женой красуется, гордится, нос задирает или сядет где-нибудь на сучок, греется на солнышке. Грязное пятно на себе заметит — счищает. Ну и вправду красив, да что толку в такой красоте? Издалека виден. Идет охотник — бубух! Погиб куропач. Летит сова — что в серой тайге белеется? Ага, вкусный ужин... Вот какой глупый куропач. Да и другой человек выскочит по весне без шапки...

— Однако зачем по белой куропатке стрелять? — прервал деда Генка. — Куропатки парами живут. В рябенькую сначала стреляй. А белый куропач будет рядом кружить, не улетит.

— Правильно, внучек, — гнул свою линию Бубух. — Не только себе плохо делает куропач, других губит. Вот если ты заболеешь, деду горе, бабке горе, отцу горе...

— В школе говорили немножко болеть надо, чтобы сильно не заболеть, — позевывая, возразил Генка.

— Ну, спи, спи, бэркэ бэеткэн [1], — улыбнулся дед Бубух.

Давно уже похрапывали отец, дядя Антон, дядя Николай, бабушка.

Утихла и тайга, лишь вдалеке нежно и призывно кричали косачи.

Глава третья

Генка подбирал сухие сосновые ветки, опавшие с деревьев, и быстро-быстро ломал их на маленькие палочки. Целую кучу насыпал на колени. Рядом бегал щенок Соболь, ласково заглядывая в глаза хозяину. Однако не до собаки Генке. Потрепал ее по загривку и опять принялся ломать ветки быстро-быстро.

Дед Бубух разговаривал с дядей Антоном, который, погостив, собрался аргишить дальше в тайгу в поисках ондатры; к их разговору прислушивался дядя Николай.

А отца не было. Позавтракали без него. Раненько утром ушел отец в стадо.

[1] Бэркэ бэеткэн — упорный, неподдающийся мальчик.

Обидно Генке, насупился: где обещанные олень и ружье? Два дня минуло, третий наступил, а отец молчит и дед Бубух молчит — куда же это годится?

Нехорошо быть нетерпеливым — напоминать взрослым обещания, да и побаивался Генка: вдруг что-нибудь изменилось? Правда, никогда не случалось, чтобы отец не выполнял слова, но, может быть, некогда было сделать ружье?..

Ломал Генка ветки на маленькие палочки, не играл с Соболем.

Опять целый день без ружья — вернется отец, проводят взрослые дядю Антона, а о нем забудут, как забыли вчера. А завтра будет собрание, придут оленеводы из другого отделения бригады, значит, и завтрашний день пропал...

Очень обидно стало Генке, подобрал уже наломанные палочки и начал ломать их на более мелкие — трудно поддавались они, да все-таки какое-то занятие...

Дед Бубух внимательно посмотрел на расстроенного внука, догадался о его переживаниях, сходил в маленький чум, в котором всегда горел костер — бабушка пекла там хлеб, поджаривала мясо, коптила рыбу. Принес дед Бубух пучок пантов — молодых оленьих рогов, покрытых короткой шелковистой шерстью.

— Выбирай, Генка!

Хитрый дед Бубух: большие, крупные панты в середине пучка спрятаны, будто самые лучшие. Но в чем-чем, а уж в лакомствах-то Генка разбирается. С краю пант на вид не совсем удачный, зато сочный, вкусный, мягче других наверняка!

— Этот давай.

— Еще есть вот какие, внучек.

— Не по моим зубам, — серьезно возразил Генка.

Посмотрели дед с внуком друг другу в глаза, поняли друг друга и рассмеялись.

Повеселел Генка. Пригодились наломанные палочки — зажег костерок, подбросил еще веток. И взрослые подошли к огню палить панты.

Быстро сгорела мягкая шерсть, свертываясь в маленькие черные комочки, и весь пант почернел, стал похож на обугленную головешку. Выхватил Генка из ножен острую пурту [2], соскоблил нагар, еще подержал пант в пламени, чтобы поджарился, потом тщательно соскреб всю копоть и грязь, сделал длинные продольные надрезы.

Вкусно захрустела на зубах хрящевина.

И взрослые были довольны угощением, которое называли деликатесом. «Зачем, — подумал Генка, — второе слово, когда уже есть хорошее и простое — «пант»?»

— В первый раз ешь? — спросил дядя Антон у дяди Николая. — Русские всегда говорят: свиное ухо напоминает, верно?

— Похоже, — согласился дядя Николай.

Дед Бубух с удовольствием поедал пант, подмигнул внуку и сказал совершенно неожиданное:

[2] Пурта — нож.

В чуме уже был накрыт низенький столик. Гостей усадили...

— О свином ухе слушай, о своих ушах, однако, не забывай.

Не сразу понял Генка, а когда понял, сосредоточился в напряженном ожидании и услышал позади себя: хрустнула ветка, еще одна... Кто-то идет! Вскочил на ноги, оглянулся: отец с оленем!

— Получай обещанного вангая, Генка! Только сначала покажи, послушен ли тебе учаг [1].

Раньше много ездил Генка, и уж отец-то знает, какой он лихой наездник. Просит, чтобы увидели дядя Антон с дядей Николаем, догадался мальчик и подвел оленя к пеньку, с которого мог вспрыгнуть на спину учага без посторонней помощи.

[1] Учаг — верховой олень.

Учаг пофыркивал, с подозрением косился огромным фиолетовым глазом на маленького наездника, который крепко держал в руке повод.

Кончилась вольница для оленя, когда пасся в стаде на свободе и никто на нем не ездил. Не очень-то хотелось вновь принимать на спину груз, успел забыть, что всю прошлую весну и лето возил Генку.

Ласково похлопал мальчик ладошкой по холке оленя и вскочил в седло. Учаг рванулся с места в сторону, надеясь сразу скинуть наездника, но Генка цепко держался, упирался пятками в оленьи бока. Потом олень ринулся вперед: может быть, при быстром беге мальчик не удержится? И тут почувствовал крепкую руку Генки и ощутил короткие, резкие удары в бока — наездник еще подгонял его!..

Вокруг холма, на котором стоял чум, пронесся Генка стрелой, а на втором круге показал взрослым, как послушен ему учаг. Пускал оленя в бег, осаживал, заставлял идти шагом, поворачивал, останавливал и вновь быстро ехал, ловко лавируя меж деревьев. И, пока он так гарцевал, в голове созрела мысль удивить дядей, а может быть, и отца.

Разогнав оленя, Генка свернул с обычного пути, стал удаляться от взрослых, замелькал пятнышком в густой лиственничной заросли, исчез. Он уверенно управлял, и учаг, смирясь, бежал легко и быстро: не тяжелая у него ноша. Мелкие ручейки, то и дело попадавшиеся в низине, преодолевали за один прыжок, а в чащобе мальчик склонялся к нервной, вздрагивающей шее оленя, чтобы не мешали низкие ветки движению, и только погонял.

Большой круг описал Генка и выехал к холму с противоположной стороны, невидимый взрослым. Он хотел подкрасться сзади.

Так бы и получилось, да вот Соболь. К этому не подкрадешься незаметно!.. Гордость за собаку перемешалась у Генки с досадой: залает, все, пропал фокус, вон хвостом уже помахивает...

Стараясь хотя бы выиграть расстояние, Генка наддал пятками. Он влетел на холм с воинственным криком, тут же залился в лае Соболь. Взрослые недоуменно оглянулись, а Генка уже летел мимо них гордый, счастливый, выпрямленный в седле. Шутка удалась.

Встретив одобрительную улыбку отца, Генка возликовал. Сейчас отец отправится в чум, а потом...

Отец зашел в чум, но, к великому огорчению, вынес не ружье, а... маут [1]! Горький комок подкатил к горлу Генки: что это значит?!

— Пенек не бегает, но и в него попасть надо, — сказал отец.

Почти не глядя, как-то сбоку бросил маут. Веревка, причудливо разматываясь в воздухе, полетела словно бы нехотя, но петля точно накрыла цель.

— Твоя очередь, Генка!

Мальчик деловито собрал маут в аккуратные кольца, взял в левую руку конец веревки, правой замахнулся, бросил. Петля ударила по самой маковке пенька и... соскользнула.

— Это ничего, — сумрачно пообещал Генка. Он бросил еще несколько раз; попадал, промахивался.

— Вот отсюда, — показал отец, отсчитав пятнадцать шагов от пенька, — попадай из десяти девять раз, Тыкулча [2]!

И дружески похлопал по плечу.

Около чума давно уже стояла бабушка, молча наблюдая.

— Степан! — наконец позвала она.

Отец повел гостей в чум, где все было приготовлено для хорошей, плотной еды, которая полагается перед дальним аргишем. На железной печке стоял наваристый суп: сначала долго варили мясо, а потом вынули и отдали собакам, в бульоне сварили оленьи ребрышки — вкусно запивать крепким бульоном сочное, мягкое мясо с оленьих ребрышек! Бульон беловатый: бабушка добавила туда муки из растертых хуликта — сушеных кусочков мяса.

Но для Генки вкуснее всего чай с оленьим молоком и сахаром. Такое крепкое оленье молоко, густое. Мало-мало надоишь — кружку от нескольких важенок [3]. Но кружкой наешься досыта. А если добавлять в чай, на много кружек хватит. Быстро набирают силу от молока маленькие оленята. Только появится на свет олененок, стоит на тоненьких ножках, дрожит всем телом от маленького хвоста до головы и сразу кричит: «Мэ, мэ!» Попьет раз молочка — ходить может, попьет второй раз на обед — бегает, а к вечеру, однако, когда в третий раз попьет, взрослый дядя его не поймает! Вот какое крепкое оленье молоко!

Сначала ели суп, а потом бабушка принесла из маленького чума силавуны.

— Эвенкийский шашлык! — сказал дядя Антон дяде Николаю.

Ничего не возразил Генка, а про себя подумал: «Зачем лишние слова? Только людей запутывают». На большую палку насаживает бабушка куски мяса и, все время поворачивая, обжаривает на костре в маленьком чуме, чтобы мясо не было сырым, но и не потеряло сочности: сухое мясо в горло не идет. Это и называют силавун. Разве плохое слово? Зачем еще говорить: шашлык?

Пол чума был плотно устлан сосновым лапником, все сидели прямо на ветках, силавуны воткнули острыми концами в землю справа от каждого, и каждый вытащил свою пурту. Приступать к еде можно было, когда срежет первый кусок мяса отец. Он не спешил.

Бабушка убрала лишнее со столика, вытерла его мелкой-мелкой древесной стружкой и поставила две чистые миски. А отец подал дяде Антону и дяде Николаю большие кости.

Дядя Антон привычно обстукал тупой стороной пурты кость, а затем резким ударом расколол вдоль и вывалил розовато-белый мозг в миску. Глядя на него, дядя Николай тоже обстукал кость, но расколоть вдоль не смог, она лопнула поперек, пришлось повозиться, извлекая лакомство. Генка знал, что колоть кость поперек не только неудобство, но и плохая примета, правда, почему плохая, ему было неизвестно. Посмотрел на озабоченного дядю Антона и чуть не прыснул от смеха, его остановил строгий взгляд отца. «Харги суеверный!» — весело подумал Генка и незаметно ухмыльнулся.

Дядя Антон открыл горящую печку, бросил в огонь кусочек мозга.

— Ая бидэви, бэюнэ букэл [4], — пробормотал он.

---

[1] Маут — ременный аркан для ловли оленей.
[2] Тыкулча — имя, которое дают мальчику за постоянно сердитый вид.
[3] Важенка — олениха.
[4] Ая бидэви, бэюнэ букэл — Чтобы жить хорошо, зверя пошли.

Вокруг холма, на котором стоял чум, пронесся Генка стрелой!..

— Что? — спросил дядя Николай.

— Это так, старые слова, — смутился отец.

За едой Генка постоянно помнил: на полянке ждет маут. Быстренько поел, выпил свой чай и убежал. Много бросал маут, наловчился попадать почти каждый раз. И даже на ходу иногда попадал, а не только с места. Наконец вышли из чума взрослые, а отец нес заветное ружье!..

Так и хотелось Генке броситься к отцу, но сдержался он, лихо кинул маут и сразу заарканил пенек.

Одобрительно улыбнулся отец. А потом... отдал ружье дяде Антону. Что такое?..

Взял топор, сделал затес на лиственнице. Ага, мишень!

Долго пристреливали взрослые маленький обрез из мелкокалиберной винтовки. Отец снял с приклада железную скобу, обтесал, облегчил, перепилил ствол и переставил мушку.

Пули заваливало влево и вниз.

Осторожненько подбил мушку дядя Антон, пули стали ложиться в цель.

И пока происходила вся эта процедура, мальчик стоял в стороне, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Потом все взрослые стали серьезными, даже хмурыми, а дядя Антон вручил Генке заветное ружье.

— Будь синкэчи бэе [1], — торжественно сказал он.

И вот оно в руках, ружье, о котором мечтал Генка всю свою жизнь!..

Любовно мальчик стряхнул соринки, прилипшие к ложу, передернул затвор и с замиранием сердца вложил первый патрон.

Легкое ружье, удобное. Прищурил Генка левый глаз и увидел в прорези прицельной планки

[1] Синкэчи бэе — удачливый охотник.

тонкий штырь мушки и белое пятно затеса с черными пятнышками — попавшими пулями взрослых.

Выстрелил... попал!

Отец пошел смотреть.

— Чуть выше бери! — крикнул от затеса.

Еще выстрелил Генка. Целый день палил. В затес, в ветки, пенек, пачку патронов расстрелял — сорок штук!..

Глава четвертая

Генка почувствовал, как что-то давит в бок. Потом услышал громкий, заливистый лай Соболя и окончательно проснулся. Не открывая глаз, погладил холодный ствол, ощупал затвор и скользнул крепкой ладошкой дальше, к прикладу. Затем прижал к себе винтовку крепко-крепко и снова почувствовал, как рукоять затвора впилась в бок. Было больно, но не отпускал — в боку больно, а так вообще приятно. Вчера не повесил винтовку на гвоздь, как теперь будет делать каждый вечер, взял в постель; дед Бубух заметил и ничего не сказал.

Соболь все лаял, Генка забеспокоился и открыл глаза.

В чуме спали еще, и только над отцом вился синеватый дымок — он курил, думал.

Сильная дрема овладела Генкой, он закрыл глаза.

Лай Соболя стал еще яростнее. Отец завозился и встал.

Все еще не открывая глаз, Генка гладил винтовку и услышал, как отец покинул чум, цыкнул на Соболя, но щенок не унимался. Потом стал слышен размеренный шорох напильника — отец точил топоры, значит, скоро — сегодня, наверное, — взрослые начнут строить изгородь. Отец встанет впереди и поведет длинную полосу из жердей через лес к реке. Он изготавливает стойки с ямками-надрубами, в которые кладут жерди-укосины, а на них уже — продольные жерди. Ух и быстро работает отец! Тюк-тюк-тюк — безостановочно стучит топор.

Солнце влилось в чум через открытый вход, лучи, медленно скользя, добрались наконец до Генкиного лица. Генка еще сильнее сжал веки, но знал, ощущая ласковое тепло: долго не выдержит, солнышко все-таки заглянет в глаза. И сначала поплывут разноцветные круги — оранжевые, желтые, голубые; потом растают, а сначала обязательно появится много-много, и будет щемяще-сладко, как бывает, когда по голой ступне ползет муха.

Генка сильно сжимал веки, гладил винтовку и слышал, как заливисто лает Соболь, а сквозь лай шоркает напильник — жик-вжик, жик-вжик...

На кого Соболь так долго лает?

Генка выскользнул из-под медвежьей шкуры и встал, а потом уже открыл глаза. Но солнышко не обмануло: поплыли разноцветные круги, и стало щемяще-сладко; мальчик потянулся, зевнул.

Быстро справившись с одеждой, Генка на мгновение обозначил в раздумье тоненькую морщинку на переносье, потом взял тепловатой воды из чайника и пошел умываться.

Закашляла бабушка и тоже встала.

Независимо Генка вышел из чума с пастой, зубной щеткой, полотенцем, мылом и большим ковшом. Отправился умываться немного дальше обычного места, чтобы видеть и отца и Соболя сразу.

Соболь вертелся у высокой сосны, задрав голову, облаивал кого-то на дереве. Отец сидел на бревне, в стороне от беспокойного щенка. Два остро наточенных топора были всажены в колоду, он сосредоточенно точил третий. Солнце играло на светлой поверхности лезвия, пуская быстрые зайчики.

Долго мылся Генка, неторопливо. Наблюдал, пытаясь понять, что происходит с собакой и сердится ли отец. Но так ничего и не понял. Отец, всадив в колоду третий топор, сказал:

— Глупый щенок Соболь. Пустая собака.

И тоже пошел умываться.

Соболь лаял не переставая и уже с хрипотцой; жалобно, недоуменно поглядывал на хозяина.

Красивая собака! Хвост колечком, ушки торчком, вся черная, только ноги в белых чулочках и на груди белое пятно, крепкая, быстрая. Неужели бестолковая? Неужели не будет из нее толку на охоте?..

— Перестань! Ну! — грозно прикрикнул Генка и замахнулся рукой.

Поднималось солнце, съедая редкий туман в низине, а сосна на взгорке, вокруг которой бегал щенок, вся окунулась в рыжие лучи, высветлилась каждая ветка. Дерево стало золотисто-желтым, звонким будто бы. Генка осматривал его с верхушки до самых нижних сучьев. Ничего не заметил мальчик.

— Замолчи, Соболь! — попросил щенка. — Замолчи.

Не послушался щенок и залаял громче, потому что уже все взрослые покинули жилой чум и грелись на солнышке — дед Бубух, дядя Николай; бабушка разожгла в маленьком чуме костер.

Стыдно Генке! Пустая у него собака. Без толку лает на дерево. Ушел мальчик от стыда к бабушке в маленький чум.

Здесь потрескивали сучья на костре и ровно, жарко горели аккуратные сосновые поленца.

— Есть захотел, Гена? — ласково спросила бабушка, сняла с большого силавуна верхний обжаренный кусок мяса. — Возьми.

Вкусное, сочное мясо, но ел Генка без аппетита. Если собака бестолковая, никто не возьмет ее зимой в тайгу, не научится она бегать за соболем, облаивать белку... А он-то мечтал: Соболь подрастет и не испугается самого амикана [1], храбро бросится на амикана, чтобы задержать на месте, пока Генка будет целиться и стрелять.

---

[1] Амикан — старик, но так называют и медведя.

Вот, слышно, взрослые смеются. Конечно, над Соболем смеются.

Выскользнув из чума, Генка приблизился к собаке и, когда увидел, что взрослые не обращают на него внимания, бросил щенку кусочек лакомства. А Соболь отбежал, будто бросили камнем, и все лаял. «Что-то тут не то», — подумал мальчик.

Бабушка приготовила чай. Переговариваясь, взрослые направились в чум, и отец, который шел позади, требовательно позвал:

— Хутэ! [1]

Генка ослушался, сбегал в маленький чум, взял еще кусок мяса и вернулся к собаке, рукой подал. Жалобно вздрогнул у Соболя нос, но щенок отскочил и уже в отчаянии, с завыванием продолжал лаять. «Что-то тут не то», — опять подумал Генка и поспешил в чум к завтраку.

Отец недовольно посмотрел на запоздавшего сына, но ничего не сказал.

Взрослые разговаривали о прошлогодней изгороди, самой длинной, которая пересекает два ручья. Ее нужно осмотреть и подправить, где обвалилась. Земля всюду крепкая: вечная мерзлота. Надежно упрешь колья, а простоят недолго. Весной пригреет солнце мхи, растает под ними ледок — все снова укрепляй.

А там, где встанет новая изгородь, отец уже побывал. Наметил маршрут. Тут главное — выбрать по возможности прямую линию до самой воды в Тунгуске, а то задашь лишней работы. Прямую-то прямую, да не всегда получается. Надо, чтобы рядом была поросль длинных лиственниц, из которых рубят жерди. Иначе опять хлопот не оберешься: трудно и долго издалека подтаскивать материал.

Не так просто шел отец по лесу, намечая маршрут. Каждую мелочь учитывал, присматривался, соображал. Это только Зинке и Верке все кажется простым и легким. Глупые девчонки!

Протянется изгородь, выпустят в новый загон важенок с оленятами на свежий ягель и травку на берегу. Маленькая пока травка, но полезная. От нее еще крепче оленье молоко, быстро подрастают олешки. В траве витамины. Зинка и Верка думают: витамины — такие маленькие горошинки. Не знают: витамины в траве есть. Несколько дней будут взрослые строить изгородь, чтобы дать важенкам-мамам витамины. Это тебе не в поселке: пошел в магазин и покупай хоть десять пузырьков горошин...

Генка торопливо допил чай и вышел из чума.

— Да замолчи, Соболь! — сердито сказал собаке. — Совсем замолчи!

Щенок теперь лаял редко, с перерывами: устал. Но не спускал глаз с дерева.

[1] Хутэ — сын.

Генка посмотрел по направлению взгляда Соболя — на голый ствол. Эх, как не повезло с собакой!.. На стволе-то, ясное дело, ничего нет и быть не может.

— Ав-ав-ав-ав! — вскинулся Соболь, подбегая почти вплотную к дереву.

Быстрая тень чиркнула по темно-коричневой коре и вмиг растаяла. «Бурундук!» — догадался Генка. Тщательно осмотрел сосну и вскоре увидел коричневого с полосочками бурундучка, который почти сливался со стволом, его легко можно было принять за обыкновенный нарост на дереве.

— Папа! — закричал Генка. — Па-па! Иди сюда! Папа!

Отец подошел сзади, неслышно.

— Охотники не орут, — упрекнул он. — Бери ружье, снимай бурундука.

— Я хотел показать: не глупый щенок Соболь, не пустая собака!

А дед Бубух уже принес ружье и патроны.

Мальчик отошел на несколько шагов от дерева — удобнее стрелять. И, прежде чем прицелиться, успел заметить улыбку отца.

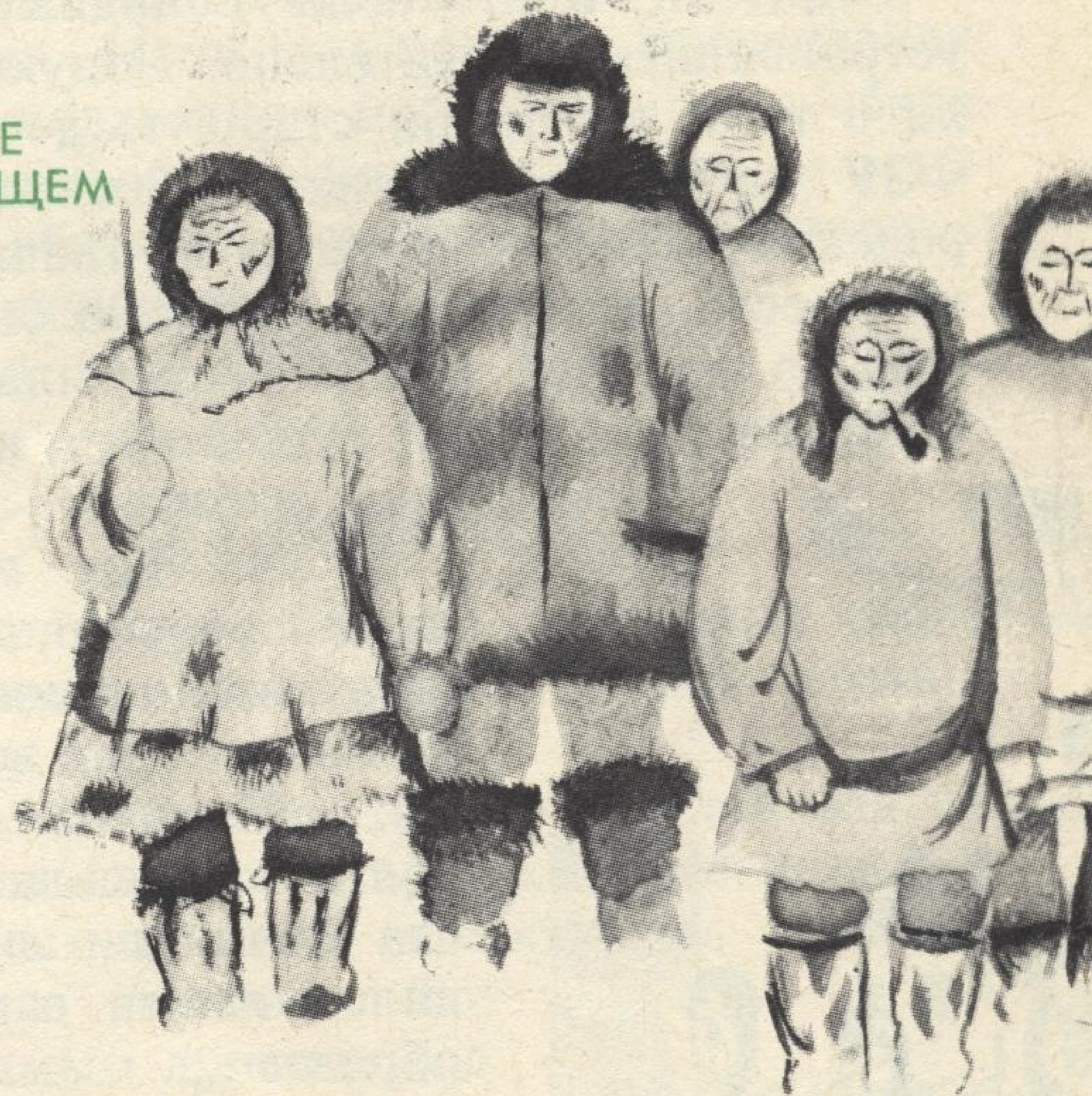
С трех выстрелов снял Генка бурундука. После первого перебежал зверек на ветку, после второго — на кончике ветки затаился. Тут-то Генка и попал.

Сдерживая хлынувшую радость, стоял после удачного выстрела и улыбался, скромно потупив глаза.

— Собаку корми! — строго приказал отец, обрывая Генкино ликование. — За хорошую работу — хорошая еда. Повкуснее что-нибудь.

Потом отец все-таки ласково взъерошил сыну жесткие волосы. Это было очень приятно.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Подарок ко дню рождения

М. С. ИВАННИКОВА

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

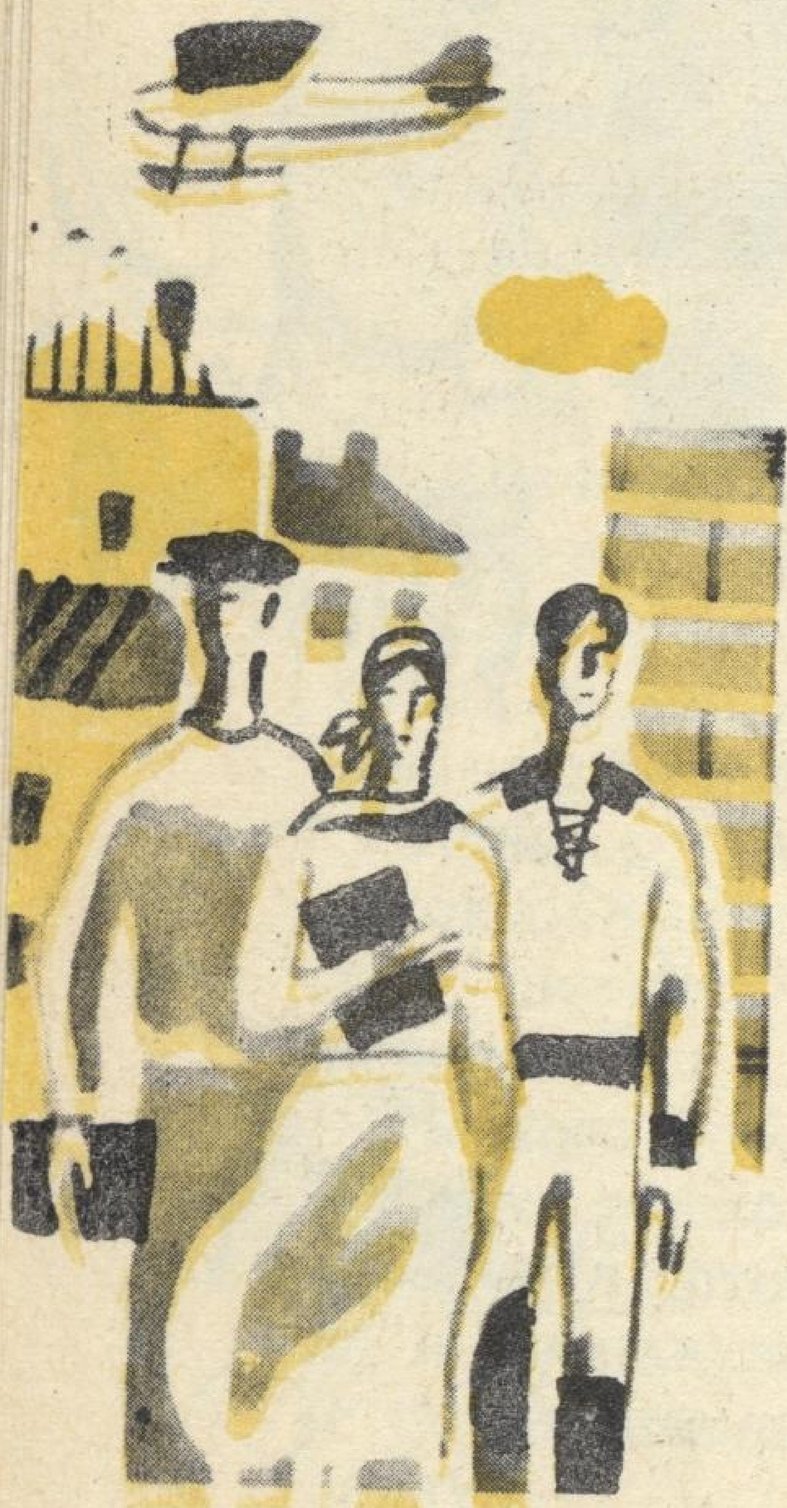
Мария Сергеевна Иванникова начала движение за экономию и бережливость. Вся наша страна подхватила ее почин. Мария Сергеевна — депутат Верховного Совета СССР, делегат XXIV съезда КПСС.

Мы открываем Москву

Профессию свою я не выбирала. Вернее сказать, это она меня выбрала: росла я в деревне и думать никогда не думала о том, что стану фабричной работницей.

В город нас привела беда: брат, маленький еще мальчишка, поранил глаз. Повезли его в Москву. Врачи сказали, что лечить будут долго. Пришлось заколотить дом, бросить хозяйство и переехать, неизвестно на сколько, в город.

Родители мои, люди солидные, в Москве устраивались основательно. Новую жизнь начали с того, что меня, старшую дочку, отдали в ФЗУ учиться на ткачиху: привыкай, мол, к городскому ремеслу. Почему на ткачиху? Да потому просто, что ткацкая фабрика была по соседству, а при ней как раз открылось училище. Фабрика эта и сейчас существует, и я там по сей день работаю.

В училище мне понравилось: сразу много подруг да еще мальчишки из школы механизаторов водились с нами. Компания набралась большая, веселая, и все вместе сочинили мы такое правило: «жить самым лучшим образом».

Поначалу касалось это только выходных дней. Народ мы были пришлый и по воскресеньям открывали для себя Москву. «Открыли» кинотеатр «Ударник», и так он нам понравился, что с этого дня нигде в другом месте не желали фильмы смотреть!

В другой раз «открыли» Третьяковскую галерею. Шли мимо, видим: здание старинное, нарядное, и милиционер стоит, охраняет. Подошли поближе, спрашиваем, что, мол, такое.

— Третьяковская галерея, — отвечают. — Картины висят.

— А сюда всем можно?

— Всем, — говорят. — Заходите.

Зашли. Понравилось. В другое воскресенье уж не в «Ударник» отправились, а в Третьяковку.

Это у нас называлось «жить самым лучшим образом»: не терять времени, каждый день узнавать что-нибудь новое.

День совершеннолетия

Дни рождения бывают, как известно, хоть не часто, но все-таки каждый год.

Совершеннолетие бывает раз в жизни. У кого раньше, у кого позже.

Я точно знаю день и час своего совершеннолетия. Это случилось, когда я, «фезеушница», получила на фабрике свой первый крючок.

Крючок, которым работают ткачихи, ничуть не похож на вязальный. Он похож на длинную палочку, на конце — полукруглое отверстие. Крючок для ткачихи — основное орудие труда: им подцепляешь оборванную нитку, им проводишь связанную нить сквозь основу.

Когда ученице давали крючок, это значило, что основные операции она освоила и работать может самостоятельно. Когда мне вручили крючок, я почувствовала себя очень торжественно. Как в день рождения. И мне захотелось отпраздновать этот день, провести его «самым лучшим образом». Только я не знала как.

Мы в это время уже ходили на фабрику. Станки за нами закрепили, но нормы с учениц не спрашивали, быстроты особой не требовали. Я подумала, что «самым лучшим образом» провести время на фабрике — это попробовать ра-

ботать в полную силу, узнать, на что ты способна.

Подговорила девчонок. Весь день мы работали «самым лучшим образом», а к вечеру узнали, что наша ученическая бригада выполнила норму взрослых ткачих и что у нас совсем не было брака.

Ткачиха

Я стала настоящей ткачихой, обслуживала десять станков, на фабрике меня хвалили, дома радовались.

И тут началась война.

Во время войны делать все «самым лучшим образом» значило работать не по мере сил и умения, а сверх сил и выше умения. Мужчины с фабрики ушли на фронт, кому-то надо было выполнять мужскую работу — наладку станков. Я вызвалась учиться на помощника мастера, выучилась и — ничего — справлялась! Даже трудно было потом возвращаться к станку, снова набирать скорость. Но мирная жизнь началась, а пришли мы к ней раздеты-разуты. Пообносились вконец. И, конечно же, так хотелось, чтоб все были одеты «самым лучшим образом»! Поэтому я с радостью вернулась к ткацким станкам.

Да и не могла бы я расстаться со своей профессией! Очень она мне к тому времени понравилась и казалась почетной. В войну фабрика выпускала диагональ — из нее шили гимнастерки, и мы очень этим гордились: шутка ли — армию одеваем! А теперь пошли легкие нарядные ткани. Идешь летом по улице, увидишь платье, твоими руками сотканное, и, как знакомому, ему улыбнешься. Прохожие оборачиваются: вот, мол, чудачка!

«Принять, не задавая вопросов»

Я подала заявление с просьбой принять меня в члены Коммунистической партии. К этому времени мне казалось, что я научилась думать не только о том, как **мне** лучше выполнить свои обязанности, а о том, как лучше организовать работу на всей нашей фабрике.

Работа у ткачихи не то чтобы трудная, а канительная. Чуть зазеваешься — сразу брак. Операций много, и каждая требует большой точности, внимания. Но между операциями кусочки времени остаются — где минута, а где три. Если их не потерять, а припрятать и сложить вместе, глядишь, наберется время на лишний станок. Я попробовала сама, а потом и всем предложила перейти на обслуживание большего числа станков. Продукция фабрики увеличилась, выросли заработки ткачих — тоже не последнее дело.

Когда мое заявление о приеме в члены КПСС обсуждали в райкоме партии, оказалось, что все обо мне знают и давно интересуются моей работой.

Секретарь райкома предложил:

— Принять, не задавая вопросов!

К столетию Ильича

Вся страна готовилась к празднованию столетнего юбилея Владимира Ильича Ленина.

Я подумала, что, может быть, сумею обслуживать еще одну машину сверх нормы.

Никому об этом не сказала, а положила себе с утра увеличить скорость. Но, как видно, темп взяла слишком быстрый: сбилась с ритма, рука задрожала и — хлоп! — уронила моток ниток на пол. Нагнулась поднять, а уж он весь грязный: наладчики смазывали станок, накапали кругом маслом.

Дело, впрочем, обычное: за смену каждая ткачиха сколько-то мотков почему-нибудь да загубит, к этому мы привыкли. И тут меня как осенило: ведь если следить за порядком построже, если беречь не только каждый моток, а и каждую нитку, которую мы, заправляя барабан, отматываем не скупясь, — это сколько же пряжи можно сберечь!

К предложению моему поначалу отнеслись с опаской: что там можно, мол, наработать, сэкономив несколько ниточек? Прислали, впрочем, двух экономистов. Стояли за спиной чуть не полную неделю: изучали условия труда. Потом определили: все, мол, верно, экономия должна быть большая. Но и они неточно предсказали: все ткачихи подхватили мой почин, и на сбереженном сырье фабрика не один, не два — четыре дня проработала! День рождения Ленина и еще три следующих.

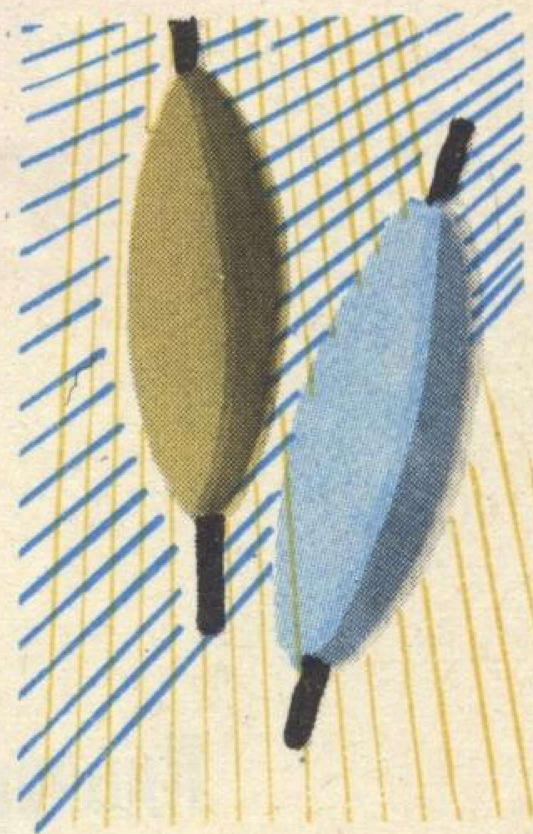
Такой был наш подарок.

Ничего особенного...

Мне часто говорят лестные, красивые слова: «У вас талант, призвание». А мне странно это слышать.

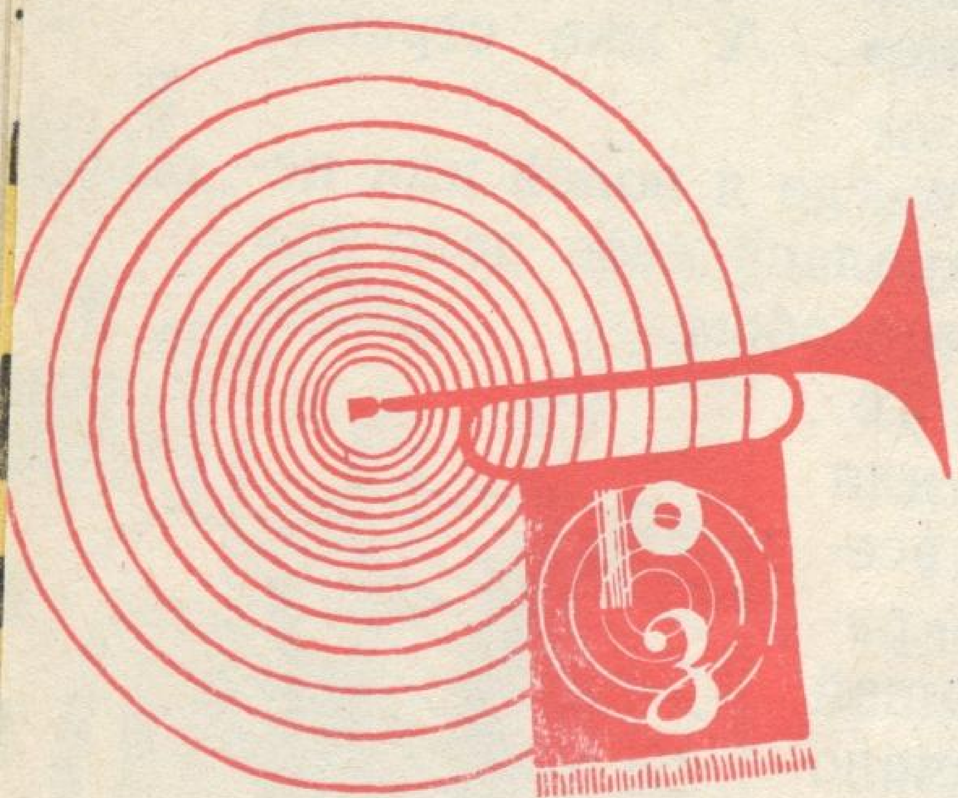
Просто на каждом месте, где я волей или неволей оказывалась, я старалась свое дело выполнять самым лучшим способом.

И вот что я заметила. То, что было самым лучшим для меня и моих товарищей, всегда оказывалось самым разумным и для всей нашей страны, всегда встречало поддержку и радовало людей.

Впрочем, чему тут удивляться? Ведь мы с тобой, мои и твои товарищи, — это и есть наша страна! А кто же еще?

Всюду на свете за мир дети!

радиостанция „Здравствуй!"

МЫ ИДЕМ МАРШРУТОМ «МИР И СОЛИДАРНОСТЬ»

Пионер — друг пионерам и детям трудящихся всех стран — таков закон советских пионеров. Пионер радуется успехам друзей. Пионер всегда вместе с теми, кто борется за мир, независимость и социализм!

15 мая исполняется тридцать лет со дня рождения пионерской организации Демократической Республики Вьетнам

ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ПОЗДРАВЛЯЮТ ПИОНЕРОВ ВЬЕТНАМА И ШЛЮТ ИМ ГОРЯЧИЙ БРАТСКИЙ ПРИВЕТ!

О пионерской организации Демократической Республики Вьетнам рассказывает ФИ ВАН ХАЙ, заместитель начальника отдела пионеров и учащихся ЦК Союза трудящейся молодежи Вьетнама имени Хо Ши Мина

Наш президент Хо Ши Мин уделял большое внимание воспитанию детей. В своем завещании президент Хо Ши Мин наказывал партии и народу: «Воспитание революционного поколения для будущего — дело очень важное и необходимое».

Все пионеры в нашей республике выполняют пять наказов президента Хо Ши Мина: любить свою Родину, свой народ; хорошо учиться, хорошо трудиться; жить дружно, быть дисциплинированным; соблюдать гигиену; быть скромным, честным, отважным.

Пионеры участвуют в борьбе с американскими агрессорами. Они сажают деревья, чтобы замаскировать зенитные позиции, приносят питьевую воду солдатам, выращивают кур и овощи, чтобы у солдат всегда был вкусный обед, завтрак и ужин, посылают подарки раненым бойцам и выступают перед ними с концертами.

Трудно живется сейчас нашим ребятам, но все пионеры хорошо учатся и трудятся. Центральный Комитет Союза трудящейся молодежи Вьетнама имени Хо Ши Мина призвал всех пионеров выполнить пять наказов дедушки Хо и совершить тысячу добрых дел, чтобы завоевать звание «Примерный внук дедушки Хо». И вот пионеры взялись озеленять страну, они помогают взрослым на заводах и фабриках, в кооперативах, помогают ухаживать за скотом, участвуют в постройке школ, работают в мастерских.

В 1966 году четыреста детей в нашей республике получили звание «Примерный внук дедушки Хо», а в 1970 году почетным значком «Примерный внук дедушки Хо» награждено два с половиной миллиона ребят.

Дорогие товарищи и друзья!

Я хочу еще раз от души поблагодарить КПСС, правительство СССР, советский народ за помощь вьетнамскому народу в борьбе против американских империалистов, а комсомольцев, пионеров и октябрят Советского Союза — за крепкую дружбу с нашими пионерами и школьниками.

Пионеры Южного Вьетнама Нго Иет и Во Хьонг награждены медалями «За мужество в бою», а Во Хьонг еще одной медалью — «За уничтожение танка».

Вот что они рассказали о своей пионерской организации, когда прошлым летом отдыхали в пионерском лагере «Артек»:

— Сколько человек в нашей пионерской организации, мы сказать не можем, потому что на территории, оккупированной американскими империалистами, пионерская организация существует нелегально. Наш главный пионерский вожатый — Ассоциация молодежи за освобождение Южного Вьетнама. Основная задача всех пионеров и школьников освобожденных районов везде и во всем помогать Временному революционному правительству республики Южный Вьетнам, Национальному фронту освобождения, вооруженным силам освобождения, нашим отцам, матерям, старшим братьям и сестрам. Сейчас все пионеры Южного Вьетнама участвуют в движении «За отличное выполнение любой задачи во имя спасения страны от американской агрессии!».

Каждый пионер Южного Вьетнама должен:

отлично учиться, заниматься спортом, овладевать техническими знаниями, уметь защищаться от вооруженного нападения врага, от средств химического нападения, соблюдать личную гигиену, помогать родителям дома, чтобы они могли активнее участвовать в войне против американских агрессоров и сайгонской клики.

Говорит ДАНГ КУАНГ МИНЬ, посол Республики Южный Вьетнам в Советском Союзе

Дорогие юные друзья!

Молодежь и школьники Вьетнама гордятся тем, что у них есть верные друзья — советские комсомольцы, пионеры и школьники.

Вместе со своими родителями и старшими братьями пионеры и школьники Южного Вьетнама ведут мужественную борьбу против американской агрессии. И всегда получают неоценимую поддержку от комсомольцев, пионеров и школьников Советского Союза. Они благодарны вам за письма и подарки, которые вы им посылаете, за дружбу и солидарность.

От имени молодежи Южного Вьетнама и от себя лично искренне благодарю вас. Желаю вам большого счастья. Желаю вам больших успехов. Пусть всегда будет для вас солнце!

Слава пионерской организации имени Ленина! Слава Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи!

Костас КАРАГИОЗИС приехал в Советский Союз лечить больное сердце. Вернуться на Родину, в Грецию, он не смог — к власти в его стране пришли фашисты.
Что ждало Костаса, сына коммунистов, да еще приехавшего из Советского Союза, на родной земле? Тюрьмы и концлагеря, аресты и ссылки, нищета и страдания.
Костас разлучен с друзьями, Костас не знает о судьбе родителей.

Слушай, товарищ, с тобой говорит юный антифашист Греции КОСТАС КАРАГИОЗИС

Я спрашиваю: когда же придет конец трагедии греческого народа? Когда перестанут бросать в тюрьмы, пытать и убивать лучших сынов Греции, борцов за свободу и демократию?
Это американские империалисты и НАТО помогли прийти к власти военным и установить фашистскую диктатуру. Из их рук получила моя страна новые оковы и новые страдания.
Под руководством Коммунистической партии Греции мой народ будет вести борьбу за независимость и демократию, пока не победит. Я призываю молодежь всего мира общими усилиями избавить народ Эллады и все человечество от фашистской чумы.
Долой фашистскую диктатуру в Греции!
Вон империалистов из Греции!
Да здравствует свобода и демократия!

За дружбу, за помощь, за солидарность тебя, советский пионер, и твоих друзей благодарит член Коммунистической партии Греции с 1943 года, секретарь антидиктаторского комитета греков-политэмигрантов, проживающих в СССР, Яна ТРИКАЛИНУ.

Всякий раз, когда я и мои товарищи приходим на митинг советских школьников, мы чувствуем любовь к нашему героическому

Операция «ЭЛЛАДА»

НИКОС

В. ТУЗОВ

Туристы в шортах, в темных во все лицо очках вертят головами и внимательно разглядывают развалины Парфенона.

Тогда подступает Никос, протягивает руку: на ладони кусочки мрамора. Туристам, наверное, кажется, что к этим кусочкам прикасались одежды богов, и они раскрывают кошельки.

Никос не смеется, он серьезен, он делает дело.

Иногда ему хочется стать гидом: улыбчивым и предупредительным, водить по городу туристов и легко зарабатывать деньги.

— Господа, — будет говорить Никос, — вот здесь, на этом самом месте, находился главный храм Афин — Парфенон...

Никос получает монетки, сует их в карман, туристы смеются, подкидывают на ладони кусочки мрамора и выбрасывают их. Мрамор падает на плиты древнего Парфенона. Получается, что Никос хитро выпросил милостыню. Никос уже не хочет быть гидом. Никос хочет стать рабочим, как его отец, как все, кто живет в их квартале, на окраине города.

Он идет домой. Идет по тихим, узким улицам, поросшим травой. Жизнь здесь на виду. Можно вынести стульчик прямо на улицу и почитать газету, обсудить важные события в мире, посудачить о соседе, посмеяться.

Но после того, как к власти в Греции пришли военные и установили фашистскую диктатуру, люди стали осторожнее, замкнулись в себе, слова правды произносят только в стенах домов, улицы стали пустынными.

Навстречу Никосу шел дядюшка Яннополис. Он далеко заносил вперед негнущуюся ногу и опирался на толстую палку. Все в квартале любят дядюшку Яннополиса. Во время второй мировой войны в партизанском отряде он умел бить фашистов, он умеет быть добрым и справедливым, умеет радоваться солнцу, жизни и быть сильным, хотя уже стар.

— Всякая правда, Никос, — сказал дядюшка Яннополис, — умещается в нескольких словах. Много слов — мало правды. Отец твой — замечательный человек. Ты не застанешь его дома. Пришли полицейские, забрали. Тебе, Никос, двенадцать. Ты большой. Будешь работать и заменишь дома отца.

Никос рванулся, чтобы бежать вверх по улице домой, но дядюшка Яннополис схватил его за руку сильно и твердо и сказал:

— Войди в свой дом мужчиной и успокой мать.

Никос заплакал.

СЛОВО ПРЕЗИДЕНТАМ

И встали президенты интернациональных клубов дружбы нашей страны со своих председательских мест, посмотрели твердо и решительно на собравшихся и сказали:

— В Греции власть захватили фашисты. По приказу «черных полковников» в Греции хватают ни в чем не повинных людей и без предъявления

им обвинения отправляют в тюрьмы. Политических заключенных держат в тюрьмах без суда и следствия долгие месяцы, их пытают. В концентрационных лагерях на острове Лерос политзаключенные живут в нечеловеческих условиях, больным не оказывают медицинскую помощь...

Так говорили президенты интерклубов Москвы, Ленинграда, Кишинева, Владимира и многих других городов и сел нашей необъятной страны.

И собравшиеся на экстренные совещания пионеры и комсомольцы старших классов внимательно и напряженно слушали их.

И потом все вместе приняли решение.

— Мы должны помочь. Словом, письмами, делом, деньгами детям политических заключенных. Объявляется операция «Эллада».

ТИМОФЕЙ

Рисунки Е. ЕЛЬСКОЙ.

В половине шестого утра на тихой улице города Кишинева раздался стук двери, и в прохладное, приятное утро вышел восьмиклассник Тимофей. Поежился от холода и зашагал по влажному, чистому асфальту к автобусной остановке.

И вот уже автобус мчится по улицам города, по загородному шоссе, мимо полей, холмов и виноградников.

Потом Тимофей идет по сельской улице, открывает калитку дедова дома, собака виляет хвостом — узнала, обрадовалась Тимофею.

С террасы спускается в сад плотный, коренастый человек в расшитой узорами поддевке, в красной рубашке — дед Тимофей.

— Привет дому и хозяину, — говорит Тимофей почтительно. — Все здоровы. И мать и отец. К тебе, дедушка, срочное дело привело.

— Раз все в порядке, за стол, пожалуйста, — сказал дед, — потом и о деле поговорим.

— Скажи мне, дедушка, вот я у тебя отдыхал, виноград помогал собирать в колхозе. Сколько вина из этого винограда можно сделать?

— Вот такой бочонок. А зачем тебе вино?

Тогда Тимофей рассказывает деду про операцию «Эллада», о том, что пионеры решили помочь детям политических заключенных Греции, и он, Тимофей, хочет помочь деньгами, которые заработал собственным трудом.

— Правильно, — говорит дед, — помогать другим нужно собственным трудом.

Совсем забыл, — вдруг говорит дед. — Ты ведь еще на участке у села «Победа» работал.

— И много вина получилось? — спрашивает Тимофей.

— Вот такая бочка!

— Столько винограда я не собрал, — говорит Тимофей. — Но соберу. Честное даю слово.

— Хорошо, — улыбается дед. — Верю.

Несколько вагонов консервированных фруктов собрали пионеры и комсомольцы-старшеклассники города Кишинева. Они работали в садах и на виноградниках. Фрукты и вино продали — и получилась солидная сумма для детей политзаключенных Греции.

народу, уважение к борцам против фашизма и страстное желание помочь их борьбе, помочь детям политзаключенных. Из Москвы и Владимира, из Кишинева и Таллина, из Киева и Ташкента, из разных городов и сел Советского Союза приходят письма, в которых звучат слова горячей солидарности с борьбой греческих коммунистов и греческого народа, протест против бесчинств и жестокостей фашистской диктатуры в Греции. В этих письмах десятки, сотни, тысячи подписей советских пионеров, комсомольцев, школьников. Я хочу, чтобы вы знали, дорогие наши друзья: несмотря на все препятствия, мы делаем все возможное, чтобы ваш голос дошел до Греции и был услышан и взрослыми и детьми. Вы прислали нам множество посылок для детей политзаключенных Греции. В них были прекрасные вещи: пластинки с записями народных песен, национальные игрушки, изделия народных мастеров, репродукции с картин художников. Этим посылкам пришлось совершить долгое путешествие. Мы отправили их сначала в западные страны. Там антидиктаторские комитеты греков-политэмигрантов во время митингов и выступлений устраивали базары и продавали присланные вами вещи, а потом деньги, очень большую сумму, переправили в Грецию, политзаключенным и их детям. Это была прекрасная помощь. И я еще раз через печать хочу поблагодарить всех советских ребят за дружбу и солидарность от имени греческих борцов, от имени греческих коммунистов, от имени детей греческих политзаключенных. Они сами не могут выразить эту благодарность.

Всюду на свете за счастье дети!

О солидарности, карандашах «Сакко и Ванцетти» и классной доске из коровьей шкуры...

Ангола — богатая, красивая, большая страна. На месте ее гор, лесов, озер, рек поместились бы все горы, леса, озера, реки и города таких стран, как Франция, Италия и ФРГ. Португалия, которая в шестнадцать раз меньше Анголы, хищной пиявкой впилась в эту африканскую страну и полтысячи лет пьет кровь ее шестимиллионного народа, выкачивает из ее недр золото, алмазы, нефть, руду.

Десять лет назад патриоты — участники Народного движения за освобождение Анголы — подняли народное восстание. Борьба против португальских колонизаторов продолжается.

Третью часть страны партизаны уже освободили. Там, где их власть, нет больше налогов, крестьяне трудятся на себя. Там, где их власть, появляются лазареты и школы. Партизаны, сами не очень хорошо одетые, не всегда сытые, все делают для того, чтобы в первую очередь изменить жизнь ангольских ребятишек. Советский Союз прислал в Анголу вакцины от оспы и полиомиелита, и тысячам ребят уже сделаны прививки.

Дети Анголы впервые сели за парты. Парты эти не имеют ни одного гвоздя (для партизанского края Анголы это роскошь), связаны лыком и стоят порой под открытым небом. Бывает и так, что буквари отпечатаны на ротаторе и рисунки в них сделаны самодеятельными партизанскими художниками. Мы побывали в школе-интернате для сорока ребятишек, детей погибших в боях партизан,— там партизанский учитель пишет куском извести на... высушенной коровьей шкуре.

В руках ангольских ребят мы с волнением и гордостью за наших ребят увидели карандаши «Сакко и Ванцетти», а на коленках — тетради фабрики «Восход». Карандаши и тетради нужны сейчас народу Анголы не меньше, чем автоматы, которые наша страна поставляет отважным ангольским партизанам. Ибо вооруженный знаниями народ непобедим.

...Теперь, когда я слышу слово «солидарность», перед моими глазами встает класс под открытым небом в джунглях Анголы. И наши карандаши и тетрадки в детских, шоколадного цвета руках.

П. МИХАЛЕВ,
корреспондент газеты «Комсомольская правда».

Слушай, товарищ,
с тобой говорит М. ТЕОДОРО,
юный антифашист Анголы:

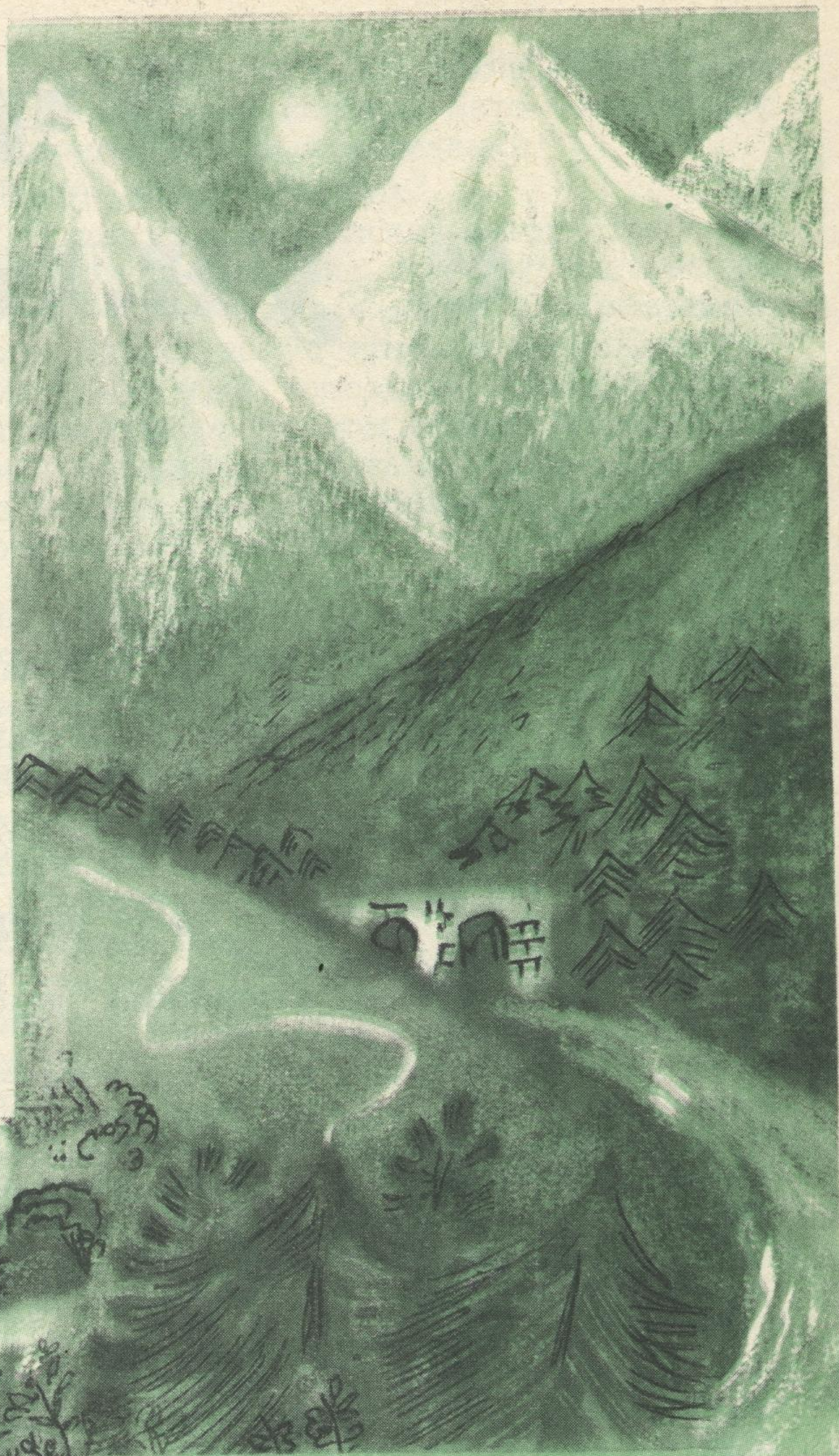
Столько пролито крови на моей
земле, что можно сказать
словами ангольского поэта
Кошта Андрада:
«Здесь и трава
родится красной».
Больше половины детей в
Анголе умирают. Те, кто
остался жить, становятся
рабами, чтобы заработать на
кусок хлеба.
Голод, непосильный
труд и свист кнута — вот
судьба детей моей страны.
И смерть в двадцать пять —
тридцать лет.
Мой народ борется против
португальских колонизаторов и
верит, что победит.
Именем пятимиллионного
ангольского народа, именем
матерей, потерявших своих
детей, именем жен, лишившихся
мужей, именем всех жертв
колониализма, именем земли
моей, обагренной кровью, я
обвиняю и проклинаю
империализм!

Анатолий **НЕСТЕРОВ**

В гостях у гор

Спасибо, горы гордые,
что я беру вершины с боем.
Как великан, стою над городом,
стою
и, значит, что-то стою.
Хочу я быть
везде, где б ни был,
в гостях у гор,
не зная горя!
А надо мною море неба,
а подо мною небо моря,
и держит город на ладони
земля — заботливая мать.
Как входят в наши уши звоны,
в меня со звоном входит май!
По-детски весело, на счастье
лицо я подставляю ветру.
Себя распахиваю настежь
не ветру горному,
а веку.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Профессия

Профессий я немало перепробовал:
могу пилить,
точить,
строгать.
Могу надеть морскую робу,
слесарить
и стихи слагать.
Умею
обращаться с лошадью,
но я хочу
не позабыть вовек,
что есть профессия
чертовски сложная,
профессия —
Хороший Человек.
И жизнь
меня все время обучает,
мне кажется —
с профессией в ладах.
Но, если честно,—
часто замечаю,
что я хожу
еще в учениках.

С. СОЛОВЕЙЧИК

Учение с увлечением

В одном из прошлых опытов был задан вопрос: как узнать себе цену? Мы говорили тогда, что для этого надо посмотреть, как вы относитесь к трудностям и неудачам. Человек познается в беде — человек узнает и себя самого в беде.

Но вот есть еще один верный способ оценивать людей и самого себя.

Вы заметили, что бывают люди **интересные и бывают люди скучные?**

Кого мы называем **интересным** человеком? Кто вызывает у нас интерес?

Прежде всего тот, у кого есть интерес к чему-нибудь, кто способен увлекаться, жить с увлечением, кто знает то, чего не знаете вы.

Интерес и скука — как заразные болезни. Рядом с интересным человеком и сам заражаешься интересом, рядом со скучным самому зевать хочется.

Из этого рассуждения мы можем сделать два простых вывода: во-первых, надо стараться отыскивать интересных людей и быть к ним поближе; во-вторых, надо стараться самому стать человеком интересным.

Эти два «надо» крепко связаны между собой. Интересные люди и товарищей себе ищут интересных.

●

Примем эти два вывода за **аксиому,** то есть без доказательств. Просто поверим в них, и все. В них легко поверить, потому что ничего нового в этих утверждениях не содержится: каждый умный человек и сам знает эти простые правила жизни.

Но одно дело — знать и понимать правило, другое дело — следовать ему.

Давайте используем нынешнее лето для поисков интересных людей, для попыток самим стать поинтереснее. Давайте попробуем. Научный эксперимент требует от исследователя бесстрашия, веры в свои силы, настойчивости и воли. Зато он и награду приносит самую большую — успех. Кто знает успех, тот самый счастливый из людей на свете, нет ничего радостнее успеха!

●

Так уж получается, что летом мы всегда встречаем много новых людей, обзаводимся знакомствами. Или мы сами куда-нибудь дем, например, в пионерский лагерь, или в наш двор, в наше село кто-то приезжает отдыхать. Не бойтесь новых людей. На каждого нового человека смотрите, как будто это ваша судьба, будто это ваш будущий друг на всю жизнь. Встречаясь с новым человеком, завязывая знакомство, постарайтесь совсем не думать о себе, о том, как вы сами выглядите, «ровня» вы или «неровня» знакомому, не бойтесь быть навязчивыми. Сосредоточьте свое внимание на новом человеке, а не на ваших отношениях с ним, и вы увидите, что подружиться не так уж трудно. Но только не поддавайтесь внешнему. Не думайте, что, коль скоро человек приехал из Москвы, а вы сами живете в маленьком городе, значит, он интересен, а вы нет. И в Москве скучных людей сколько угодно. Или, например, бывает, что человек как-то очень модно и красиво одет, или держится уверенно, или умеет овладеть вниманием в компании ребят, и может показаться, что он интересный человек. Это все обманчиво.

Вот простой и верный признак интересного человека: у него всегда можно чему-то поучиться, набраться от него чего-то хорошего, что-то важное узнать. Если вы чувствуете, что рядом с человеком вы становитесь... ну как бы богаче, что ли, если человек заставил вас о чем-то задуматься, старайтесь не потерять дружбу с таким человеком. Все знают: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Но мы не станем обращать слишком много внимания на то, что о нас говорят. Побеспокоимся лучше о другом: кто мы есть на самом деле. А это и вправду во многом зависит от того, кто наши друзья.

Нет, конечно, в дружбе не надо быть расчетливыми, нельзя делить друзей на «выгодных» и «невыгодных» — так поступают лишь очень дурные люди. Бывает, что не столько тебе нужен друг, сколько ты ему, и с этим надо считаться, даже если он вовсе не самый интересный человек на свете.

У дружбы свои законы. И все же... И все же правильно поступают те, кто бежит прочь из общества бездельников, пустых, никчемных людей и стремится к людям интересным.

У каждого из нас есть такое свойство, вроде магнитного: один притягивает к себе хороших людей и отталкивает от себя дурных, а у другого все наоборот, будто его магнитная стрелка «перемагнитилась» и показывает синим концом не на север, как положено, а на юг. С таким испорченным магнитом в душе нетрудно и заблудиться в жизни.

Как у вас насчет душевного магнита? Не нуждается ли он в поправке, или, говоря научно, в **коррекции?** Слово «коррекция» и значит поправка, приведение к норме.

Если вы чувствуете, что поправки действительно нужны, если вы сами не умеете отличать интересных людей или не умеете завести с ними знакомство, то вот одно хорошее средство, чтобы поправить дело: **самоконтроль.** Будьте внимательны к людям, которые вас почему-то заинтересовали, и держите свои отношения с ними под самоконтролем, постарайтесь управлять вашими отношениями.

Но для человека, который не привык обдумывать свое поведение и свои отношения с людьми, самоконтроль — трудная задача. Ее можно облегчить. Обещайте себе, что, если вы летом встретите какого-то нового интересного человека, если вы найдете такого человека (а его иногда надо именно искать, не полагаясь на случай!), вы опишете эту встречу в письме в «Пионер». Такое письмо нужно прежде всего вам: оно облегчит вам задачу самоконтроля.

Итак, первое задание: письмо с описанием ваших интересных встреч. Не надо ждать осени, чтобы опустить письмо в почтовый ящик.

Я перечитал все, что тут написано, и подумал, что надо сделать вот какое уточнение. «Интересные люди» не обязательно сверстники; интересными (и даже еще чаще!) бывают и взрослые люди. Но с ними тоже надо уметь подружиться!

Теперь обратимся ко второму выводу, второй аксиоме: «надо стараться самому стать человеком интересным».

Подумаем, что мы можем сделать за лето для выполнения этой задачи.

Человек всегда старается что-нибудь приобретать, мечтает о чем-то. Одни мечтают о новой одежде, другие хотели бы иметь необыкновенный фонарик, часы или даже мотоцикл. Это все естественно, но, пока мы не работаем, не зарабатываем сами деньги и не можем ими распоряжаться, таким мечтам лучше воли не давать.

Есть приобретения другого рода, куда более доступные и, главное, более важные для человека: знания, умения и увлечения.

Зима — время приобретения знаний и умений.

Лето — время увлечений.

Конечно, и зимой люди находят новые интересы и летом чему-то учатся и что-то узнают. Но все же с небольшой и простительной натяжкой можно сказать: лето — время для приобретения новых увлечений.

Что это может означать?

Кто поедет в пионерский лагерь, тому легче. В лагерях обычно бывают интересные кружки — от авиамодельного до драматического. Важно не упустить возможность, не думать, что уже «опоздал», что кружок — для маленьких, не стесняться работать рядом с младшими ребятами (даже если умеешь меньше, чем они), попытаться найти интерес в новом занятии.

Но и для тех, кто не поедет в лагерь, тоже не все потеряно. Нет ли по соседству какого-нибудь клуба? Нельзя ли пристроиться в помощники к какой-нибудь мастерской? Наконец, летом больше времени для книг и коллекций.

Может, именно этим летом вы начнете читать книги по истории и увлечетесь ими? Или начнете собирать гербарий, коллекцию насекомых или, скажем, старинных монет?

Пересмотрите свой запас увлечений. Подумайте, что вам на самом деле интересно, чем бы вы могли заниматься с утра до вечера?

Это очень важно — иметь какое-нибудь увлечение. Ведь если оно у вас есть, значит, вы умеете увлекаться, значит, вы **интересный** человек. Простая арифметика: чем глубже интересы человека, тем сам он интереснее людям. И чем больше вы увлекаетесь и чем серьезнее и труднее то дело, которым вы увлекаетесь, тем больше развивается ваша общая способность увлекаться, тем интереснее будет вам учиться в школе на будущий год.

Кто испытает за это лето настоящее увлечение каким-то серьезным делом, для того лето не пропадет даром. Тот и отдохнет лучше других и лучше подготовится к школе.

Конечно, не всякому везет, бывает, что интересное занятие не находится, но так обычно происходит с теми, кто, еще не попробовав заняться делом, заранее думает о нем: «Это неинтересно». Тут заколдованный круг: скучному человеку все неинтересно, и потому он и остается скучным человеком. Попробуйте вырваться из этого круга, заставить себя заинтересоваться точно так же, как вы научились заставлять себя с охотой заниматься скучным уроком, используя те же методы. Будем надеяться на удачу!

Второе письмо в «Пионер» вы и посвятите рассказу о ваших удачах и неудачах в попытке найти интересное занятие, увлечься. Впрочем, можно посылать не два письма, а одно, состоящее из двух частей:

1. Интересный человек.
2. Интересное дело.

Желаем вам новых важных приобретений за лето!

Учение с увлечением!

ПРЫЖОК

М. ЛЬВОВСКИЙ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

В первое дождливое утро осени Волик и выздоровевший Леша вышли из своего дома. Волик показал Леше на воротник плаща: мол, подними, после болезни. Леша махнул рукой. У него было отличное настроение. Мальчики весело прошли по баскетбольной площадке. Мелькнуло над ними кольцо в полуистлевшей мокрой сетке, и они скрылись в арке ворот.

Когда ребята шагали по знакомой улице, удивленный Волик спросил улыбающегося Лешу:

— Ты что, по школе соскучился?

И Леша кивнул головой. В эту минуту он и представить себе не мог, что ждет его в школе.

Все произошло из-за Гали Вишняковой. Увидев Лешу из окна школьного коридора, Галя, прежде не обращавшая на него никакого внимания, вдруг заметно оживилась:

— Ребята, Леша Жильцов выздоровел!

Вахтанг и Вадим без особого интереса посмотрели в окно.

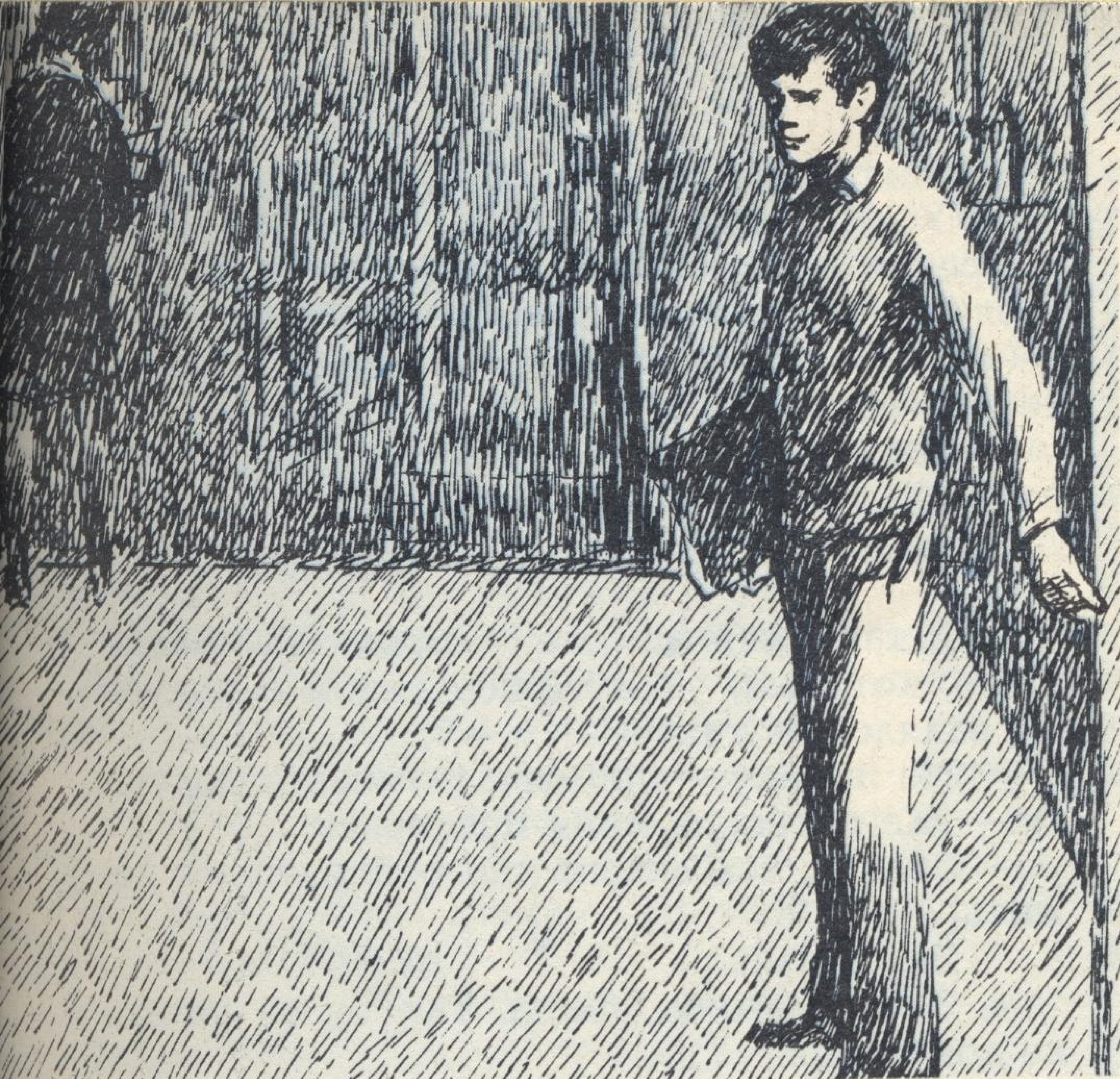
А Галя продолжала:

— Оказывается, вот кто настоящая личность — Леша Жильцов! Ни за что ни про что в отделение милиции не заберут. А ведь его, говорят, с Морозовым взяли. Все наши мальчики Лешиного мизинца не стоят.

И Галя пошла в кабинет физики.

Вахтанг и Вадим неохотно отправились за ней.

На лестнице Леша и Волик обменялись прощальными жестами.

В ВЫСОТУ

КИНОПОВЕСТЬ

Окончание

— «Фрукты — овощи»? — спросил при этом Волик.

Леша замялся.

— Ах, да...— сказал Волик без обиды.— Но я все равно подожду.

И они расстались.

Леша шел по коридору, чувствуя к себе какое-то необычное внимание. Он не понял, в чем дело, даже когда кто-то спросил его: «Леш, а в милиции есть дают?» «Пирожные»,— ответил он, не останавливаясь.

В это время в кабинете физики Галя сказала Зиночке Крючковой:

— Перебирайся на другое место. Со мной сегодня Леша Жильцов будет сидеть.

Гордая Зиночка молча стала складывать книги в портфель.

Когда Леша появился в дверях физического кабинета, все притихли.

— Здравствуй, Леша,— вкрадчиво сказала Галя Вишнякова. Она сидела на своем месте, а Зиночка — у окна, на Лешином.

— Здоро́во,— ответил Леша, оценивая обстановку.

— А мы тебя решили пересадить,— продолжала Галя.— Чтоб ты в окно не смотрел. Хочешь со мной сидеть?

Леша почесал в затылке. Все-таки это была Вишнякова.

— Могу,— сказал он.

— Тогда садись,— предложила Галя.

Леша, поставив свой портфель на пол возле своего нового места, сел. На него все смотрели, а он растерянно оглядывался по сторонам.

— Ну, как? — тоном сообщницы по преступлению спросила Лешу Галя.

Ничего не понимающий Леша не знал, куда деть руки, и в конце концов положил их на стол, прижав ладонями с растопыренными пальцами его пластмассовую крышку, совсем как в детском саду, когда показывал дежурным санитарам, что ногти у него чистые.

— Что «ну, как»? — переспросил Леша.

И в это время в дверях кабинета появилась Женя.

Увидев ее, Леша поспешно убрал руки со стола.

— В отделении милиции испугался? — спросила Галя.

Наконец-то Леша понял, что происходит. Он уселся поудобнее и положил локти на заднюю парту.

— А чего бояться? Поговорили и разошлись. Они мне свое, я им свое.

Взглядом он пригласил Женю порадоваться вместе с ним. Все-таки человек, побывавший в милиции, вызывает кое-какой интерес. Недаром же вокруг Леши уже начал образовываться тот заветный кружок из одноклассников, который ему никогда прежде не удавалось собрать.

— Тебя запирали? — спросила какая-то девочка.

— Само собой,— ответил Леша.

— А в окно? — наивно предположила другая.

— Третий этаж, не оборвешься,— ответил Леша, все больше воодушевляясь. Хрипотца Морозова уже была наготове.

— Про что говорили?

— Предупреждали насчет грабежа,— скромно ответил Леша.

Наступила волнующая пауза.

— Лешенька у нас личность,— сказала наконец Галя и погладила Лешу по голове.

И тут Женя не выдержала.

— Да! Поздравляю тебя, Леша,— сказала она.— Достиг! Добился все-таки своего! Ты теперь просто... Ну, я не знаю кто! Лимонадный Джо. Честное слово! Я даже вся трепещу от страха, когда с тобой разговариваю. Ты только своих не грабь, ладно?

Когда Женя говорила это, ребята начали хихикать. А потом замолчали. Наверное, в эту минуту стало стыдно не одному Леше, о чем можно было догадаться по тому, как распался кружок вокруг него и как смотрели на Женю ребята, когда она шла к своему столу. Потом Женя вдруг передумала и села рядом с Турманидзе.

Вот как все обернулось.

Вместе со звонком в кабинет вошел Иван Федорович.

— Ну-с, на чем мы остановились? — обратился он к классу.

Неожиданно Зиночка Крючкова подняла руку.

— Теряешь индивидуальность,— тихо сказала ей Галя Вишнякова, понимая, что это начало конца.

— А мне тройка важнее! — как всегда, гордо ответила Зиночка.

— Кукареку! — тихо сказал Вадим.

— Ну и что?! — повернувшись к нему, спросил Турманидзе.

— Смешно,— ответил Вадим неуверенно.

— Это тебе кажется...— сказал Вахтанг.

Накрапывал дождь, и прятаться за телефонной будкой возле закрытого павильона «Фрукты — овощи» Волику было не слишком весело. Уныло поглядывал он на выходящих из школьного парадного старшеклассников.

И вдруг на лице его отразилось крайнее недоумение. Он увидел Женю и Вахтанга, которые, разговаривая о чем-то, вышли из парадного и зашагали в сторону Жениного дома.

Потом появился Леша. Рядом с ним шла Галя Вишнякова. Она была почти на голову выше Леши, но это ее не смущало. Галя изображала глубочайшее внимание к своему спутнику.

Волик растерялся. С некоторых пор он с таким уважением относился к Жене, что сейчас ему было совершенно невозможно решить, за кем он должен последовать. Волик метнулся в одну, потом в другую сторону и, наконец, отчаявшись решить эту сложную проблему, пошел домой.

На этот раз Волик не услышал, как его друг, наконец собравшись с духом, спросил уставшую изображать внимание Галю Вишнякову:

— А у тебя бывает так... Вот ты чего-то не понимала, не понимала... например, по физике... А потом вдруг... раз! И тебе стало так все ясно и интересно, что даже кажется, будто ты одна в целом мире так здорово все понимаешь... Хотя, конечно, тебе хорошо известно, что это не так...

Галя хихикнула.

— Не бывает,— сказала она.— Я, видишь ли, каждый день уроки учу, а в учебнике все ясно изложено.

Они проходили мимо будки с газированной водой.

— Выпьем с вишневым? — предложил Леша.

— Я никогда на улице воду не пью,— ответила Галя.

У Вахтанга и Жени разговор, казалось бы, шел более оживленно.

— Я считаю, что на первом плане мысль, а не память,— убежденно сказал Вахтанг.

— Я тоже,— негромко ответила Женя.

— Из этого следует, что для будущего ученого важнее думать, чем упражняться.

Вахтанг все более воодушевлялся.

— Угу,— сказала Женя.

Против обыкновения Вахтанг говорил так горячо, что стал даже размахивать руками.

— У нас забывают, что в основе каждой теории не формулы, а идеи.

— Извини, я на троллейбус,— сказала Женя.— Но я с тобой во всем, во всем согласна. До свидания!

— Встань сейчас же! — приказал Волик Леше, который, уткнувшись лицом в подушку, валялся на тахте.

— Не встану,— промычал Леша в подушку.— Женя теперь меня презирает.

— Значит, всю жизнь так собираешься лежать?

— Всю жизнь.

— Это не выход, Леша. Так ты ей ничего не докажешь.

— А что, что я могу доказать? Выше головы не прыгнешь.

— Нет, прыгнешь.

— Не прыгнешь.

— А я говорю — прыгнешь!'

Леша поднял голову, и Волик вынужден был отвернуться от него потому, что ему показалось, будто в глазах друга стояли слезы. Волик этого не выносил.

— Прыгнешь, Леша,— сказал Волик, не глядя на друга.

— Раз, два, три, четыре...— командовал дядя Костя.

По гулкому спортивному залу бежали двое: толстая девочка — «тучница» и Леша.

Очевидно, он все-таки решил прыгнуть выше головы, но тренироваться ему пока что приходилось в группе ОФП.

Толстая девочка, как и предсказывал когда-то учитель физкультуры, бежала гораздо легче, чем прежде. Видно, и вес она сбросила, но до щепки ей было еще далеко.

Лешины силы истощались. Он начал сдавать.

— Дядя Костя, скоро секция начнется? Мы уже все готовы.

С этими словами в зал вошла Женя и безразличным взглядом посмотрела на бегущих. Она была в спортивном костюме и по временам делала разминочные движения.

— Сейчас, сейчас,— ответил учитель и скомандовал: — Жучкова, перешла на шаг.

А потом напряженным голосом, словно пытаясь своим мышечным усилием подтолкнуть Жильцова, закричал:

— Давай, Леша, давай! Еще немного! Хотя бы три круга! Три, Леша!

Меньше всего Леше хотелось, чтобы Женя видела его в группе отстающих. У него даже мелькнула мысль прекратить бег.

А дядя Костя продолжал:

— Запомни: наибольшую пользу получишь, когда, почувствовав утомление, заставишь себя пробежать еще немного.

И Леша поднажал, всем своим видом показывая, что ему все равно, кто на него смотрит. Да, он в группе ОФП, но ему безразлично, как к этому отнесутся некоторые.

Между тем Женя, долго рассматривавшая носок своей тапочки, скользнула рассеянным взглядом по Леше и вышла из зала каким-то замысловатым, пружинящим шагом.

Поздним вечером Лешин папа, дремавший в кресле, проснулся и увидел светлую полоску под дверью в комнату сына.

Из кухни вошла Лешина мама, и теперь они оба уставились на светлую полоску.

— Леша, не надо крайностей,— постучала в стену Лешина мама.— То тебя за уроки не засадишь, а то...

— За одну ночь умнее не станешь,— добавил отец.

— Но я еще не чувствую утомления, папа,— донеслось из-за двери.

И вот наконец настал очень важный в Лешиной жизни день...

Один за другим великолепно тренированные мальчики-гимнасты, соблюдая традицию, подтягиваются на скобе над дверью и входят в физкультурный зал. Постепенно мальчики сменяют друг друга на скобе все быстрее, и вот уже только руки в стремительном темпе меняются на металлической перекладине, и напряженные мальчишеские лица одно за другим возникают на мгновение.

А когда над перекладиной вознеслось лицо Леши, оно задержалось там подольше, чтобы оркестр, который до сих пор играл нечто вроде галопа, мог широкой и ликующей мелодией отметить законное появление Леши уже не в ОФП, а в секции, среди «орлов» дяди Кости.

Может быть, вечером именно этого дождливого осеннего дня Леша и Волик в болоньевых куртках на «молниях» приближались к Жениному дому.

— Другой вариант. Ты позвонил, но дверь открыла не Женя, а ее отец,— инструктировал друга Леша.

— «Простите, вы Женин папа?» — ответил Волик.

— Так...

— «У меня к ней поручение от Алексея Жильцова».

— «Женя, к тебе пришли»,— наскоро сыграл Леша Жениного отца.— А вы уже в креслах. Вкатилась она...

— ...И смотрит на меня как будто с другой планеты,— вставил Волик.

— Ладно. Что ты отцу говоришь?

— «Простите, но это конфиденциально»,— ответил Волик.

— Отец выкатывается, и только тогда ты можешь сказать...

— Знаю,— перебил Волик.— «Леша стал совсем другим человеком. Ты Лешу не узнаешь». Про соревнования спрашивать?

— Если только сама заговорит... И еще скажи ей...— собравшись с духом, начал Леша так многозначительно, что Волик поспешно перебил его:

— Знаю, знаю,— сказал он,— скажу что надо.

Рука Волика нажимает кнопку звонка.

Он уже приготовился пропеть голосом пай-мальчика: «Вы Женин папа?»,— но открылась дверь, и Волик увидел старшего пионервожатого Сашу.

Волик растерялся, а потом сказал:

— Здорово.

Саша отдал пионерский салют и пригласил Волика войти.

— Ну, выкладывай,— сказал Саша, когда они уже сидели в креслах. Он, видно, чувствовал себя здесь своим человеком.

— Женя, к тебе пришли! — неожиданно для себя крикнул Волик.

Вошла Женя. Увидев Волика, Женя удивилась и очень обрадовалась. Она сразу же позвала отца:

— Папа, иди сюда, это Волик, я тебе о нем рассказывала.— И потом уже поздоровалась с гостем.— Здравствуй, Волик.

Появился военный инженер.

— Очень рад. А я думал... он чуть постарше.

Волик вжался в кресло, но промолчал.

— Может быть, мы вам мешаем? — забеспокоился Саша.

— Я привык,— ответил Женин папа,— куда с дочкой ни приедем, у нас всегда в доме штаб-квартира. У него тоже общественные дела?— спросил он, кивнув на Волика.

— У меня поручение от Алексея Жильцова,—отчеканил Волик.

— Значит, личные...— сообразил военный инженер.— А где Леша сейчас? — Женин папа с тревогой посмотрел на непроницаемое из-за дождя окно: видно, он был понимающим человеком.

— Стоит под дождем и мокнет,— доверчиво сообщил Волик,— но это конфиденциально,— прибавил он.

— Так позови его,— сказал Женин папа.

Волик бросился к двери.

— Не надо,— остановила его Женя.

— Почему? — удивился Саша.

— Не надо,— повторила Женя твердо.

Насвистывая «Степь да степь кругом», Леша замерзал в арке какого-то дома, но лицо его все же выражало надежду. И вдруг он увидел, что в Женин подъезд входит Турманидзе. В полном недоумении Леша стал наблюдать за подъездом, к которому уже подошли старшеклассники из его школы, среди них была и девочка-«тучница». У самой двери они столкнулись с Лешиными одноклассниками, в том числе и с Зиночкой

Крючковой, поздоровались и вместе вошли в подъезд.

В комнате, где мы оставили Волика, было тепло и уютно. Сюда набилось довольно много народа. В креслах сидели по двое, ручки кресел тоже были заняты. У многих в руках еще оставались недопитые стаканы чая. Волик чувствовал себя как дома. Сидел, развалившись в кресле, и дожевывал торт.

— Ну, что я вам скажу,— произнес Женин папа.— Соревнования, которые вы затеваете, требуют серьезной подготовки. Думаю, что раньше зимних каникул вам не успеть. Кроме того, тогда можно включить лыжи.

— А может быть, лучше на весенних каникулах? — спросила толстая десятиклассница-«тучница».

Все зашумели.

— Весной, к сожалению, не смогу вам быть полезным,— сказал военный инженер.

Волик перестал есть торт.

— Теперь наметим состав команды,— предложил Саша, и все опять зашумели.

Под проливным дождем Леша стоял, глядя на Женино окно. Потом, подняв воротник болоньевой куртки, медленно пошел по улице и затерялся в толпе...

— Можно предложение? — неожиданно сказал Волик, стараясь перекричать ребят, горячо споривших в Жениной комнате.

Все удивленно замолчали.

— Ну? — спросила Женя.

— Я предлагаю Алексея Жильцова.

По комнате пронесся легкий ропот, и все уставились на Женю, словно только она одна имела право решать этот вопрос.

— Нет, Волик,— сказала Женя,— Жильцов не кандидатура. Ведь у нас не тренировочные игры, а соревнования, и наша цель — победить!

— Но Леша стал совсем другим человеком, вы его не узнаете! — выкрикнул Волик, понимая, что больше ему надеяться не на что.

— В резерв,— сказала Женя,— в лучшем случае Жильцову место в резерве.

Не слишком стройные звуки вырываются из обледеневших труб духового оркестра, играющего какой-то «дежурный» марш на старте военизированного многоборья. Перекрыто одно из подмосковных шоссе. На небольшой трибуне, возле которой стараются замерзшие музыканты, Женин папа.

— Капитанам команд доложить о готовности,— сказал он в мегафон,— и развести участников по этапам.

Раздаются голоса капитанов: «Смирно! Направо! Шагом марш!»

Команды разных школ проходят мимо трибуны. Капитаны, на ходу доложив о готовности, уводят свои команды вдоль по шоссе.

Каждая команда оставляет по одному участнику, чтобы тот занял место на старте, где стоят мотоциклы.

Мотоциклисты пробуют моторы, и от этого к звукам оркестра примешивается все нарастающий грохот.

В некоторых командах по тем или иным причинам происходят замены. Делается это так: рядом с основной командой участников выстроен резерв. В резерве все снаряжены так же, как в основной команде.

Капитан проходит вдоль строя участников, проверяет снаряжение, задает вопросы. В случае необходимости он вызывает кого-нибудь из резерва, и тот становится на место участника основной команды.

Старший пионервожатый Саша, вглядываясь в лица Вахтанга Турманидзе, Вадима Кострова, Жени Каретниковой и других участников соревнований, проходил вдоль строя, застывшего по стойке «смирно».

— Вольно! — скомандовал Саша.— Больных нет?

— Нет! — ответил строй.

Последняя надежда погасла в Лешиных глазах. Он стоял в резервном строю, на его куртке так же, как и на куртках настоящих участников, был нашит номер школы, его лыжные штаны так же, как у Турманидзе и Кострова, так же, как у Жени Каретниковой, были заправлены в шерстяные носки, но это уже не имело никакого значения.

— Напра-во! — скомандовал Саша.— Шагом марш! — Участники соревнования двинулись вдоль шоссе.— Резерв, разойдись!

Строй резерва распался, но с шоссе поначалу не ушел никто. Все смотрели вслед удаляющейся команде. А Саша то и дело грустно оглядывался на оставшихся ребят.

За обочиной по снежным сугробам, сопровождая Сашину команду, ковыляли болельщики. Они выкрикивали обычные в таких случаях слова, призывая своих друзей не бояться соперников, потому что все они лопухи.

И вдруг Саша увидел, что один из участников команды хромает. Пригляделся: так и есть. В колонне по одному такое не скроешь.

— Группа, стой! — скомандовал Саша.— Огородников, выйди из строя! Что с ногой?

— Ничего,— ответил Огородников.—Подвернул, но уже совсем прошло. Нога мне не мешает.

— Нет, Коля, можешь подвести команду.

— Да у меня такой этап...

— Будут давать «вводные». Неизвестно, что тебе достанется. Резерв!

Саша посмотрел в сторону, где оставались ребята из резерва. Там теперь одиноко стоял только Леша Жильцов. Но зато среди болельщиков было немало ребят в куртках с номерами Лешиной команды. Они стали перепрыгивать через обочину на шоссе.

— Меня!
— Я!
— Жильцов! — крикнул Саша. — Ко мне!
Леша стоял не шелохнувшись.
Раздались протестующие голоса болельщиков.
— Ты что, с ума сошел?
— Считай, что мы проиграли.
— Неужели никого лучше не нашел?
Но Саша стоял на своем.
— Быстро, Жильцов! — крикнул он еще раз.
Сначала Леша шел медленно, неуверенно. Потом побежал. Когда до команды оставалось всего несколько шагов, Леша поскользнулся и плюхнулся на шоссе.
Раздался хохот.
— В строй, вместо Огородникова! — приказал старший вожатый Леше.
И Леша встал в строй.
Примолкший было оркестр грянул марш, и команда Лешиной школы приблизилась к трибуне. Саша отрапортовал Жениному отцу о готовности команды.
Из строя вышел Вадим и занял место на старте. Он сел на мотоцикл и опробовал мотор. А Сашина команда где-то далеко-далеко уже сходила с шоссе.

Над духовым оркестром клубился пар. Возле импровизированного буфета девочки пытались танцевать под бравурную музыку оркестра.
Но вот оркестр смолк, и Женин папа сказал в мегафон:
— Сейчас будет дан старт военизированному многоборью, в котором принимают участие старшие школьники нашего района. Многоборье проводится в виде эстафеты. Финиш состоится здесь же после 13.00. Внимание!
Женин папа посмотрел на часы и выстрелил из стартового пистолета.

Первое время Вадим шел впереди своих соперников. Но вот перед ним возникла Зиночка с флажком. Она показала ему, что здесь он должен съехать с шоссе и преодолеть участок бездорожья с невыкорчеванными пнями и рытвинами. Вадим съехал с шоссе, тогда как остальные мотоциклисты стали спешиваться. Они повели свои мотоциклы по бездорожью, а Вадим лихо лавировал между пнями. Он даже умудрился оглянуться и помахать рукой Зиночке. Тут-то он и наехал на пень. Мотор заглох.
Спешившиеся мотоциклисты один за другим пробегали мимо Вадима. Это произошло у самого выезда на другое шоссе. Здесь соперники Вадима вскакивали на свои машины и мчались вперед, а он сколько ни пытался «завестись» — ничего не получалось.

По гладкому шоссе Вадим бежит со своим мотоциклом.

Один за другим мотоциклисты заканчивают этап и передают свои рюкзаки, заменяющие в этой эстафете традиционные палочки, тем, кто должен мчаться дальше.
Наконец здесь остался один спортсмен-десятиклассник. На его куртке тот же номер, что и на куртке Вадима. Когда Костров, прихрамывая, подбегает к нему, спортсмен говорит язвительно:
— Кукареку!

По снежному полю ползут по-пластунски участники многоборья. Если посмотреть на них сверху, то наглядно, словно на диаграмме, видно, как Вадим подвел свою команду. Несколько темных фигурок на снегу находятся примерно на одной линии, а вдалеке от них одинокая точечка. Это спортсмен-десятиклассник. Одно только внушает надежду: точечка движется быстрее всех, расстояние между нею и фигурками остальных участников многоборья с каждой секундой сокращается.

На следующем этапе Турманидзе, стоя на лыжах, ждал, когда до него доберется рюкзак его команды. С красной повязкой здесь расхаживала Наташа.
— Я бы тебя поставила на последний этап, — сказала она Вахтангу. — А там... — Наташа даже рукой махнула. — Но ты не горюй, запас времени, выигранный на первых этапах, ох, как пригодится.
Начали прибывать рюкзаки, и через несколько секунд Турманидзе остался один.
— Ничего себе запас! — сказал он.
И тут показался спортсмен-десятиклассник.
— Спасай, Вахтангчик! — только и успела сказать Наташа.

И Вахтанг начал спасать! Он сумел сократить разрыв между собой и другими лыжниками почти вдвое, пока маршрут эстафеты шел по лесной просеке, а когда начался крутой спуск, стало ясно, что никто из лыжников с ним сравниться не может. Это был почти настоящий слалом. Вахтанг летел на лыжах, делая такие лихие зигзаги и виражи, что дух захватывало.
По очереди он обогнал всех своих соперников, последнего — в самом конце этапа.
Вахтанг передал рюкзак другому участнику команды, и теперь от этапа к этапу команда развивала успех.

Когда пришлось действовать Жене, у нее оказалась одна соперница: два рюкзака были переданы почти одновременно.
По условиям соревнования спортсменки должны были, преодолев полосу с препятствиями, разжечь костер и поставить палатку.
Получив рюкзак, Женя начала действовать быстро и точно и намного опередила свою соперницу.

Среди участников последнего этапа, которые напряженно следили за действиями девочек, был Леша.

Женя подбежала к нему.

— Вот, Леша...— сказала она, передавая ему рюкзак.

Леша рванулся вперед. Теперь Лешина задача состояла в том, чтобы только не испортить положения.

Какой-то паренек с флажком указал ему дорогу в небольшую рощицу. Здесь его и настигла команда:

— Даю вводную задачу. Окажи помощь раненому,— приказал мегафон,— и доставь в санчасть.

Леша огляделся. На снегу лежала толстая девочка-«тучница».

— Ты раненая? — спросил Леша упавшим голосом.

— Я... я не виновата...— сказала «тучница».— Это ошибка. Меня по ошибке назначили.

— Ничего,— сказал Леша и стал оказывать девочке первую помощь.

— Я легко раненная,— говорила девочка.— Я тебе помогу меня тащить.

Леша молчал.

И вот он тащит девочку по лесу, а его обгоняют другие участники многоборья с куда более легкими ношами.

На одном из поворотов беснуются «болельщики».

— Давай, давай! — кричат они.

— Жми, Леша!

— Смотри не надорвись!

— Вот из-за таких и проигрываем.

К мачте, на которой развевался флаг с красным крестом, Леша добрался последним. Когда он поставил девочку на ноги, оказалось, что она вся зареванная.

— Ладно,— сказал Леша успокаивающе.

Другие «раненые» крутились тут же и не знали куда идти. Дежурный с повязкой показал им, где финиш (оттуда уже доносилась музыка), и они пошли гуськом. А «тучница» не пошла, как ее ни звали. Она все плакала. Дежурный небрежно кивнул на большую палатку, разбитую на опушке леса.

— Туда,— сказал он Леше,— но все равно не успеешь. Все там уже давно.

Леша увидел эмблему связи над входом в палатку и бросился к ней.

Внутри палатки стояло несколько столов и на каждом — приемник с открытым монтажом, универсальный измерительный прибор, набор деталей, схема.

«Исправь повреждение» — приглашал плакат участников соревнования, которые с сосредоточенными лицами, путаясь в проводах и дымя канифолью, пытались выполнить это задание.

Между столами расхаживал Иван Федорович. В стороне стоял старший пионервожатый Саша. Здесь же, топая ногами, старалась согреться Лидия Николаевна.

Физик пригласил Лешу к незанятому столу.

Леша не спеша стал читать схему.

— Советую зря не изменять монтаж, а то некоторые столько напаяли, что вряд ли выпутаются,— предупредил Иван Федорович.

Леша оторвался от чертежа и посмотрел в окно палатки. Девочка-десятиклассница делала ему какие-то непонятные знаки. Потом она исчезла. В окошке появилось лицо Жени. Женя была без очков и улыбалась Леше, как в самый первый день их знакомства, когда она спросила: «Тебя Лешей зовут?» Потом Женя показала пальцем на чертеж — действуй, мол,— и исчезла...

Леша сделал какие-то измерения, что-то быстро рассчитал на бумажке, затем выбрал нужную деталь из предложенного набора.

Два прикосновения паяльником, и в палатке раздались позывные Москвы.

Победно прозвучали они и на опушке леса, замирая в вышине над соснами.

Все участники многоборья смотрели на Лешу с нескрываемой завистью, когда он, отложив паяльник и попрощавшись с Сашей, физиком и Лидией Николаевной, вышел из палатки.

Тут десятиклассница опять повисла на Леше. Она поцеловала его три раза и крикнула «ура». Жени не было.

В палатке Иван Федорович сказал Саше, рассматривая работающий приемник:

— Он изменил схему.

— Упростил,— ответил Саша.— Вот это физика. Он мыслит.

— Пожалуй,— согласился Приходько, чему Саша был очень рад. Как бы там ни было, он дорожил мнением этого упрямого и не слишком справедливого человека.

На последнем повороте Леша увидел Волика, который флажком указал ему дорогу.

Впереди была знакомая трибуна и толпа вокруг нее. Леша замедлил шаг.

Увидев Лешу, стоявший на трибуне Женин папа взял трубку полевого телефона. Справившись о чем-то, он дал знак оркестру. Грянул туш.

Не спеша подошел Леша к финишной ленточке, разорвал ее и сел на рюкзак с номером своей школы. Шоссе находилось выше леса, из которого он вышел, и Леше была видна палатка с эмблемой связи. Оттуда никто больше не появлялся.

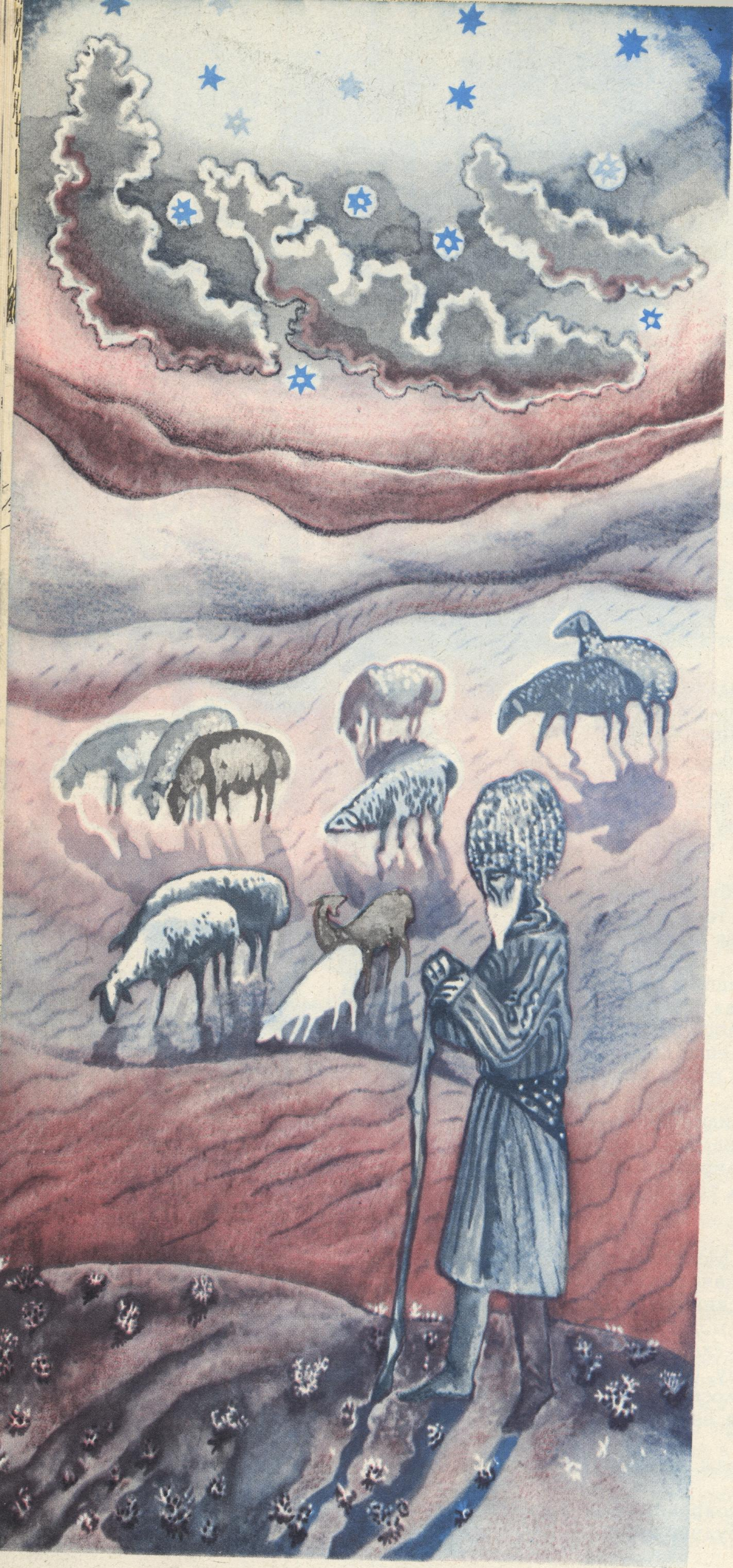
Оркестр все гремел, и Леша увидел возле трибуны своих ребят — Вахтанга, Вадима, Зиночку, Галю и Женю. Они аплодировали и кричали что-то. Но Леша смотрел только на Женю.

— Пассажиров, улетающих из Москвы во Владивосток рейсом номер...— начал свое обычное объявление аэропортовский репродуктор, и Женин папа поднял чемоданы.

— Надень сейчас же очки! — сказал Волик Жене, которая, глядя на Лешу, слишком много себе позволяла. Ей хотелось, чтобы Леша запомнил, как развеваются ее волосы на ветру.

— Не надену,— сдерживая слезы, сказала Женя.— Не надену, и все.

И подставила свое лицо, еще сохранившее следы южного загара, под все будущие Лешины воспоминания.

Пастушья палка

Ягмур **ПИРКУЛИЕВ**

Ах, палка пастушья,
Волшебная палка!
О ней и стихи
Написать мне не жалко.

Поэтому все,
Что прочтешь ты сейчас,
Это
О палке
Пастушьей
Рассказ.

Той самой,
Кривой,
Что, как будто на диво,
На вид неказиста
И некрасива.

Она пастуху
И помощник
И друг,
Пастух без нее
Все равно, что без рук.

Пастух без нее,
Словно пахарь без плуга,
Как степь без воды,
Как охотник без лука.

Как, скажем,
Рассказ, чтоб начать наконец,
Без молота
И наковальни
Кузнец.

...Вот солнце садится
На землю устало.
Пастух
Выгоняет
На пастбище стадо
И сам,
Опираясь на палку, идет,
А песня пастушья
Над стадом плывет.

Вот ночь наступила,
Затихла отара.
Над сонной пустыней
Луна заблистала.

Пастух разложил
Небольшой костерок,
Наполнил водой
Жестяной котелок,

И тот над костром,
От огня золотой,
Повис,
Словно груша,
На палке кривой.

Захочет пастух
Отдохнуть после чая,
И тут его выручит
Палка кривая.

Он в землю ее
Чуть наклонно воткнет,
Приклонится к ней
И минутку вздремнет.

Но, если опасность,
Он схватит ее,
Как ловкий охотник
Хватает ружье.
И бросится смело
Сквозь черную ночь
На волка,
Чтоб тут же
Прогнать его прочь.

А утром, лишь только
Забрезжит чуть-чуть,
Палка опять
Отправляется в путь.

Вот так
Год за годом,
От солнца черна,
Кочует по желтым
Барханам она.
Прислушайся к палке,
И палка,
Поверь,
Споет тебе песню,
Словно свирель.

И песня ее
Полетит, понесется
И с песнею жаркой
Пустыни сольется...
Я б этому так же,
Как ты, удивился,
Когда бы не сам я
Во всем убедился.

Когда бы не сам я
В песках побывал
И с палкой пастушьей
Не сам кочевал.
С той самой,
Кривой,
Что, как будто на диво,
На вид неказиста
И некрасива.
Рассказ о которой
Заканчивать жалко...

Ах, палка пастушья,
Волшебная палка!

Перевел с туркменского Игорь МАЗНИН.
Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ЭВМ пришла на завод

Ты родился в мире, где человек окружен своими верными помощниками — машинами. Заметил, как много внимания XXIV съезд нашей партии уделил проблемам машиностроения? В новой пятилетке страна получит сотни тысяч станков, автомобилей, самолетов, кораблей. Значит, физическая мощь нашего народа как бы еще вырастет. Есть среди машин и такие, которые увеличивают не физическую мощь, силу рук человека, а мощь его разума, интеллекта. Их называют электронно-вычислительными, сокращенно — ЭВМ.

Этот рассказ подготовлен по материалам беседы с лауреатом Ленинской и Государственной премий, Героем Социалистического Труда, академиком Виктором Михайловичем ГЛУШКОВЫМ, директором Института кибернетики Академии наук Украинской ССР.

ЭЛЕКТРОННЫЙ СТАЛЕВАР

Представь себе Украину в пору уборки сахарной свеклы. Днем и ночью по дорогам мчатся груженые автомобили и поезда. Медлить нельзя: если свекла долго пролежит на полях, сахара в ней станет меньше. Урожаи свеклы растут, и заготовители требуют все больше транспорта.

Но однажды к ним пришли ученые-кибернетики и спросили:

— Вы уверены, что вагонов и машин вам действительно не хватает? Вы все рассчитали?

— Да где уж тут считать... Свекла под небом лежит.

— Ладно,— сказали кибернетики.— Мы составим для вас оптимальный, то есть самый лучший, план.

И дали задание ЭВМ. Соединили внутри нее провода по схеме дорог Украины. Включили ток. Поток электронов (сила тока) имитировал поток грузов: на одних «дорогах» он был бо́льшим, на других — меньшим. Разумеется, «дороги» внутри машины были в миллионы раз короче, чем настоящие, и мчались электроны несравненно быстрее, чем вагоны и грузовики.

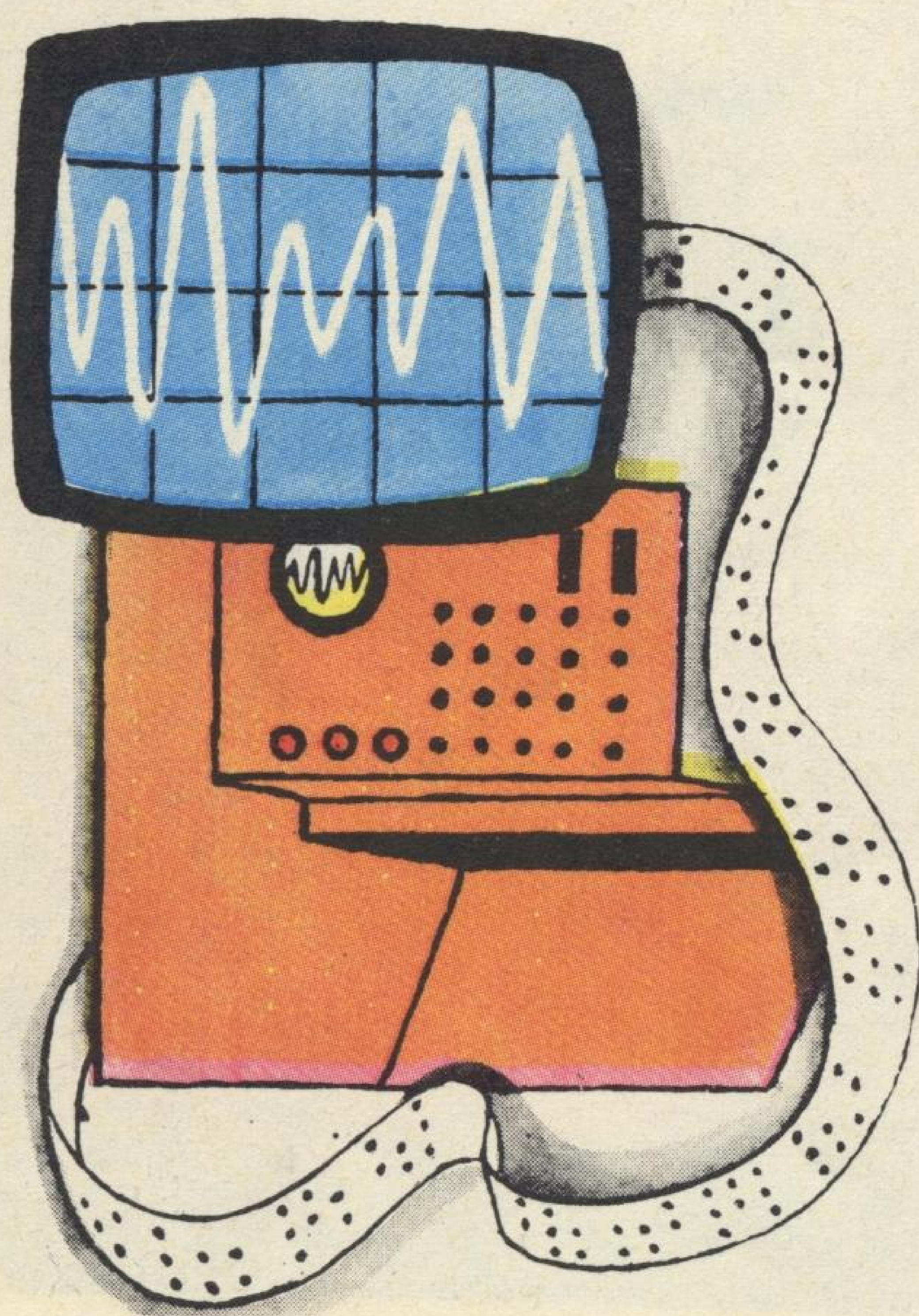
Меняя силу тока и его направление, ученым удалось за немногие часы (считает машина в миллионы раз быстрее человека) выбрать оптимальный вариант перевозок сахарной свеклы. Оказалось, что поток грузов, если организовать его лучшим образом, никакого дополнительного транспорта не требует и даже двенадцать тысяч вагонов будут лишними. А это даст сразу сто двадцать тысяч рублей экономии! Не правда ли, неожиданный вывод?

Вот какие сложные расчеты сделали ученые из Института кибернетики Академии наук Украины с помощью ЭВМ.

На долю электронно-вычислительных машин выпадают и задачи, которые вообще нельзя решить, перебирая варианты: для этого просто не хватает данных.

В металлургическом агрегате варят сталь. Внутри его происходит уйма химических и физических процессов. Если бы мы знали начало и конец каждого из них, то, рассчитав все превращения, могли бы точно сказать — вот сейчас время выпускать сталь. А ведь это очень важно знать точно, когда она готова. Выпустишь раньше или позже положенного срока — получится брак.

Как поступают сталевары? Разумеется, они всего этого досконально не знают. Но у них есть опыт. За температурой в печи следят приборы. Время от времени химики ведут простые анализы металла (на более сложные времени не хватает: плавка — быстрый процесс). По показаниям приборов, по цвету металла, по времени сталевары узнают момент окончания плавки. Однако даже у самых опытных при этом случаются ошибки.

Так что же делать? Учитывать все превращения в печи? Как? А если это удастся, то момент выпуска стали мы рассчитаем через много дней, и уже будет поздно. Где выход?

Украинские ученые из Института кибернетики приехали на металлургический завод в Днепродзержинск. Внутри сталеплавильного агрегата они поместили датчики — электронные «глаза» и «уши». От них протянули «нервы» — провода, которые сходились у кибернетического «мозга» (то есть в электронно-вычислительной машине) за сотни километров от завода, в Киеве.

Вначале ЭВМ «обучалась».

Она определяла, как зависит момент выпуска металла от процессов внутри печи. Разумеется, обучали ее сами сталевары, они как бы передавали ей свой опыт. Но машина не была пассивной ученицей: она учитывала и ошибки людей. Ведь ей лучше, чем им, было известно, что происходит внутри агрегата,— она обладала такими «органами чувств», которых нет у человека, ее датчики замеряли и температуру, и химический состав расплава, и многое другое.

И вот настал день соревнования ЭВМ с человеком. В цехе шла плавка. Сталевары нервничали, опыт подсказывал им: если еще хоть немного задержать сталь в печи, будет брак. Но машина в Киеве решила продлить плавку на три минуты. Наконец она отдала приказ: «Сталь готова». Металл оказался самого высокого качества.

Помнится, сталевары даже обижались: как же так, годами они копили свой опыт, а здесь какая-то машина все рассчитала и получила сталь лучшей марки. Им бы не обижаться — гордиться надо, ведь это они научили машину уму-разуму!

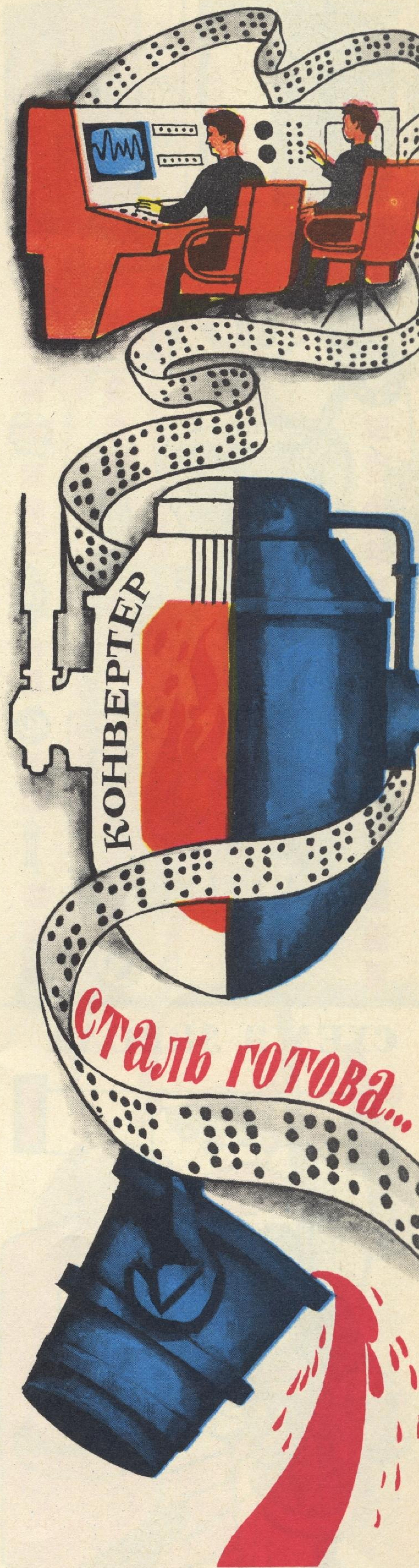
ЕЕ НАЗЫВАЮТ «ЛЬВОВ»

Существуют два типа производства — прерывистое и непрерывное. Все время движется вода через турбины гидроэлектростанции. Непрерывно текут жидкости и газы по сплетениям труб химического комбината. И ты слышал, наверное, что есть уже ГЭС, которые после пуска закрывают на замок — за их работой следит автоматика. Созданы и химические заводы-автоматы.

Если мы присмотримся к таким предприятиям, то увидим, по сути, большую машину, за работой которой человек может наблюдать со стороны. Другое дело — стройка, автомобильный или судостроительный завод. Здесь рабочий сам управляет станком, монтирует и сваривает конструкции. Десятки конвейеров изготовляют продукцию порциями, прерывисто (ведь не выпустишь полмотора или автомобиль без кузова). Работу людей и механизмов нужно согласовать между собой. И это нелегко сделать: то неожиданно испортится станок, то заболеет и не выйдет на смену рабочий, то сгорит трансформатор, то не подвезут вовремя нужные детали.

Пожалуй, производство первого типа (непрерывное) напоминает полет в ясном небе, второго (прерывистое) — в сложных метеорологических условиях. Если путь ясен, можно запустить и беспилотный самолет. Во втором случае пилот все время за рулем: случайности погоды заставляют его то и дело «исправлять» курс, согласуясь с приборами.

Сложное дело — управление. Внимание экипажа реактивного лайнера в полете приковано к десяткам приборов, занимающих чуть ли не все стены пилотской кабины. Приборы сообщают людям данные о погоде, силе ветра и о

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО

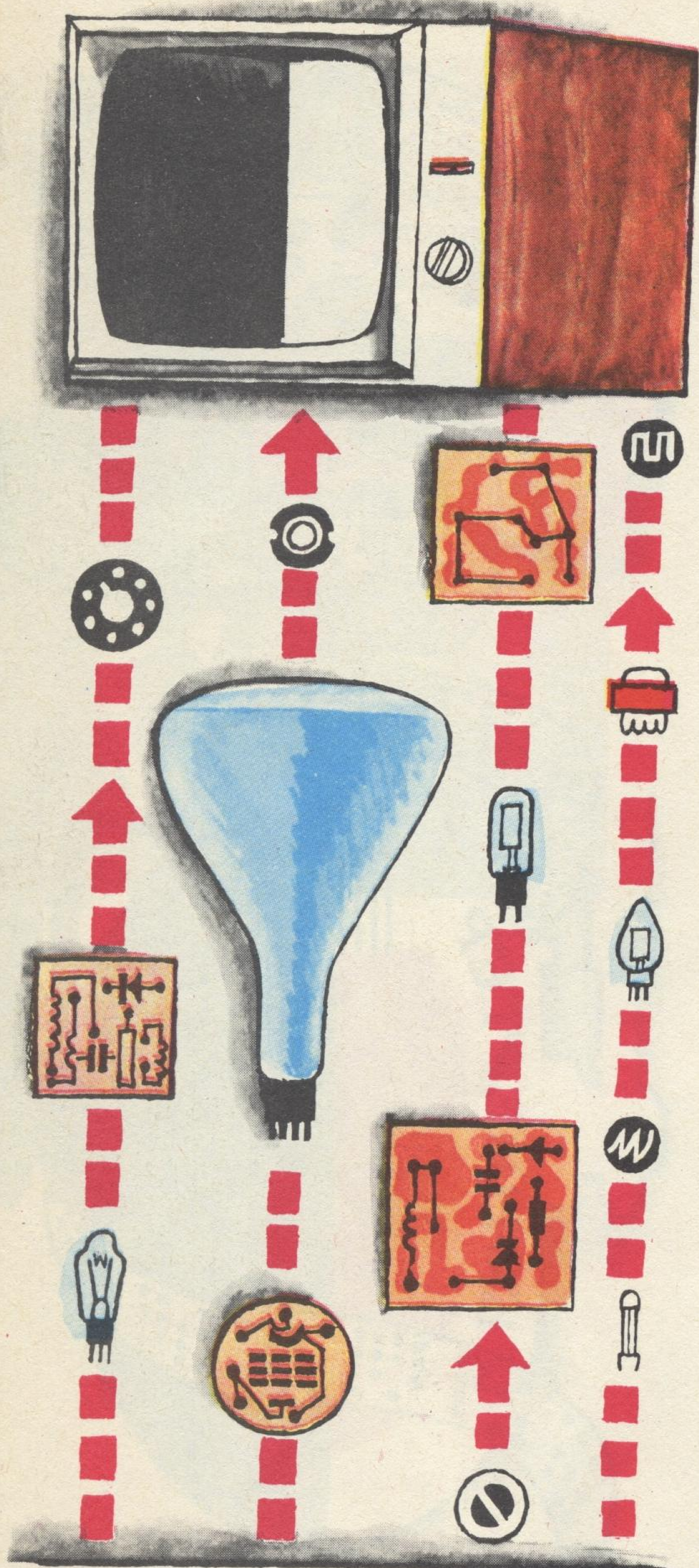
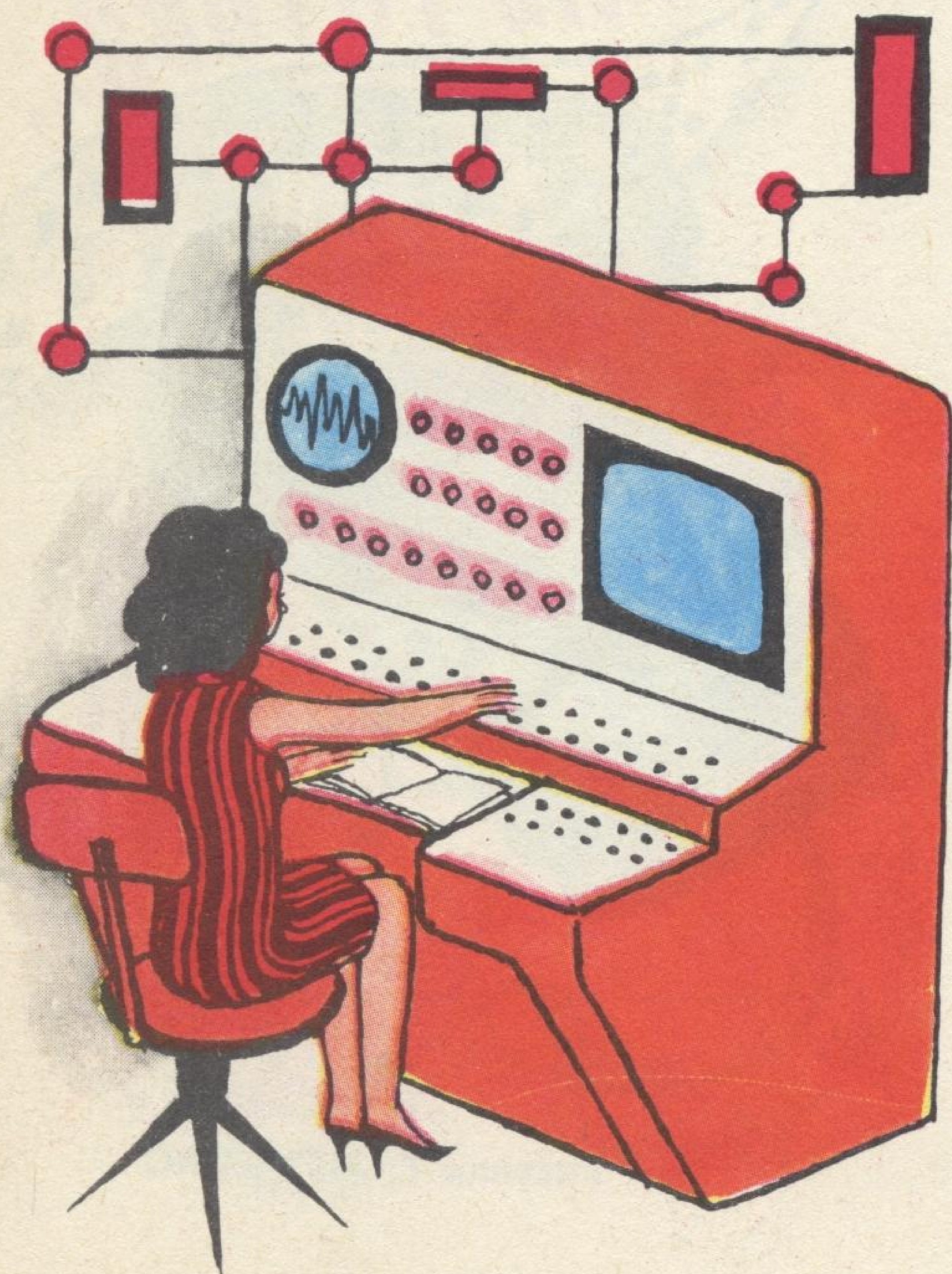

схема завода

многом другом. Люди эту информацию осмысливают и с помощью кнопок, рычагов, руля отдают самолету приказы о направлении и скорости полета, контролируют их выполнение по показаниям приборов.

Любое управление состоит из четырех этапов: сбор информации, ее переработка, отдача приказа и контроль выполнения. В самолете управление налажено идеально, в пилотской кабине вся информация, как на ладони, а вот директор завода должен выуживать ее из груды отчетов, множества телефонных звонков. Поставь себя на его место: целый час тебе диктовали условие сложной задачи, диктовать еще не закончили, а у тебя уже требуют ответ.

Как же выходят из положения командиры производства? У них уже есть опыт: решать задачи, даже если нет всех данных. Только, конечно, никто не поручится за то, что решение это будет лучшим.

Мы много теряем из-за неточного планирования, несогласованности в работе цехов и заводов. Исследования, проведенные в Институте кибернетики Академии наук Украины, показали, что продукцию многих предприятий можно по крайней мере удвоить, стоит лишь искоренить простои и несогласованность. Представляешь, без новых затрат мы вместо одного автомобиля можем получить два, вместо тонны стали вдвое больше! Но как этого добиться? Заставить управлять производством ЭВМ! Это и делается сейчас на Львовском телевизионном заводе.

Мы с тобой на диспетчерском пункте завода. Здесь стоят телекамеры — с их помощью всегда можно узнать, что происходит в цехах, административном корпусе, на складах. Рядом световые табло, связанные с «мозгом» завода — его вычислительным центром, где установлены ЭВМ.

От ЭВМ «нервы»-провода идут к рабочим местам, там стоят датчики и счетчики — органы чувств «электронного мозга». На стене висит схема завода: квадратики цехов соединены между собой световыми линиями точно так, как они связаны в процессе производства.

Телевизор собирается из деталей и блоков, большинство которых делают другие заводы. Детали прибывают во Львов с сопроводительной запиской, где перечислены все их качества. Раньше эти данные вносили в особые книги. Деталь двигалась по производственному потоку, ее обрабатывали, включали в блоки, все аккуратно записывали.

Бумаг было так много, что руководители завода не успевали их читать, и в нужную минуту им не было известно, сколько и чего находится на заводе. Сломался станок, не завезли вовремя кинескопы, молодые рабочие ушли сдавать экзамены — приходилось на ходу решать, как изменить режим работы, чтобы выйти из положения.

Что же произошло на телевизионном заводе после создания АСУП «Львов» (автоматизированной системы управления производством)? Кибернетики провели перепись людей, станков, цехов, деталей на их пути от склада до готового телевизора. Результаты переписи записали с помощью особого кода и закрепили в «памяти» ЭВМ на магнитных лентах. Как только все бумаги и телефонные звонки отразились на лентах в виде «точек, тире», стало ясно, какую часть этой информации должны «переваривать» ЭВМ, а какую осмыслivать люди.

Теперь, когда «органы чувств» сигнализируют «мозгу» со всех участков, ЭВМ «знают» о предприятии все и готовы поделиться этой информацией с человеком (вот зачем стоят световые табло). Мало этого, кибернетические машины могут посоветовать, как справиться с тем или иным затруднением.

Инженер, например, спрашивает, как лучше организо-

вать работу, если остановился тот или иной станок. Отвечая, ЭВМ как бы прокручивает ускоренно фильм и показывает тот же завод работающим без указанного станка. Машина сравнивает сотни вариантов и отбирает лучший (как и ЭВМ, наметившая план перевозки свеклы), и делается это за доли секунды.

Теперь, пожалуй, ни одно решение на Львовском телевизионном заводе не принимается без консультации с ЭВМ. В ближайшее время так будет на многих предприятиях.

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ МАТЕРИК

В Советском Союзе уже немало заводов, в управлении которых участвуют ЭВМ. Однако каждый из них, как Робинзон на своем острове: связи между вычислительными центрами разных предприятий пока не существует. Но это пока.

В прошлом году телевидение показало, быть может, первый дистанционный разговор человека с машиной. Человек находился в министерстве в Москве, электронно-вычислительная машина — во Львове.

На экране — сборочный цех Львовского телевизионного завода. Движется лента конвейера. Тысячи деталей собираются в узлы, готовый телевизор подходит к пункту контроля. Москва спрашивает, каково сменное задание одного из участков конвейера на завтра. Девушка во Львове отбивает вопрос на клавишах телетайпа. Через минуту-две из окошка машины выползает бумажная лента, на ней — ответ.

Телетайп мог бы находиться и в министерстве. Вероятно, так оно вскоре и будет. И тогда прямо без посредства работников завода в Москве узнают то, что больше всего интересует министерство. Чтобы хорошо согласовать работу разных заводов и отраслей производства и создается в стране ЕГСВЦ — Единая государственная система вычислительных центров.

Давай заглянем с тобой в то уже недалекое будущее, когда такая система начнет работать.

Система объединит различные ЭВМ. Здесь будут и «узкие специалисты», умеющие только вести плавку, и «электронные директора», управляющие заводами, и сверхбыстрые математики, составляющие планы, и «советники», подсказывающие министру, какой из вариантов решения сложных задач лучше. Советуясь друг с другом по линиям связи, машины смогут разобраться в любой, самой сложной обстановке.

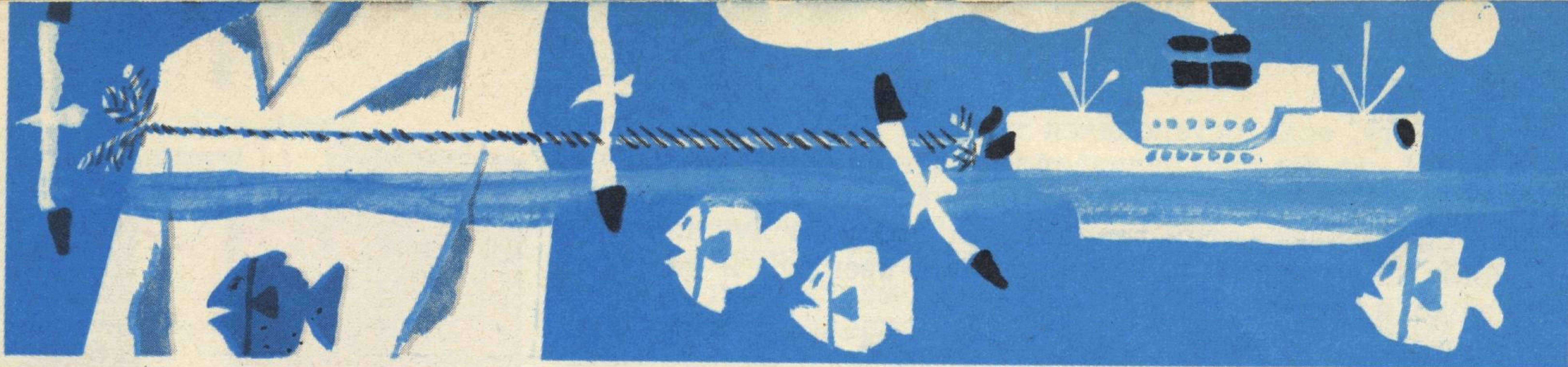
Ты спросишь: а что же будет делать тогда человек? Как что? Управлять! Основной закон социализма — удовлетворение нужд народа. Исходя из этого, человек и будет ставить перед ЭВМ свои задачи.

Такую систему можно создать только в социалистическом обществе. Капиталисты никогда не станут делиться друг с другом своими секретами: конкуренция между ними идет не на жизнь, а на смерть. Они ни за что не пойдут на то, чтобы согласовывать свои планы. Конечно, и они применяют ЭВМ, но в пределах концерна, фирмы. Им бы хотелось так организовать производство, чтобы избежать кризисов. Однако при капитализме это невозможно: это все равно, что пытаться успокоить какую-то часть бурного моря.

Иное дело в СССР. Маленькие островки кибернетики, вроде Львовского завода, с помощью ЕГСВЦ объединятся в один кибернетический материк.

Записал А. ХАРЬКОВСКИЙ.

Айсберг на веревочке

Может, тебе это покажется странным, но на Земле не хватает воды, хотя большая часть глобуса окрашена в голубой цвет. Это цвет не только рек и озер, но и морей, океанов, где вода, как известно, соленая, непригодная для питья, умывания и, главное, для орошения полей, для снабжения городов. Вот почему ученые разрабатывают самые различные проекты, как напоить людей сегодня, как решить проблему «мировой жажды» через пятьдесят, через сто лет.

Строятся гигантские опреснители морской воды. Гидрогеологи ищут подземные пресноводные озера. Химики создают новые способы очистки уже использованной на производстве воды. Есть даже такие проекты, которые еще до недавнего времени считались совершенно фантастическими. Вот один из них: взять ледяную гору — айсберг, плавающий в океане, — прицепить канатом к судну и привезти туда, где нужна вода.

Конечно, это не так просто. Такая льдина весит без малого миллиард тонн. Легко себе представить, как сложно прицепить ее к судну, да так, чтобы во время шторма не оторвало. Однако ученые пришли к выводу, что, несмотря на все сложности буксировки айсбергов, дело это может оказаться выгодным. Примерно за восемь месяцев одно буксирное судно может дотащить гигантский айсберг из Антарктиды к берегам Австралии. За это время льдина немножко подтает. Но даже если растопить остаток, пресной воды хватит, чтобы в течение года поить половину жителей Австралии!

В Австралии живет всего десять миллионов человек. А как же остальное человечество? Профессор К. К. Марков приводит в журнале «Природа» любопытный расчет. Поставщики айсбергов — Антарктида и Арктика—за год дарят океану почти 1 400 огромных ледяных глыб, каждая объемом около кубического километра. Даже по щедрой московской норме воды из растопленных айсбергов хватит на 12,9 миллиарда человек.

Расчеты сделаны, маршруты намечены. Видимо, не за горами и первые опыты.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Как обманули зябликов

Эта история о том, как орнитологи — ученые, изучающие птиц,— обманули стаю зябликов.

Все лето птиц продержали в планетарии, звездное небо которого двигалось не вокруг Полярной звезды, как обычно, а вокруг одного из светил созвездия Орион. Настала осень, и птиц выпустили на волю. Зяблики, над которыми проводили опыт ученые, всегда зимуют на Кубе. Сбитые с толку неправильным вращением неба, птицы сразу же потеряли курс. А контрольная стая, жившая в планетарии с нормальным небом, прямиком отправилась на Кубу.

До сих пор ученые спорят, как птицы находят верную дорогу в своих дальних перелетах — то ли по наземным ориентирам, то ли по магнитному полю Земли. Теперь как будто бы подтвердилась гипотеза, что птицы определяют свой маршрут по звездам. По-видимому, у птиц есть совершенные устройства в организме; изучение их поможет людям создать новые, неведомые еще навигационные приборы для кораблей, самолетов, спутников Земли.

Стебель для тяжелого колоса

Во всем мире ученые стараются повысить урожайность пшеницы, ржи, ячменя. Зерно становится крупнее, полновеснее, тяжелеют колосья. Но как только подует сильный ветер, налетит дождь, тонкие стебли не выдерживают тяжести зерен и полегают. Вот отчего гибнут нередко миллионы тонн зерна.

Несколько лет назад было открыто удивительное вещество со сложным названием хлорхолинхлорид. Стоит обработать этим веществом посевы, как рост стебля замедляется, стебель становится толще, прочнее. Такой стебель и с крупным, тяжелым колосом не полегает.

В городе Кемерове на основе удивительного химического вещества создан препарат «Тур»; его уже выпускает завод.

Вещество жизни— из космоса

Основа жизни на Земле — белок. Все известные белки построены из «кирпичиков» — двадцати аминокислот.

...Осенью 1969 года в Австралии, недалеко от города Мельбурна, упал метеорит. Как всякий метеорит, он был подвергнут исследованиям. Неожиданно в нем было обнаружено «вещество жизни» — аминокислоты, и среди них — неизвестные на Земле.

О многом говорит ученым эта важная находка, и прежде всего о том, что жизнь может существовать не только на нашей Земле. Некоторые ученые предполагают, что, может быть, все живое на нашей планете берет начало от одного или многих небесных камней, упавших некогда на безжизненную пустынную поверхность....

Подъем «Титаника»

История знает немало кораблекрушений. Среди них есть особо знаменитые. Такие, например, как гибель огромного парохода «Титаник». Он затонул в Атлантическом океане почти шестьдесят лет назад.

Было немало проектов, как достать корабль с океанского дна. Однако все эти проекты нельзя было осуществить из-за их сложности. А вот недавно венгерский инженер Л. Саске предложил поднять «Титаник» на поплавках, наполненных водородом. Водород этот при помощи электрического тока будет добываться прямо из морской воды.

Этот проект принят. Если подъем «Титаника» пройдет успешно, таким способом удастся поднять из морских глубин множество затонувших кораблей, раскрыть немало тайн, вернуть людям сокровища, украденные стихией.

Сварка вращением

Кто не знает, что первобытные люди добывали огонь при помощи трения. Прошли тысячелетия, и люди уже не представляют себе жизнь без спичек. И вдруг в наше время пришлось вернуться к древнему приему. Правда, не для разжигания костра, а для разогрева и варки металлических деталей. Делается это так. Одну из деталей закрепляют, другую вращают с огромной скоростью и потом мгновенно с силой прижимают к неподвижной. За доли секунды поверхности деталей так разогреваются, что тончайшие верхние слои металла плавятся. В этот момент вращение прекращается, и, остывая, детали намертво свариваются друг с другом.

Нефть за двадцать минут

Тысячелетия понадобились на то, чтобы остатки растений глубоко под землей превратились в нефть. Подобный процесс всего за двадцать минут удалось воссоздать в лаборатории. В горячей камере обрабатывали паром и окисью углерода мусор и бумажные отходы и получили горючее, похожее на нефть.

Если лабораторную установку удастся превратить в промышленную, то из тонны мусора можно будет получать 160 литров превосходного горючего.

Собирайте макулатуру!

Черный спутник Марса

У Марса два спутника — Фобос и Деймос. Недавно были довольно точно определены размеры Фобоса. Он оказался небольшим, слегка сплюснутым телом, его диаметр — всего 22 километра. Зная точные размеры Фобоса и его яркость, астрономы установили, что он отражает очень мало света — в два раза меньше, чем Марс. А это значит, что у красноватого Марса очень темный, почти черный спутник.

Астрономы не только зафиксировали этот факт, но и объяснили его. Метеориты так взрыхлили поверхность Фобоса, что она стала шероховатой, как гигантское наждачное полотно. А каждому известно, что хорошо отражает свет лишь очень гладкая, зеркальная поверхность.

Темное дело

Есть животные, которые боятся темноты. Недавно ученые обнаружили вещество, которое вызывает это свойство, — скотофобин. Оно образуется в головном мозге. Если сделать укол скотофобина животным, которые ведут ночной образ жизни, то и они, как ни странно, начинают бояться темноты и резко меняют свои повадки. Как действует это вещество на организм животного, пока не установлено. Как говорится, дело темное...

Остров, который крутится

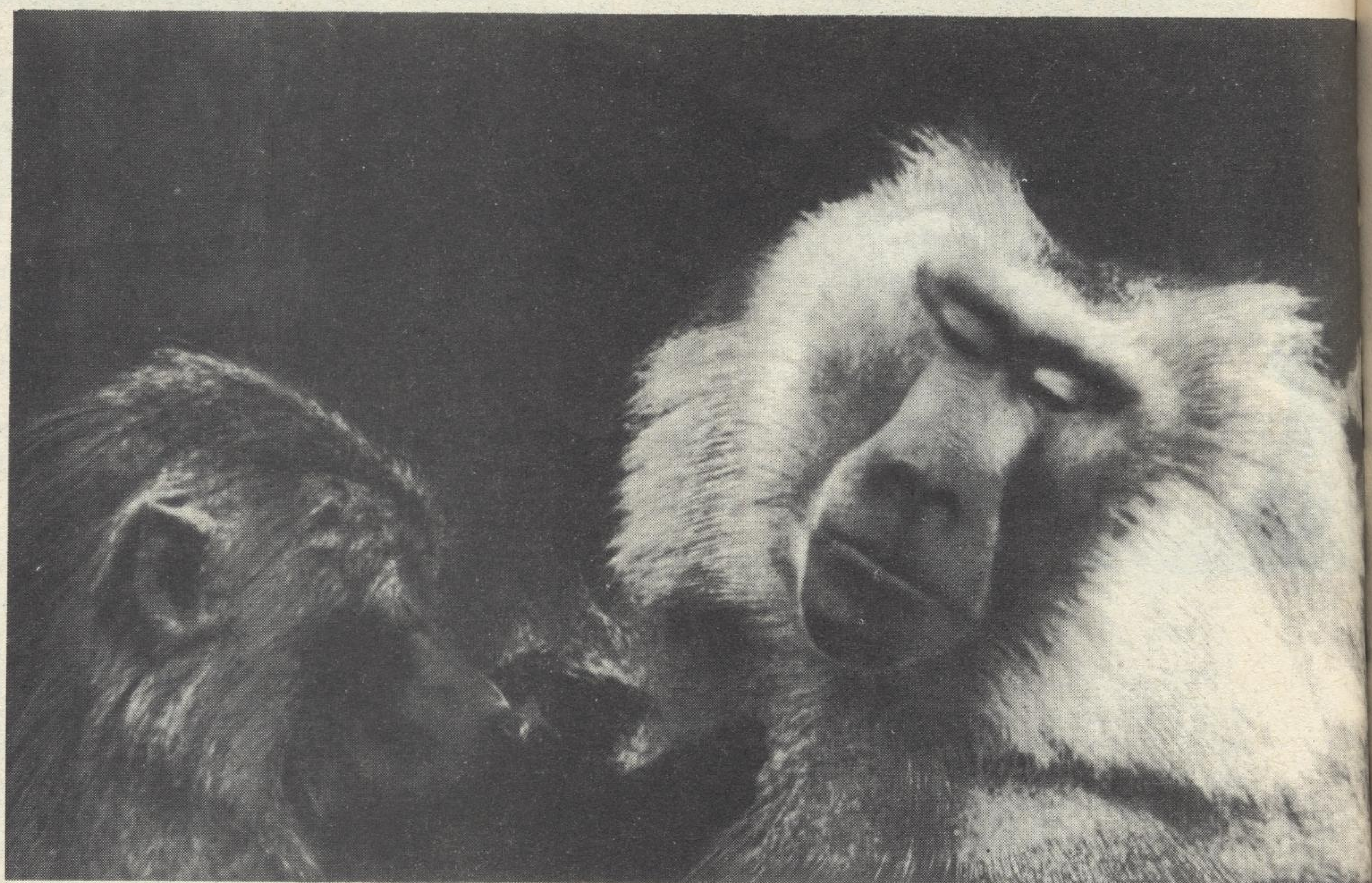
Ученые из Утрехтского университета в Голландии исследовали образцы магнитных пород, взятых на средиземноморском острове Сардиния.

Оказалось, что мельчайшие кристаллики этих пород, застывшие в определенном положении миллионы лет назад, подобно стрелке компаса, показывают положение острова в те далекие времена. Анализ показал, что остров за последние двести миллионов лет развернулся относительно Европы на пятьдесят градусов! Мало того, что он крутится, так еще против часовой стрелки...

Н. ПОЖАРИЦКАЯ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

ОНИ ТОЖЕ разговаривают

Честно говоря, мне стало не очень-то по себе, когда за моей спиной, звякнув, впервые захлопнулась дверь вольеры. Остаться один на один с шестью десятками обезьян — сомнительное удовольствие. Особенно когда не знаешь, как они на это посмотрят. Но сухумские гамадрилы, видно, и не такое видывали. И потому, не обратив никакого внимания ни на меня, ни на мои магнитофоны и фотоаппараты, продолжали заниматься своими делами. Я осмотрелась. Слева, в тени скалы, две обезьяны старательно «обыскивали» вожака. Напротив, прямо на солнцепеке, клевала носом старая гамадрилиха. Пронеслась стайка гамадрилят-подростков. Верхом на мамаше проехал малыш. Лукавые глазенки, вздернутый нос — ни дать ни взять Буратино. «Буратино» скосил в мою сторону бусины глаз, сплюнул шелуху от семечек и, задрав нос, спокойно уехал. Ну, что ж, если все спокойны, отчего мне волноваться? И я принялась за работу. Моя задача — изучать язык обезьян, наблюдать за тем, как они общаются между собой.

...Прошел час, другой. Жарко пекло сухумское солнце. Журчала под краном струйка воды. Разомлевшие обезьяны ушли в тень, утратив всякое желание общаться друг с другом. И я совсем уже было решила, что день прошел впустую, как вдруг чья-то серая волосатая рука легла мне на плечо. Я скосила глаза. Зеленовато-бурая гамадрилиха, зайдя с тыла, изготовилась прыгнуть мне на плечи. Судя по всему, ее интересовали мои темные очки.

«Главное, избегайте резких движений. И не смотрите на обезьян пристально. Они этого не любят», — вспомнила я напутствие одного из сотрудников, сопровождавших меня к стаду. Хорошенькое дело! Она сейчас вскочит мне на плечи, потом еще что-нибудь придумает, а я — «избегайте резких движений». Серая обезьянья лапа потянулась к очкам. Я пошевелилась. Обезьяна отскочила в сторону, ударила по земле лапой и вытаращила на меня глаза. Я замерла. Обезьяна зашла с другого бока, снова ударила лапой по земле и, вздернув брови, опять вытаращила глаза. По-моему, она пугала меня. И тогда я не выдержала, сорвала очки и тоже вытаращила на нее глаза. Обезьяна пронзительно взвизгнула, оглянулась на мигом вскочившего вожака и кивнула головой в мою сторону. Вожак взъерошил гриву, ударил лапой оземь и рванулся ко мне. Так мне был преподан первый урок гамадрильего языка.

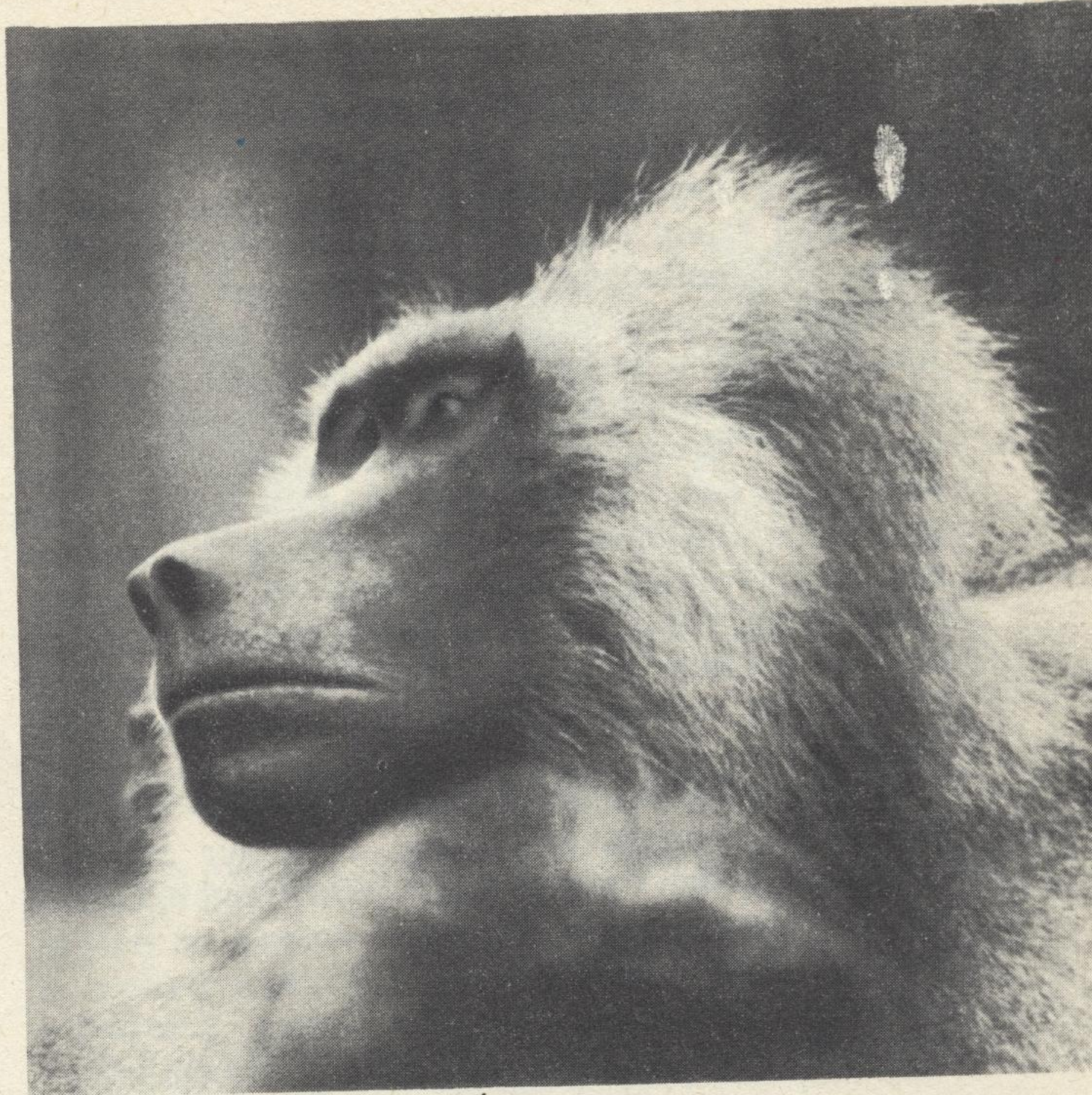
*

Павианы гамадрилы могут общаться друг с другом тремя способами — звуками, жестами и взглядами. Два десятка звуков, несколько выразительных взглядов и жестов — этого достаточно, чтобы объясняться с сородичами на любую тему.

Попала обезьяна в беду. Стоит ей издать со-

вершенно особый возглас, что-то вроде «Гоу!» — и все стадо откликнется на этот призыв. Сигнал, который издает вожак при виде опасности, совсем иной. Но и его смысл понятен всем соплеменникам: «Внимание! Опасность!» Недавно выяснили, что подобные сигналы сообщают не только о самом факте опасности, но и о том, что это за опасность, какой именно враг угрожает стаду и даже насколько близка опасность. Совсем иные звуки — более тихие, более ритмичные и нежные — используют гамадрилы, когда им нужно установить дружеские отношения с сородичами. Налаживание дружбы у этих обезьян — целый ритуал. Захочет, например, какая-нибудь гамадрилиха продемонстрировать свою дружбу приятельнице, подойдет к ней, прошелестит языком что-то вроде «лам-лам-лам-лам» и, если услышит в ответ то же самое, начинает обыскивать подругу. И не думайте, что она выискивает в ее шерсти насекомых. Нет. Обыскивание — это элемент гамадрильего языка, жест, означающий дружеское расположение.

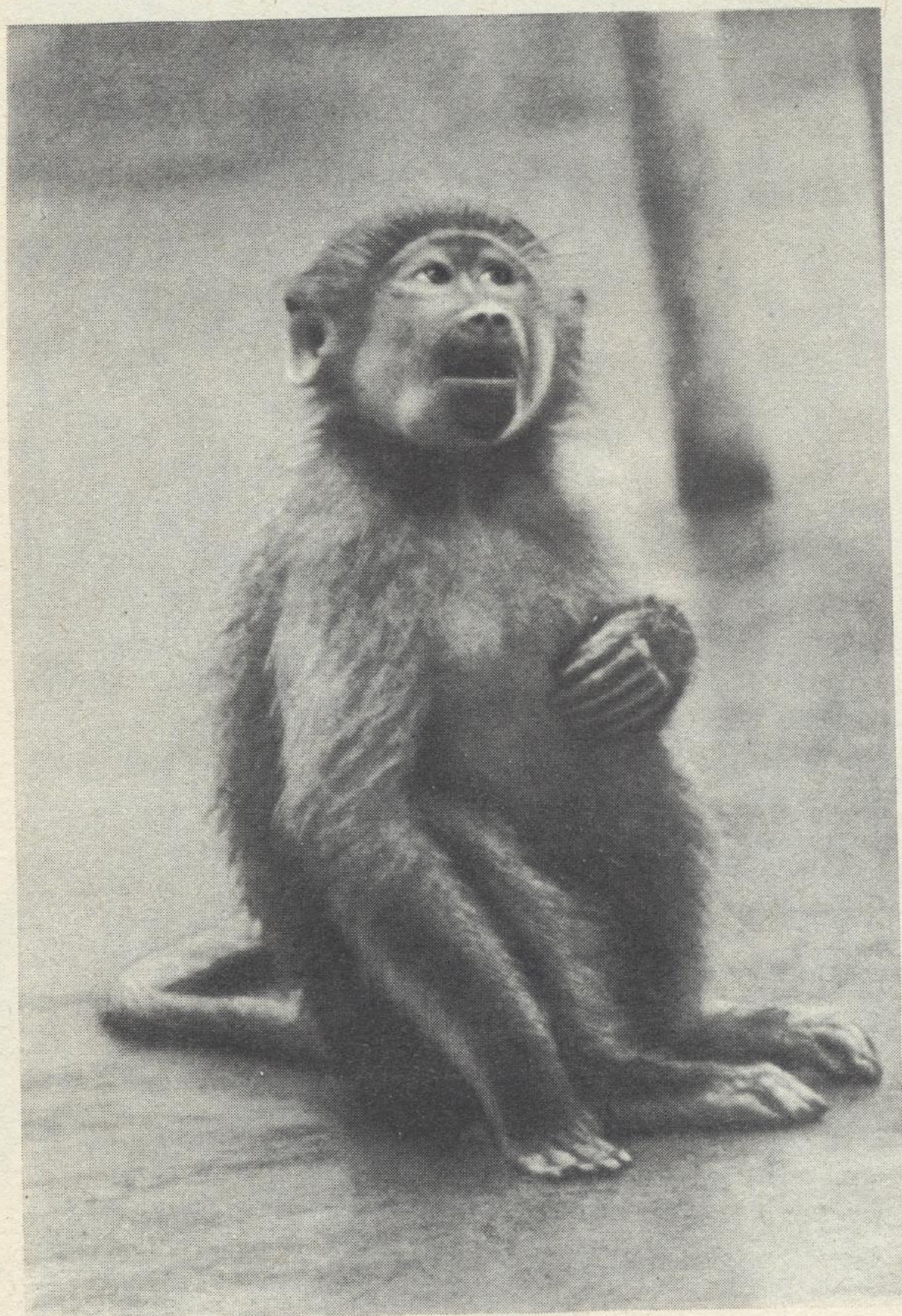
Такие четкие отношения между обезьянами совершенно необходимы в стаде. Ведь гамадрилам все приходится делать сообща: вместе кормиться, вместе ходить на водопой, вместе отбиваться от врагов. И чтобы ничем не нарушать эти совместные действия, обезьяны должны отлично понимать друг друга и строго выполнять правила поведения, принятые в стаде.

В Древнем Египте павианы почитались как священные животные. Стены храмов и гробниц украшались их изображениями. И полагают, что они послужили прообразом знаменитых египетских сфинксов.

Думаете, она открыла рот от удивления? Ничего подобного. Такое выражение физиономии и поднятая рука означают покорность и послушание.

*

Первое и самое главное правило — послушание и подчинение любому, кто старше и сильнее тебя. И в первую очередь подчинение вожаку. Главный закон стада знают даже малыши. При встрече с вожаком любая обезьяна присядет особым образом и отрывисто ахнет — так она признает силу вожака и показывает свою преданность. Вожак — центр притяжения всего стада. Он несет ответственность за все и за всех. Стоит на страже, пока стадо кормится или отдыхает. Отыскивает места кормежек, отстаивает территорию стада, вершит над соплеменниками суд и расправу — иначе говоря, поддерживает в стаде порядок. И всегда пользуется принятыми среди гамадрилов способами общения.

Обычная ситуация. Поссорились две обезьяны. Визг, шерсть клочьями. И вдруг та, что затеяла драку, ловит на себе пристальный взгляд вожака. Взвизгнув так, словно ее наградили хорошей затрещиной, драчунья мчится к вожаку. Присядет перед ним, ахнет, разгребет несколько раз шерсть его гривы, пошелестит языком и, если вожак соизволит коснуться ее рукой, отходит успокоенная. Тому, кто не знает гамадрильего языка, и невдомек, что здесь только что произошел серьезнейший разговор. Только разговор беззвучный. На языке взглядов и жестов. Вздернул брови вожак, посмотрел пристально на забияку — понимай: «Прекратить безобразие, пока обеим не влетело!» Приседания и обыскивающие движения провинившейся в переводе звучат примерно так: «Слушаю и повинуюсь, мой повелитель. И прошу прощения». Лапа вожака, положенная на плечо: «Ладно. Иди с миром».

Разумеется, перевод этот шутливый. Но суть остается. Вздернутые брови и пристальный взгляд у гамадрилов — сигнал угрозы (теперь ясно, почему испуганно шарахнулась от моего пристального взгляда обезьяна). Кивок головой в сторону обидчика — беззвучная жалоба. Удар лапой по земле — бесшумная угроза.

*

Вы заметили, что самое главное достоинство языка взглядов и жестов — бесшумность? Это очень важно. Ведь бывают моменты, когда на-

Смотрите, как насторожились. Это в ответ на тревожный клич вожака. Хорошо все-таки иметь язык, понятный всем соплеменникам!

до отдать приказ, не привлекая внимания противника. Даже на большом расстоянии взгляд вожака понятен стаду. Секрет в белых веках обезьян. Стоит гамадрилу оттянуть кожу со лба, и белые веки четко выделяются на серой обезьяньей физиономии. Поэтому взгляд (запрещающий или угрожающий) виден далеко. Враждующие самки часто пользуются угрожающими взглядами во время беззвучных перебранок. Поморгают друг на друга, отведут душу и разойдутся.

Враждующие самцы — вожаки разных стад — действуют иначе. Угрожая друг другу, они начинают зевать. Правда, в этом гамадрилы не оригинальны. Угрожая друг другу, зевают бегемоты, стучат друг на друга зубами самцы золотистых хомячков, раскрывая в зевке пасть, демонстрируют внушительные клыки львы. Судя по всему, эта демонстрация клыков и есть главная цель зевков. Зевающие гамадрилы — зрелище действительно грозное. Тела их напряжены, гривы взъерошены. В судорожном зевке напоказ клыки, десны и разверстая красная пасть. Зевательный турнир длится до тех пор, пока более слабонервный не спасует и не покинет территорию победителя.

Так что, как видите, для достижения взаимопонимания гамадрилы используют буквально каждую часть тела — от кончика носа до кончика хвоста.

Можно было бы долго еще рассказывать об обезьянах и их языке, если бы не одно обстоятельство. Наверное, у многих из вас уже возник вопрос: «А для чего человеку знать, как общаются обезьяны да и другие животные? Какая нам от этого польза?» Представьте себе, огромная.

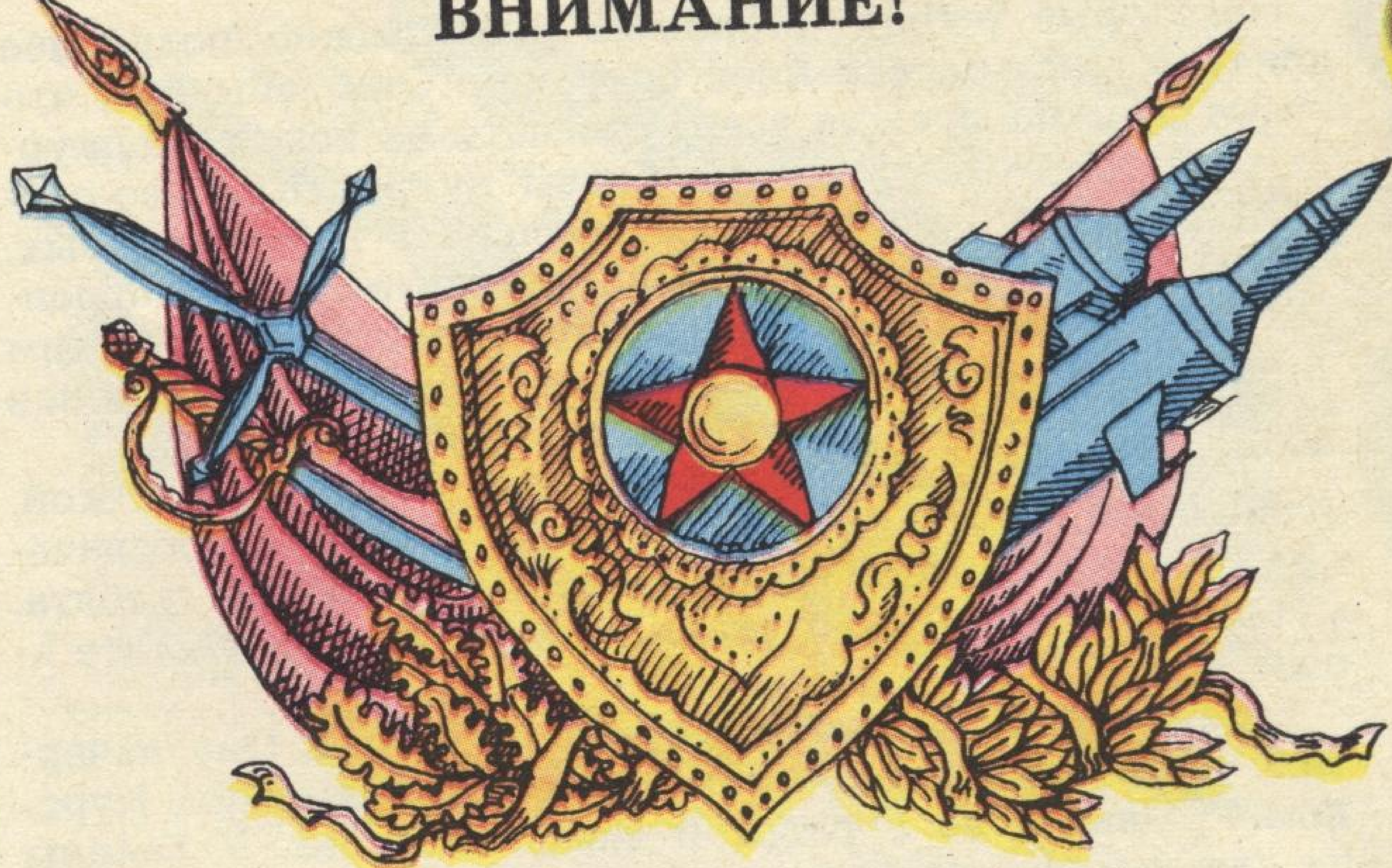
«Подслушивая» и расшифровывая рыбьи «разговоры», можно определить законы, по которым кочуют в океане косяки сельди и других промысловых рыб.

В некоторых странах, чтобы спасти посевы от саранчи, на полях устанавливают громкоговорители и передают сигналы опасности, принятые в стаях саранчи. Обманутая саранча за несколько верст обходит такие поля.

Ну, а что касается языка обезьян, то к нему у нас совершенно особый интерес. Нам ведь не убежать от родства с этими любопытными животными. И хотя их язык не имеет ничего общего с человеческой речью и общение обезьян можно назвать разговором лишь условно, все же изучение этих «разговоров» очень важно. Это поможет ученым разобраться в том, как возникло такое удивительное явление, как человеческая речь.

ЗНАТОКИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ — ВНИМАНИЕ!

„Побеждать не числом, а уменьем" (Суворов)

Полторы тысячи писем, бандеролей и посылок пришло в редакцию с пометкой «Военно-исторический конкурс». Ответов было не только очень много. Ответы были серьезные, умные, пространные — целые исследования!

Членам жюри понадобилась помощь. Разбирать почту помогали офицеры и курсанты Московского высшего общевойскового командного ордена Ленина училища имени Верховного Совета. В жюри работали научные сотрудники Института военной истории.

Подавляющее большинство ребят показало прекрасное знание военной истории. Хотя во многих работах были отдельные ошибки и неточности, жюри считает, что работа любого участника конкурса заслуживает похвалы. Каждый, кто прислал ответы, проявил много настойчивости, трудолюбия, увлеченности.

Мы целиком согласны с Олей Танченко из Челябинска, которая писала в редакцию:

«Пусть в моих ответах не все будет правильно, не беда.

Главное, что, отвечая на вопросы конкурса, мне пришлось прочитать много книг по военной истории. Я узнала массу нового и интересного о нашей Родине, ее героическом прошлом».

Откуда бы ни писали ребята — из Ленинграда или Ташкента, из Литвы или с Амура, — почти в каждом письме подробные рассказы о таких замечательных операциях Великой Отечественной войны, как Курская битва, операция «Багратион». Ребята не только описывали ход сражения, они старались показать стратегическое значение битвы в ходе войны. Схемы, портреты полководцев, рисунки, фотографии военной техники украшают страницы лучших ответов.

Жюри было нелегко отобрать самые лучшие работы. Поэтому определять победителей пришлось в два тура. В итоге премиями награждаются 56 участников конкурса. Кроме того, жюри отмечает еще 150 хороших работ.

Для многих ребят довольно каверзным оказался первый вопрос. Не все смогли правильно ответить, почему герб А. В. Суворова украсила буква «К» с алмазным пером.

Вот как ответила на этот вопрос победительница конкурса Наташа Мирошниченко:

«Перо, украшенное алмазами, и буква «К» на гербе А. В. Суворова символизируют победу над турецкими войсками под Кинбурном, одержанную им в 1787 году... Кинбурнское сражение — яркий пример суворовской активной обороны. Эта победа сорвала наступление турецких войск и сохранила в руках русской армии стратегически важный район, открывавший доступ в Крым».

Участники конкурса должны были чертить карты и схемы. Жюри просмотрело много хороших схем. Но

КТО СТАЛ

были схемы с ошибками. Военные специалисты хотели бы дать ребятам совет.

Некоторые ребята старались как можно подробнее показать ход той или иной операции. Они забывали, что схема должна прежде всего отвечать на вопрос конкурса. Так, на схеме Курской битвы нужно было, во-первых, показать фронты, участвовавшие в ней, во-вторых, планы фашистского командования на этом участке фронта, и, наконец, планы советского командования. Этим требованиям полностью отвечает схема, составленная семиклассником Иваном Ивановым из г. Калинина.

Схема, будучи подробной, должна оставаться четкой, правильной, иметь все необходимые условные обозначения. Этого, конечно, нелегко добиться: порой ребята, увлекаясь деталями, упускали главное. И в результате — ошибки.

Вот работа Галины Каучаковой из Омска. Она начертила подробную схему всех этапов сражения под Курском. Сравните ее с работой Ивана Иванова. У Галины на схеме масса необязательных для ответа обозначений, зато не показаны планы гитлеровского командования. А именно об этом и спрашивалось в вопросе. Кроме того, отмечена всего одна железнодорожная магистраль. А

ведь железные дороги, по которым поступало вооружение, боеприпасы, горючее и продовольствие для нашей армии, имели важнейшее значение для победы.

Посмотрите, как четко показано все это на схеме Ивана Иванова.

Тем не менее труд, затраченный на выполнение таких серьезных детальных схем, как у Галины Каучаковой, достаточен для того, чтобы назвать ее работу одной из лучших.

Отвечая на последний вопрос, все ребята правильно назвали проводившиеся в последние годы учения нашей армии и флота («Днепр», «Двина», «Океан»). Но лучшим на этот вопрос жюри считает ответ пятиклассника Миши Аптова из Киева. Он не только перечислил военные учения последних лет, но и рассказал о крупнейших учениях Красной Армии и Флота, проходивших до Великой Отечественной войны.

Подводя итоги конкурса, жюри руководствовалось суворовским заветом «побеждать не числом, а уменьем». Главным для победы в конкурсе, конечно, было не число исписанных страниц, а по-военному четкие, грамотные ответы.

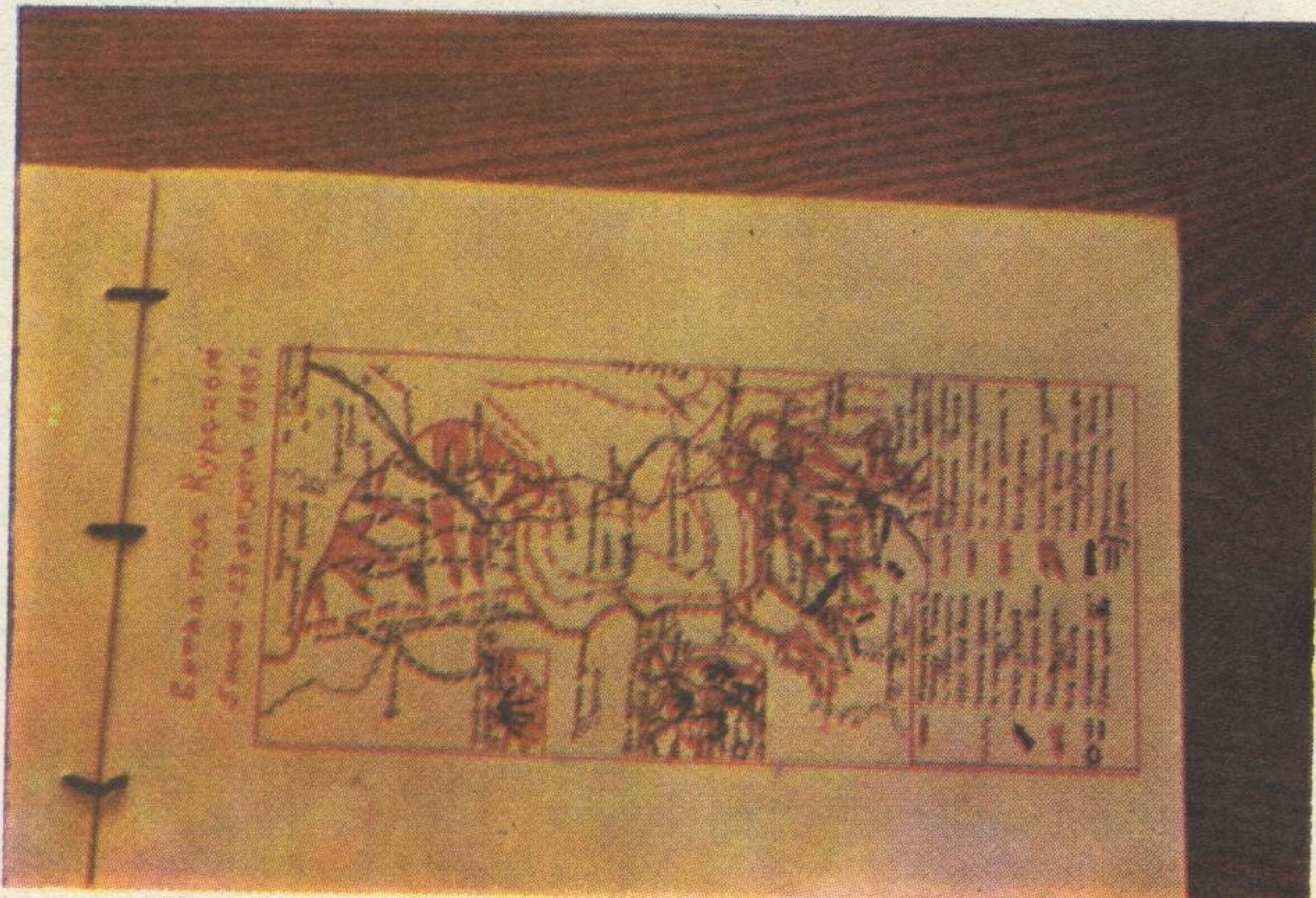

Жюри очень понравилась эта схема. Ее прислал семиклассник Иван Иванов из Калинина. Нет лишних подробностей, четкие и ясные ответы на вопросы.

ПОБЕДИТЕЛИ НАШЕГО КОНКУРСА

Сережа АВДОНИН, 5-й класс, г. Свердловск.
Миша АПТОВ, 5-й класс, г. Киев.
Владимир БАЛАНДИН, 6-й класс, г. Новосибирск.
Александр БАХТИН, 6-й класс, г. Ленинград.
Алеша БОЧКАРЕВ, 6-й класс, г. Куйбышев.
Сергей ВЫСОЦКИЙ, 6-й класс, пос. Октябрьский, Крымской обл.
Анатолий ГОЛУБЕВ, 4-й класс, г. Инза.
Юра ГРИЦЕНКО, 5-й класс, г. Лубны.
Александр ГУРСКИЙ, 7-й класс, г. Клайпеда.
Андрей ДОЛГОВ, 5-й класс, г. Свердловск.
Катя ЕГОРШИНА, 7-й класс, г. Куйбышев.
Алеша ЖДАНОВ, 4-й класс, г. Благовещенск.
Александр ЗАВОДЧИКОВ, п. Мундыбаш, Кемеровской обл.
Галина ЗВЯГИНЦЕВА и **Галина ЕВДОСЮК**, 8-й класс, с. Бытень, Брестской обл.
Витя ЗОТОВ, 5-й класс, г. Челябинск.
Иван ИВАНОВ, 7-й класс, г. Калинин.
Люба ИВАНОВА, 6-й класс, Комсомольская средняя школа, Комсомольского района, Чувашской АССР.
Сергей ИШКОВ, г. Пальдиски, Эстонской ССР.
Галина КАУЧАКОВА, 7-й класс, г. Омск.
Сергей КОНОНОВ, 7-й класс, г. Качканар.
Ольга КОЧЕРГИНА, г. Слюдянка.
Оля КУДИНОВА, 7-й класс, з/с Медвеженский, Ставропольского края.

А эта схема той же Курской битвы, но из альбома Галины Каучаковой (г. Омск). Красиво, но сколько здесь необязательных обозначений и названий!

ПОБЕДИТЕЛЕМ

Игорь КУЗНЕЦОВ, 6-й класс, г. Пермь.
5-й класс Кауздинской 8-летней школы Латвийской ССР, Цесисского района.
6-й класс, школа № 22, ст. Миасс, Челябинской обл.
6-й класс «Б», школа № 17, г. Борисов.
7-й класс «Б», школа № 22, г. Благовещенск.
7-й класс «Б», школа № 12, г. Тернополь.
7-й класс «А», школа № 103, г. Осташков.
Краеведческий кружок Дома пионеров, г. Артемовский.
Надя МАРУСЯК, 7-й класс, г. Ленинград.
Саша МИНАСЕНКО, 5-й класс, г. Жирновск.
Наташа МИРОШНИЧЕНКО, 6-й класс, г. Москва, Новые Мытищи.
Оля МОИСЕЕНКО, 7-й класс, и **Оля КОЛЕСОВА**, 6-й класс, г. Томск.
Игорь НАБИЕВ, 7-й класс, г. Вилейка.
Андрей НЕСТЕРЕНКО, 6-й класс, г. Волгоград.
Отряд имени П. К. Ощепкова, отряд имени А. Шокальского, отряд имени А. Гайдара, г. Оханск.
Отряд «Ленинец», 5-й класс, школа-интернат, п. Белореченский, Ворошиловградской обл.
Отряд имени Героя Советского Союза Волынца, школа-интернат, г. Молодечно.
Отряд юнармейцев имени Нины Сагайдак, 6-й класс, г. Лозовая.
В. ПАВЛЕНКО, 8-й класс, г. Чернигов.
Лариса ПОНОМАРЕВА, 5-й класс, г. Челябинск.
Галя РАВИЛОВА, г. Чусовой.
Владимир СААРЯН, 8-й класс, г. Ереван.
Валя СЕМЕНОВА, 6-й класс, г. Березовский.
Сергей СЕРГИЕВСКИЙ, 7-й класс, г. Ленинград.
Вероника ТОКАРСКАЯ, 12 лет, и **Марина ТОКАРСКАЯ**, 14 лет, г. Москва.
Александр ШИРМАНОВ, 7-й класс, г. Ужур.
Восьмилетняя школа с. Куликовка, Саратовской обл.
Юнармейцы батальона «Зарницы», школа № 7, г. Стрый.
Александр ЯРЕМА, 6-й класс, г. Хабаровск.

Всех победителей ждут премии журнала!

А еще жюри отмечает хорошую работу многих ребят. Среди них

Тамара АНТОНОВА, 7-й кл., г. Донецк. **Миша АКУЛЕНОК,** п/о Зябровка, Гомельской обл. **АРАНОВСКИЕ,** г. Каменск-Уральский. **Галя и Вася АРАБИНЫ,** 6-й и 8-й кл., г. Москва. **Георгий АДЖИМАМУДОВ,** 13 лет, г. Ленинград. **Олег БАБЕНКО,** г. Люботин. **Женя БУХВАЛОВ,** 6-й кл., г. Саратов. **Ира БАРИНОВА,** г. Москва. **Александр БОРИСОВ,** 4-й кл., г. Новые Мытищи. **Наташа БУДРИНА,** 6-й кл., г. Ульяновск. **Иван БАБИН,** 7-й кл., г. Ставрополь. **Наташа БОНДАРЕНКО,** 6-й кл., г. Омск. **Александр БЕЗЗУБОВ,** 6-й кл., г. Кострома. **Миша ВАСНИН,** 7-й кл., г. Свердловск. **Оля ВОРОНОВА,** 7-й кл., г. Дзержинск. **Александр ВОЛЫНКИН,** 7-й кл., г. Куйбышев. **Вадим ВОСТОКОВ,** 4-й кл., г. Минск. **Светлана ВАСИЛЕНКО,** г. Кап-Яр. **Алеша и Надя ВАСИНЫ,** 5-й и 7-й кл., г. Рыбинск. **Володя ГАЛЬЧЕНКО,** с. Ланцево, Запорожской обл. **Игорь ГОЛУБКОВ,** 5-й кл., г. Москва. **Ирина ГРАЧЕВА,** 8-й кл., г. Москва. **Лева ГЕЛЬЦЕР,** 3-й кл., г. Вильнюс. **Надя ГАДЕЛЬШИНА,** 7-й кл., г. Ижевск. **Гена ГОРОБЕЦ,** 4-й кл., п. Юбилейный, Ростовской обл. **Сережа ГУЛИДОВ,** 6-й кл., г. Краснодар. **Володя ДОЛГИХ,** г. Северодвинск. **Александр ДОРОХОВ,** 7-й кл., г. Находка. **Галя ДЫННИКОВА,** 8-й кл., г. Троицк. **Олег ДУРНЕВ,** 5-й кл., г. Владимир. **С. ДУБРОВИН,** 7-й кл., г. Иркутск. **Люба ДАВИДЕНКО** и **Наташа КАЧАЛКОВА** (адрес девочки не указали). **Ира ДЕЙНЕГА,** 6-й кл., г. Магнитогорск. **Валерий ДЬЯКОВ,** г. Тула. **Таня ДЮНДИК,** ст. Свиягино, Приморский край. **Александр ДЕМЧЕНКО,** 7-й кл., г. Ереван. **Володя ЕРЕМИН,** 6-й кл., г. Москва. **Алла ЖИДОВА,** 7-й кл., г. Ярославль. **Лена ЗАГРИВНАЯ,** 7-й кл. г. Сочи. **Володя и Виктор ЗВЕРЕВЫ,** пос. Пижанка, Кировской обл. **Геннадий ЗАЙЦЕВ,** г. Караганда. **Зоя ЗАКИРОВА** и **Люба КИСТАНОВА,** 7-й кл., г. Артемовский. **Сергей ЗАЙЦЕВ,** 7-й кл., г. Казань. **Валера ЗАЙМИДОРОГА,** г. Пенза. **Вова ИЛЬИНЫХ,** ст. Мартыновская, Николаевской обл. **Валентин ИВАНОВ,** г. Стерлитамак. **Володя ИЛЬЧЕНКО,** 6-й кл., г. Челябинск. **Павел ИЦКОВИЧ,** 7-й кл., г. Донецк. **Светлана ИВАНЧЕНКО,** 7-й кл., г. Павлодар. **Исторический кружок**, шк. № 11, г. Борисоглебск.
Исторический кружок 7-х кл., шк. № 68, г. Львов. **Нина и Наташа КАРНАУХ,** 5-й и 9-й кл., г. Краснодар, **7-й кл.,** «а», шк. № 71, г. Хабаровск, **Сергей КАЗАКОВ,** 8-й кл., г. Минск. **7-й кл.,** шк. № 9, г. Новгород на Волхове. **Татьяна КРИВИНА,** 6-й кл., г. Оренбург. **Игорь КРУГЛИК,** г. Петропавловск-Камчатский. **6-й кл.** «б», шк. № 10, г. Симферополь. **7-й кл.** «а», Сангарская восьмилетняя шк. Якутской АССР. **7-й кл.** «а», пос. Мстера, Владимирской обл. **Борис КУМИН,** г. Златоуст. **Лена КРАСНОВА,** 6-й кл., г. Хабаровск. **5-й кл.** «б», шк. № 140, г. Моршанск.

Александр КОШКАРОВ, 7-й кл., г. Челябинск. **Ира КОВАЛЕВА,** 6-й кл., г. Балаково. **7-й кл.** «б», шк. № 1, г. Лубны. **Леонид КУЛЕШ,** 8-й кл., г. Одесса. **Сережа КОРМАНЕВ,** 7-й кл., г. Асбест. **6-й кл.** «б», шк. № 17, г. Донецк. **Таня КОРОБОВА,** 7-й кл., г. Тернополь. **Саша КОМАРОВ,** г. Иваново. **Виктор КОЧЕЕВ,** г. Салават. **Коля КАЛАЧЕВ, Вася КОРОЛЕВ** и **Эдик МАЛЬЧИКОВ,** Городецкий детдом. **Ирина КОВЕШНИКОВА,** 8-й кл., г. Кемерово. **Валерий КРАВЦОВ,** 9-й кл., г. Ленинск-Кузнецкий. **Лена КАЗАНСКАЯ,** г. Воронеж. **Галя КУХАРЕВА,** г. Нижний Тагил. **Алеша КУЗИН,** 8-й кл., г. Иркутск. **Володя КАШИРИН,** 7-й кл., г. Новосибирск. **Юра КОВАЛЬ,** 13 лет, г. Клайпеда. **Таня КУНГУРЦЕВА,** 3-й кл., г. Каменск-Уральский. **Владимир КАРНЫШЕВ,** 7-й кл., г. Томск. **7-й кл.,** отряд имени В. М. Комарова, Столбищенская ср. шк. Горьковской обл. **Вадим КУРОЧКИН,** 6-й кл., г. Якутск. **Миша ЛАГУТА,** 6-й кл., г. Белебей. **Лариса ЛАЗАРЕВА,** г. Ташкент. **Олег ЛЮБКО,** г. Львов. **Игорь МОРОЗОВ, Костя ФУРАЕВ, Евгений БАТАЕВ, Витя КОРОЛЕВ, Валерий ЛУЗАНОВ, Елена ИВАНОВА, Вера ФУРАЕВА, пос.** Колюбакино, ст. Тучково, Московской обл. **Олег МИНАКОВ,** 7-й кл., г. Минск. **Саша МОРОЗОВ,** г. Очер. **Андрей МОСКВИН,** 6-й кл., г. Винница. **Саша МИХАЙЛОВ,** 6-й кл. г. Вольск. **Миша МЕДВЕДЕВ,** 7-й кл., г. Самарканд. **Евгений МАТВЕЕВ,** 8-й кл., с. Пресногорьковка, Кустанайской обл. **Павлик МАНУЙЛОВ,** 7-й кл., г. Апшеронск. **Люба МИКРЮКОВА,** 7-й кл., г. Ижевск. **Саша МИРОНОВ,** 6-й кл., г. Иваново. **Олег МОИСЕЕВ,** 7-й кл., г. Рудный. **Валера МЕЛЬНИКОВ,** 5-й кл., г. Баку. **Марк МЕЕРОВИЧ,** 8-й кл., г. Иркутск. **Володя ОКАРМУС,** 8-й кл., Костинецкая ср. шк., Черновицкой обл. **Отряд имени Аркадия Гайдара, 7-й кл.,** шк. № 5, г. Брянск. **Отряд 6-го кл. «а»,** шк. № 9, г. Северодвинск. **Таня ОВСЯНИК,** 7-й кл., г. Киев. **Сергей ОПОЛЕВ,** 7-й кл., п. Буланаш, Свердловской обл. **Саша ПАПЧИНСКИЙ,** 7-й кл., г. Ленинград. **Пионерская дружина** имени Героя Советского Союза И. В. Новикова, с. Вормино, Брянской обл. **Вера ПЕШКОВА,** 7-й кл., г. Термез. **С. ПУНЖИН** и **С. ШУМИХИН,** 5-й кл., г. Смоленск. **Валерий ПРУДНИКОВ,** 7-й кл., г. Ленинград. **Галя ПАНЧИХИНА,** с. Старо-Петрово, Башкирской АССР. **Женя ПИСАРЕВСКИЙ,** 7-й кл., г. Мингечаур. **Люба и Саша ПОПИДЧЕНКО,** 8-й и 4-й кл., г. Ейск. **Витя ПАРШЕНСКИЙ,** г. Архангельск. **Сергей РОМАНЕНКО,** 5-й кл., г. Калининск. **Гриша РЫСИН,** 5-й кл., г. Волгоград. **Александр РОДИОНОВ,** 8-й кл., г. Новосибирск. **Оля и Таня САВКИНЫ,** г. Мурманск. **Миша СОЛОМАХИН,** 7-й кл., г. Ташкент. **Толя СИВУШОВ,** 7-й кл., г. Калининград. **Ольга СИНИЦКАЯ,** 8-й кл., г. Фастово. **Витя САЙ,** 7-й кл., х. «Заря», Краснодарского края. **Александр СТРЯПУНИН,** 7-й кл., ст. Оверята, Пермской обл. **Александр СОЛОМЕНЦЕВ,** 6-й кл., г. Венев. **Надя СОЛОМАТОВА, Люда ХАРИТОНОВА** и **Вася ПИЛЮГИН,** г. Абакан. **Юра ТОЛКАЧЕВ,** г. Свердловск. **Георг ТЕРАС,** 6-й кл., г. Таллин. **Марина ТВЕРИТНЕВА,** 6-й кл., г. Тула. **Ирина ТАНЦЕРОВА,** 8-й кл., п. Магдалиновка, Днепропетровской обл. **Сергей УВАРОВ,** 7-й кл., г. Москва. **Елена ФОМИНА,** 7-й кл., пос. Новые Белокоровичи, Житомирской обл. **Марина ФИЛАТОВА,** 8-й кл., г. Москва. **Сергей ФИЛАТОВ,** 8-й кл., пос. Палех, Ивановской обл. **Володя ХЛОПИН,** 6-й кл., г. Краснодон. **Саша ЦЫГАНКОВ,** 4-й кл., г. Капустин Яр. **Юра ЧИРНО,** г. Ялта. **Таня и Иван ЧЕБОНЕНКО,** 12 и 14 лет, г. Омск. **Ал. ЧУМОВИЦКИЙ,** г. Челябинск. **Лида ЧЕКМАЗОВА,** 14 лет, г. Узловая. **Володя ШАРАПОВ,** 6-й кл., г. Магнитогорск. **ТЕРЕХИНА Наташа, ЖУРАВСКИЙ Сергей, БЕГЕКА Люда, РУТКОВСКИЙ Коля, ГАЛАНЧУК Люда, АЙРОПЕТОВА Наташа,** шк. № 7, г. Тернополь. **Шк. № 20,** клуб боевой славы «Факел», г. Арзамас. **Коля ШЕВНИН,** 7-й кл., г. Иркутск, **Ира ШПЫНЕВА,** 7-й кл., ст. Базки, Ростовской обл., **Толя ШУЛЬЦ,** 5-й кл., г. Дивногорск. **С. ШУМЫХИН,** 5-й кл., г. Смоленск. **Средняя школа,** Совет ленинской комнаты, пос. Мишелевка, Иркутской обл. **Таня ЯКОВЛЕВА,** 7-й кл., г. Брянск. **Николай ЯРОШЕНКО,** 8-й кл., с. Спасское, Целиноградской обл. **Володя ЯКОВЛЕВ,** 7-й кл., г. Улан-Удэ.

В наш прекрасный древний город пришло лето и пришел праздник: Грузинской Советской Республике и Коммунистической партии Грузии исполнилось 50 лет.

Мы живем в Тбилиси, занимаемся в литературном клубе Дворца пионеров и школьников. Наш клуб называется «Мтиеба», по-грузински это значит «Утренняя звезда». Руководит нашим клубом Лилия Самсоновна Пайчадзе. Каждый, кто любит стихи и прозу, может прийти туда — мы всем рады. Есть только одно условие: если хочешь быть членом клуба, внеси свой «духовный вклад» — сочиняй стихи, переводи или пиши рассказы.

Некоторые из них мы посылаем тебе, «Кораблик».

Может быть, ты их напечатаешь? Конечно, если они тебе понравятся.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «МТИЕБА».

Голубь мира

За пятиэтажным домом мальчишки играли в войну.

«Трах-тарарах, трах-тарарах!» — раздавался треск автоматов.

— Вперед, за мной! — крикнул Рамаз. Ребята бросились за ним.

Из лагеря «противника» посыпался град камней.

— Вай! — закричал Зурико и упал. Гурико схватился за голову. Дато запрыгал на одной ноге.

Мальчишки не ожидали, что «противник» будет так безжалостен.

Камни свистели, словно пули.

Дрогнули бойцы.

Они бы отступили, да не могли оставить упавшего товарища. А поднять его не хватало сил.

Заволновались. «Неприятель» заметил это. Прекратил огонь и кинулся на помощь пострадавшему.

Сердитые мальчишки нацелили ружья на «врагов».

Те, лавиной хлынувшие из укрытия, приготовились к бою.

Вот-вот должна была начаться рукопашная схватка. Но тут между «противниками» упал большой голубой мяч.

Вояки побросали ружья, сабли, камни и невольно кинулись к мячу.

Прибежали и девочки.

— Отдайте мячик, это наш мячик! — закричала Мзия.

Никто не обратил на нее внимания.

Все уставились на мячик и на мгновение замерли. На нем был нарисован большой белый голубь.

Зурико, хромая, привстал и переломил деревянный меч о колено.

Примеру Зурико последовали и другие.

Сосо схватил мяч, бросил его Гураму, тот перекинул его Тамрико, Тамрико — Датке.

Весело подпрыгивая, крутился мяч.

Вот на нем уже два голубя, три, десять, сто и... Кажется, он сейчас взлетит! Взлетит, чтобы принести мир всем-всем, так же, как несколько минут назад принес он его этим маленьким воякам.

Лаша **КОТРИКАДЗЕ**, ученик 5-го класса школы № 6 г. Тбилиси

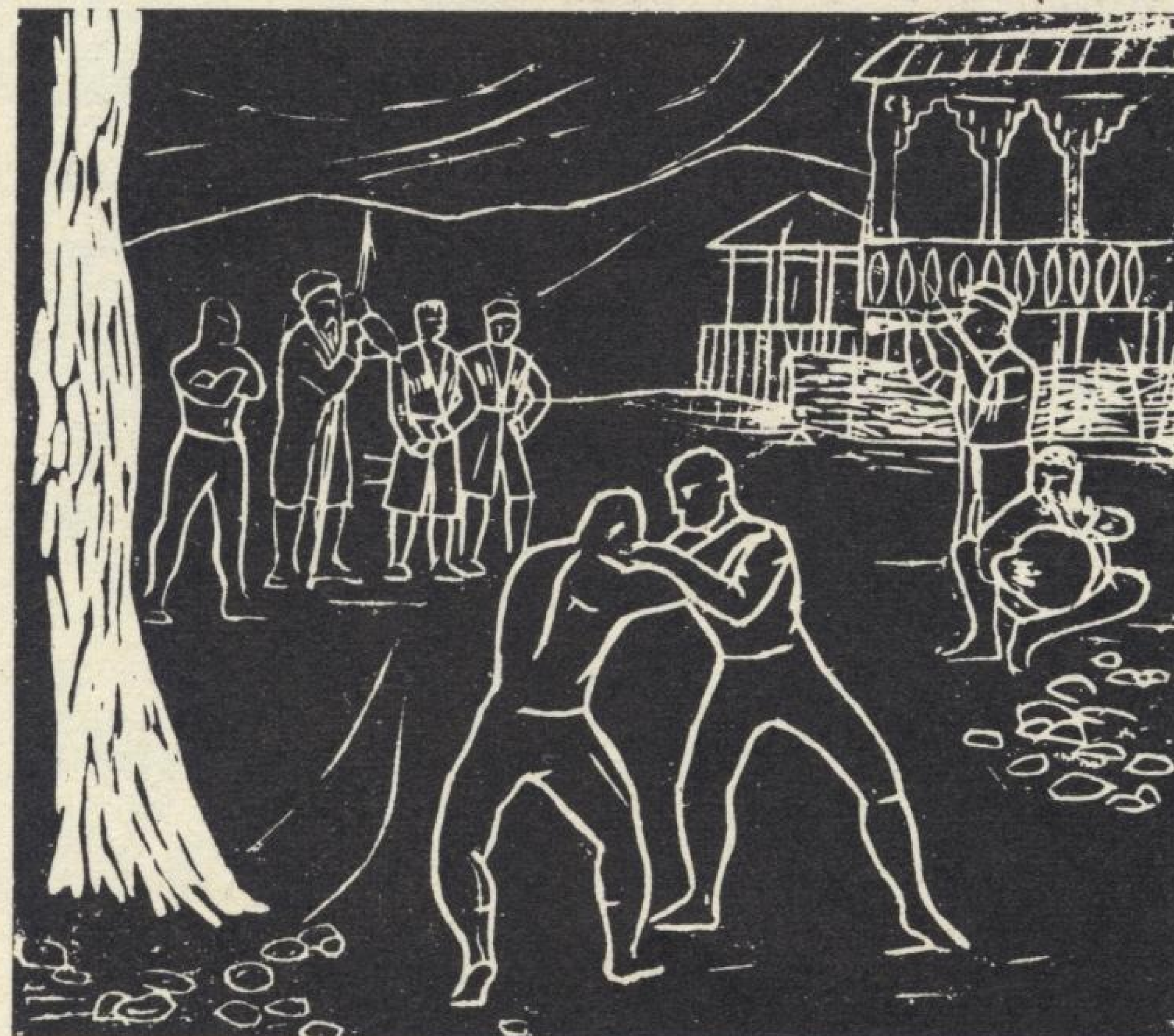

В траве зеленой мотылек
увидел голубой цветок,
его дыханьем опьянен,
весь день над ним кружился он.
Но вот уже домой пора —
здесь так прохладны вечера.
И он поднялся в вышину...
А сердце — у цветка в плену.

Лаша **НАДАРЕИШВИЛИ**, 7 лет.

МОЕ СЕЛО. Рисунок Элене **ПАНЧУЛИДЗЕ**, ученицы средней школы с. Чхари.

ГРУЗИНСКАЯ БОРЬБА. Рисунок Зураба **ГОНГАДЗЕ**, ученика 37-й школы г. Тбилиси.

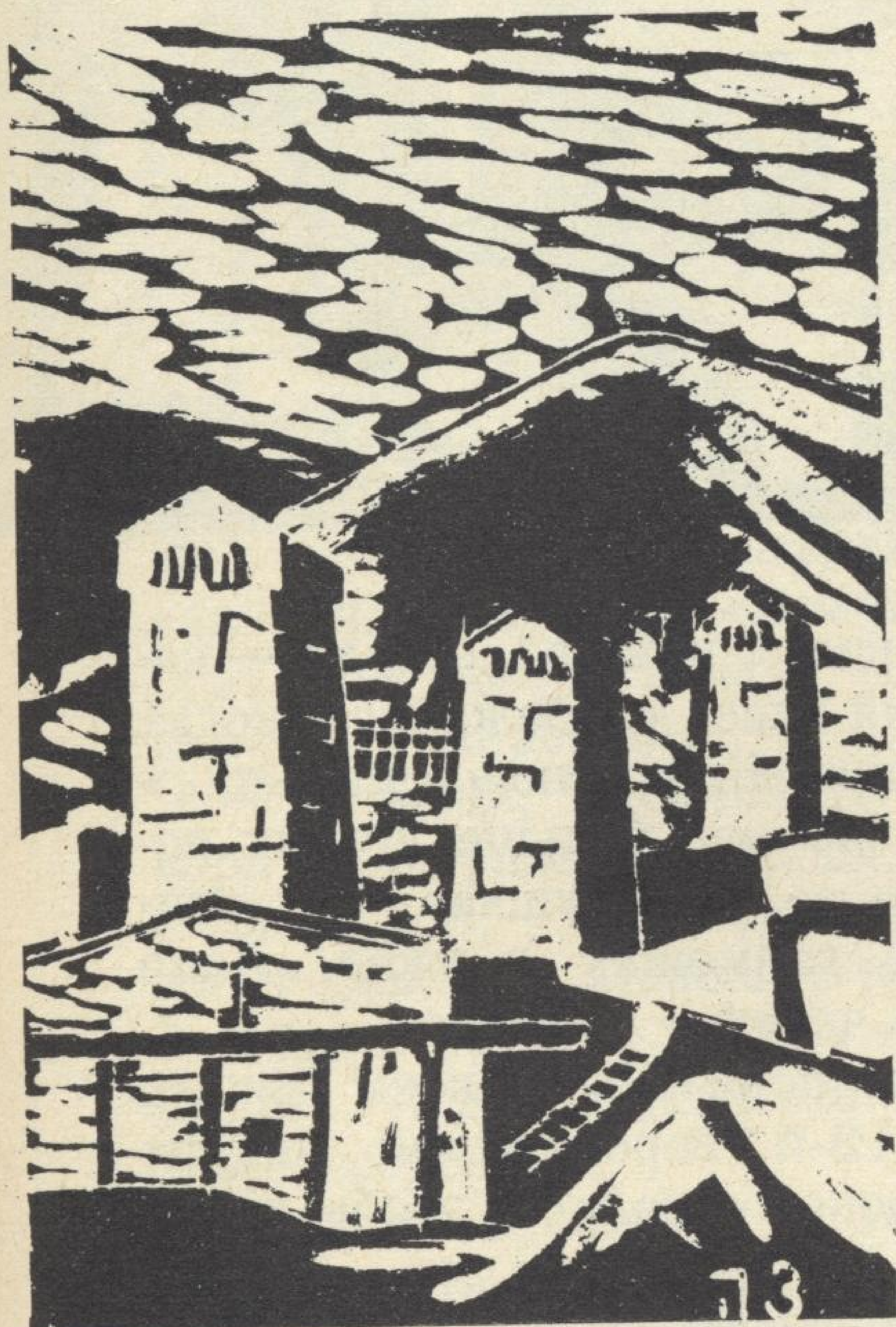
Что за погода,
что за погода,
эту погоду
звать непогода...
Горы и тучи
в куче одной,
ветер свирепый,
дождь проливной.
Бродит повсюду
страшная тень,
словно бы в полдень
кончился день.

Лаша НАДАРЕИШВИЛИ

Свои стихи читает Кобо Чумбуридзе

Зураб ГОНГАДЗЕ
В СВАНЕТИИ.

Эти стихи написала **Мзия ШЕЦИРУЛИ**. Она живет в г. Махарадзе, ей 14 лет.

Над рекой повисший шаткий мост
занимает очень важный пост:
тьма народу по нему прошла,
кто спешил в село, кто — из села.

Мне сказала бабушка, что он
и сто лет назад был так же стар,
что, конечно, был сооружен
он еще царицею Тамар.

Мировой закон предельно прост:
всех и всё соединяет мост,
ходят по нему туда-сюда,
и стоит он, как стоял всегда.

Читает Марине Чавчанидзе

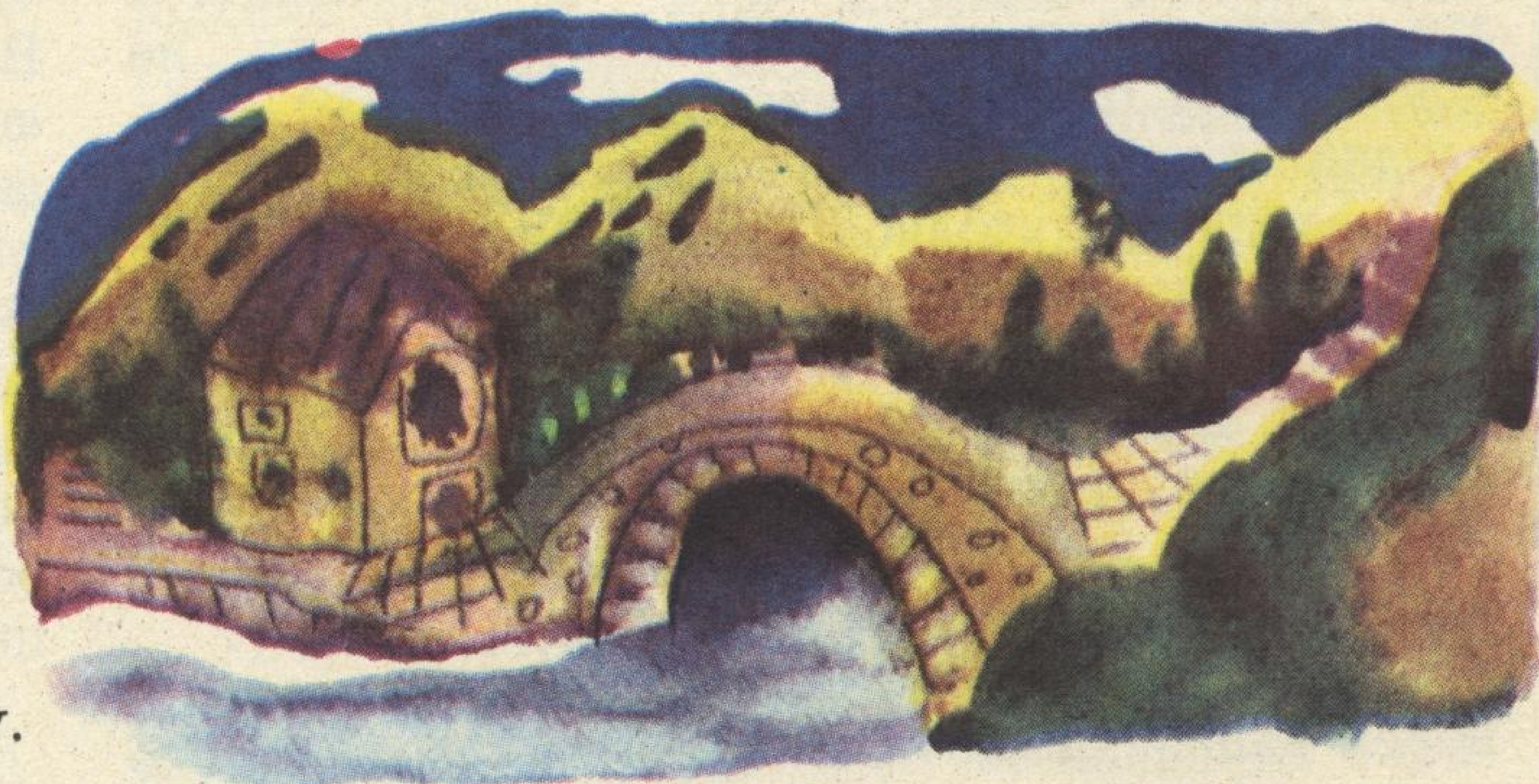
Стихи перевел Анатолий НАЙМАН.

Снег и дедушка

В горах уже лежит глубокий снег,
дыханье перехвачено у рек.
С утра капели нудной я не слышу —
должно быть, снег покрыл и нашу крышу.

Дед взял ружье, сказав, что по зиме
все птицы к сладкой полетят хурме
и что в сугробах не один грузин
увязнет, пробираясь в магазин.

Снег на горах дед помнит с давних пор,
и вот, опять взглянув на цепи гор
с вершины недалекого холма,
вдруг понял он: пришла его зима

Из Валенсии плывут в Венецию,
из Египта — в Индию да в Грецию
маленькие мыслей каравеллы,
ясным днем плывут и ночью бурною,
в даль туманную и в высь лазурную
маленькие мыслей каравеллы...
Строят их умельцы-корабелы.

Мамука САЛУКВАДЗЕ,
ученик 8-го класса школы № 57 г. Тбилиси

Василий Кузьмич на Лучший фантик

В 10-м номере «Пионера» за 1970 год был опубликован очерк Юрия Крутогорова «Про королевский боб Соконсуко и конфету «Вася-Василек». В очерке читатели познакомились со старейшим кондитером московской фабрики «Красный Октябрь» Василием Кузьмичом Баскаковым.

Василий Кузьмич много разных конфет изобрел и сейчас придумывает все новые и новые сорта. Поэтому «король кондитерского производства», как зовут старого мастера на фабрике, обратился к ребятам с просьбой: «Присылайте фантики. В самые лучшие завернем новые конфеты».

Для конкурса мы придумали пароль «Вася-Василек».

О письмах, которые пришли в «Пионер», и об итогах конкурса мы попросили рассказать ВАСИЛИЯ КУЗЬМИЧА БАСКАКОВА.

Две тысячи спасибо

Нелегкую задачку мне задали: сразу ответить всем ребятам, которые прислали свои фантики. Я такие письма не привык писать. А точнее сказать, не писал никогда. Ну, одному мальчишке или одной девчонке сочинить письмецо — это, пожалуйста. Даже пятерым — куда ни шло! А тут одновременно двум тысячам! Ведь именно столько пришло конвертов с рисунками из различных уголков нашей страны.

Я сначала растерялся. А потом так подумал: буду вроде бы своей внучке, третьекласснице Марине, отвечать (это, кстати, она мне первая по телефону сообщила: «Дедушка, про тебя в «Пионере» напечатали»). Представил так, и пошло дело.

Начну с того, дорогие ребята, что я очень доволен вашей отзывчивостью. Рад. И не только тому, что теперь легче конфетам названия давать и фантики всегда под рукой есть. Вот что для меня самое дорогое: многие мальчики и девочки пишут почти слово в слово: «Василий Кузьмич, очень хотим помочь Вам, облегчить Вашу работу...» И еще приписывают: «И не за сладкий подарок, а просто так».

Я говорю сердечное спасибо всему шестому классу «А» из поселка Косая Гора, что возле Тулы. Увесистое письмо пришло оттуда — сорок фантиков. У меня глаза разбежались, когда я разложил все рисунки. Конфетные «платьица» Люды Рыбиной все же мне больше других понравились. Особенно ее «Петрушка». Он пляшет и над головой гармошку держит. Лицо лукавое, ноги вовсю чечетку отбивают.

Таких толстых, коллективных писем много. Вот и октябрята 13-й воронежской школы специально после уроков остались, чтобы нарисовать фантики.

Ребята пишут мне: «Нам всем хочется быть Вам, Василий Кузьмич, полезными. И мы на первое место не претендуем». А Юра Поломанный из города Сумы (он подписался Юрий Петрович) прямо заявляет о своем желании быть победителем в конкурсе сладкоежек. Он даже стишок прислал:

...отвечает участникам конкурса для конфет

Будьте любезны
Очень ко мне,
Дайте первое
Место мене.

Юрий Петрович, со всей любезностью говорю тебе, что твой «Зайка» хорош. Чувствуется, ты старался. Но, Юрий Петрович, писать «мене», по-моему, как-то несолидно. Ты извини за эту придирку, а что касается твоего фантика, то я его приберегу. Уж больно твой «Заяц» — симпатяга.

В ребячьих письмах не только рисунки. В них много разных предложений и просьб.

— Назовите новую конфету «Наташка»,— пишет Люба Морозова из города Калинина.— В честь моей подруги...

— Я хочу, чтобы была карамелька «Первоклашка»,— просит второклассник из Горького Володя Чеменев.— Когда я пошел в первый класс, мама сказала мне: «Ну, вот ты и первоклашка». Такая конфета будет всегда напоминать о маминых словах...

— Есть шоколадная плитка «Аленка». Это хорошо, она вкусная,— сообщает мне Надя Носова из села Ижевское, Рязанской области.— Но, по-моему, несправедливо, что нет шоколадки или конфеты «Алешка». Алешка — мой брат. И я хочу, чтобы в честь брата была конфета. Он хороший.

— У меня, Василий Кузьмич,— пишет мне Юра Кочетулин из города Закаменска, Бурятской АССР,— есть замечательный друг. Его зовут Сережка. Назовите конфету «Сережкой». Это будет приятно всем, у кого есть товарищ — Сергей. А для других это будет означать березовую сережку...

Но есть в письмах и такие просьбы, которые я, хоть обижайтесь, хоть не обижайтесь, выполнить не смогу. Вот, к примеру, сестры Лена и Оля Мосуновы из города Калачинска, Омской области, предлагают придумать конфету «Математическую». Но... с хитростью. Чтобы на фантиках были всякие головоломные формулы с иксами и игреками. И с надписью: «Сначала реши, а потом съешь».

За лентяя я не беспокоюсь. Не решит сам, так спишет. Но как быть с теми, кто еще не проходит алгебру и понятия не имеет об иксах и игреках? Нет, сестры Лена и Оля, я не согласен!

А вот конфету «Столетник» я бы с превеликим удовольствием сочинил, как советует мне Марина Жулькова из Мытищ, Московской области. «Кто скушает «Столетник», тот будет жить сто лет»,— пишет Марина.

Рад бы, как говорится, но... Хотя я так и вижу эту конфету — корпус шоколадный, с орехами, а начинка... из сгущенной живой воды. А что? Лет через сто какой-нибудь кондитер, может быть, и придумает такую конфету.

Приятно, интересно, иногда смешно было мне читать ваши письма, ребята. Но все письма не перечислишь. Сами подумайте: целая гора конвертов. Зато все фантики — их оказалось десять тысяч — мы просмотрели. Мне тут здорово помогли художники журнала «Пионер», художники нашей фабрики, члены художественного совета Министерства пищевой промышленности РСФСР.

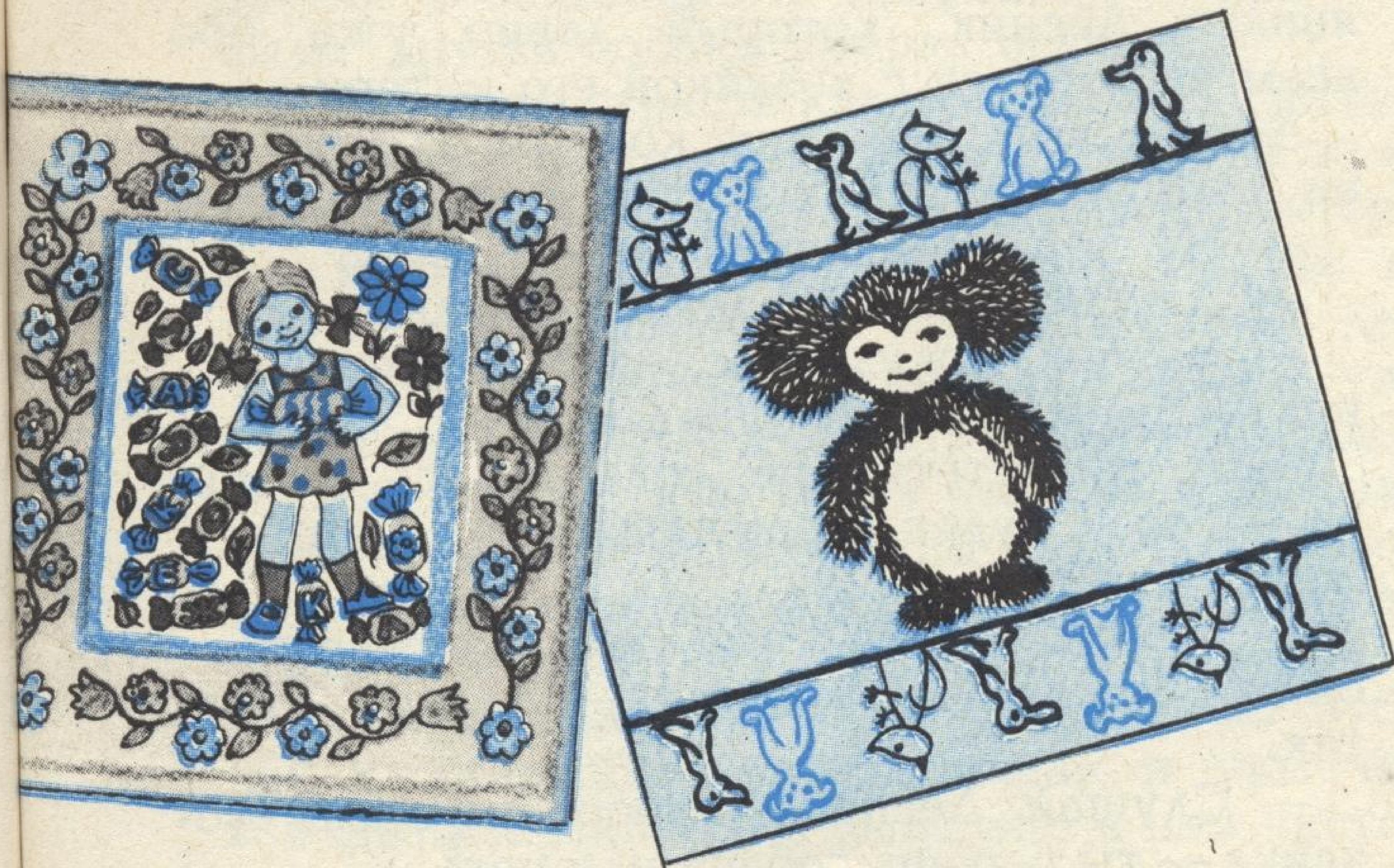
Мы отобрали пять лучших фантиков. Они помещены на этой страничке журнала.

Победителями конкурса оказались Лариса Шарая из Башкирии, Надя Филиппова из Вологодской области, Лена Аксенюк из Москвы, Галя Одинцова из Казахстана, Лена Саркисова из Ростова-на-Дону. Этим девочкам — моя особая благодарность. Горячо их поздравляю. И от себя, и от имени моих товарищей — кондитеров, и от имени директора фабрики «Красный Октябрь» Анны Андреевны Гриненко. Вместе с Анной Андреевной мы отправили победителям конкурса поздравительные письма и сладкие подарки.

Хочу сказать, что под фантик Ларисы Шарой «Усатый-полосатый» я уже начал делать конфету. Лариса, это будет шоколадная карамелька с очень вкусной и разнообразной — я бы сказал, «полосатой» — начинкой. Так что, вероятно, ты уже в нынешнем году сможешь купить в магазине «собственную» конфету.

На этом я заканчиваю свое письмо.

Всем двум тысячам мальчиков и девочек, которые откликнулись на мою просьбу, шлю через журнал «Пионер» две тысячи спасибо.

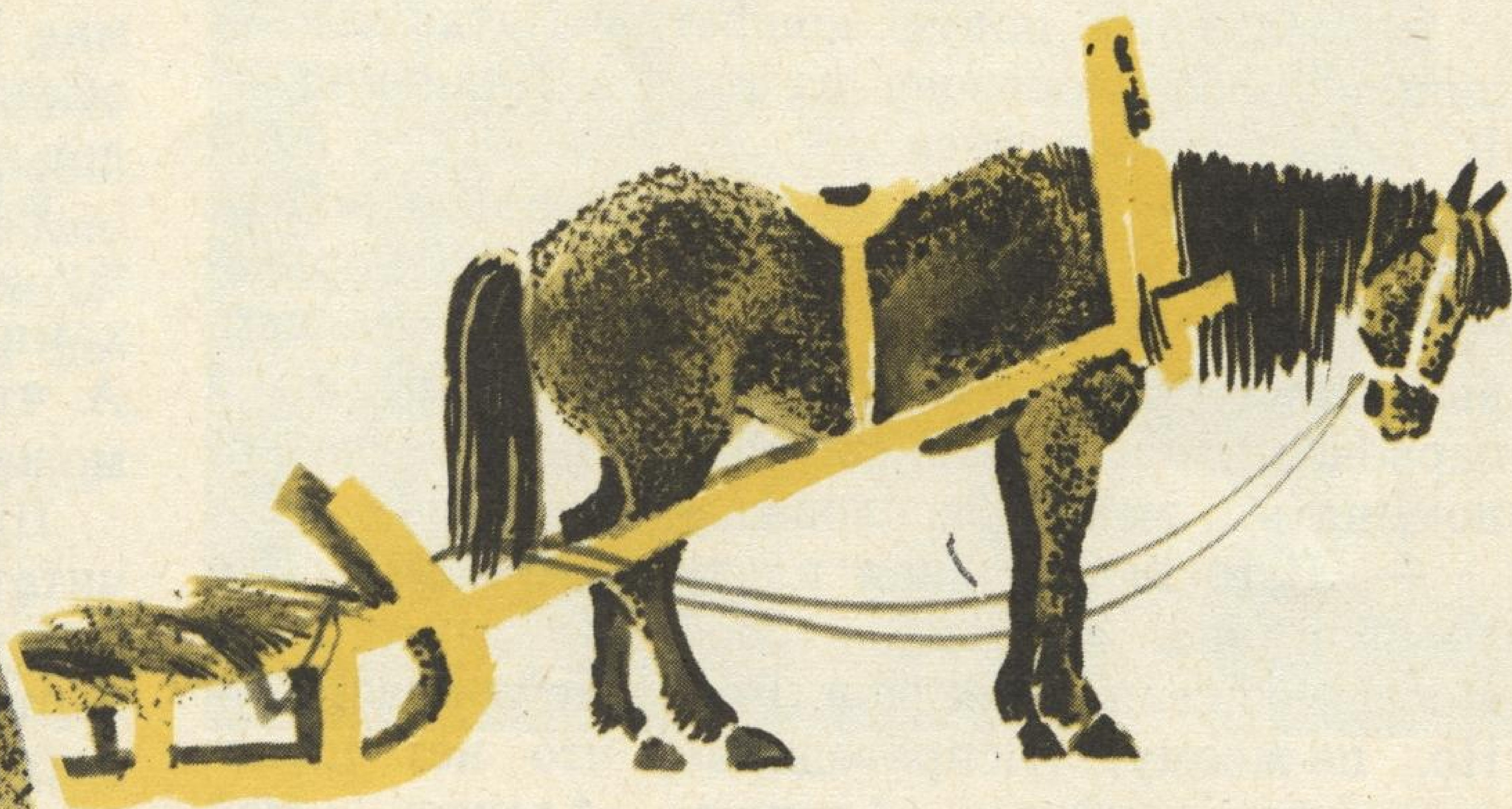
С. ИВАНОВ

РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Джулькино детство

Щенка назвали грозно — Джульбарс. Но пока он ростом был, пожалуй, меньше кошки, лапы под ним качались, и только два дня назад у него открылись глаза. Видеть он еще ничего не умел. Только темноту будки, где он жил с матерью и двумя сестрами, и какую-то белую зияющую пропасть, которая на самом деле была выходом из конуры. Но все это его не очень пока интересовало. Первые недели своей жизни он и так всегда был счастлив и спокоен. Ему вдоволь было молока, вдоволь было мягкого шерстистого бока, под который он так удобно залезал всем своим крохотным тельцем, и вдоволь было теплого материнского языка, который так хорошо, щекотно и ласково вылизывал его.

Когда щенку исполнился месяц, за ним явился Лесник, который давно уже обо всем уговорился с хозяйкой его матери.

Лесник взял щенка из конуры, поднял его на вытянутых руках и стал рассматривать.

— Ну хорош! — сказал он.— Хорош!

— Джульбарс! — сказала Хозяйка.

— Ну уж Джульбарс,— усмехнулся Лесник.— Дружок — это будет да!

— А вырастет? — не соглашалась Хозяйка.— Так и будет со щенячьим именем всю жизнь бегать?

— Значит, даешь ему имя навырост? — опять усмехнулся Лесник.— Ладно, пусть так.

— Слушай, Лесник,— строго спросила Хозяйка,— ты берешь собаку или нет?

— А как же, беру! — Лесник сунул щенка за пазуху овчинного тулупа.— Ну, поехали, Джулька!

Джулькина мать все это время вертелась вокруг Лесника, громко лаяла и смотрела жалкими глазами то на Лесника, то на Хозяйку. А Джулька ничего не понимал и поэтому ни о чем не жалел, он только чувствовал, что ему хочется молока.

Под тулупом он опять согрелся. Слепота от яркого декабрьского снега, которая поначалу ударила ему в глаза, постепенно прошла. Он с удовольствием и тревогой вдыхал новые запахи: тулупа, свежего снега, саней. Особенно ему нравился один — резкий и сильный, смутно знакомый запах лошади. Джулька смотрел на ее темно-коричневый круп, на переступающие вразвалку нескладные задние ноги и сухо пощелкивающий хвост. Потом Джулька стал смотреть на деревья, которые неизвестно почему отплывали все время назад. Он не понимал, что сани едут. А деревья были то высокие, то низкие, то зеленые, то черные, и снег был белый-белый, и поляны вдруг проглядывали из чащи, и вообще на свете всего было так много, что Джулька не выдержал этого и уснул.

Прошла неделя, потом еще одна и еще. Джулька рос не по дням, а по часам. Это на самом деле было так: люди растут не по дням, а по часам только в сказках, а собаки в самой обыкновенной жизни. Джульке не так давно перевалило на второй месяц, а он уже был довольно взрослым щенком. В доме Лесника он знал все закоулки и каждую половицу глазастого соснового пола. Он уже умел хорошо бегать. Особенно передними ногами, а вот задние были пока словно от другой собаки: они все время старались обогнать передние и забегали куда-то вбок. От этого Джулька шлепался со всего маху. Потом лежал удивленный, прислушиваясь к стуку сердца и всему своему телу...

Все это время Джулька жил в доме. Лишь несколько раз в день Лесник выпускал его прогуляться в маленький палисадник перед домом. Все-таки Джулька был еще очень мал — мог замерзнуть, заблудиться. Да и мало ли что!.. Лесник жил один в свом доме. И другой собаки, кроме Джульки, у него не было: другая собака умерла осенью...

А Джульке страсть как хотелось на улицу! В доме ему стало уже совсем скучно, он то и дело шумно принюхивался к острому ветерку, который струился от двери, скулил и трогал дверь лапой. А ведь и в самом деле Джулька окреп, повзрослел. Теперь уж его нельзя было причислить к той неопределенной породе, к которой относятся все маленькие щенки. Нет, всякий сведущий человек сейчас же сказал бы, что Джулька — настоящий пес, породистый. Густая недлинная шерсть, ровные клинышки ушей, хвост бубликом, по-особому симпатичная и улыбчивая физиономия — все выдавало в нем чистокровную охотничью лайку. Леснику — а он, слава тебе господи, знал толк в собаках — смышленый щенок с каждым днем нравился все больше. Лесник был уже далеко не молод. На своем веку он перевидал много собак. Но Джулька, который вообще мог стать последним псом в его жизни, был, пожалуй, одним из лучших за все годы.

— Джулька, Джуля! — говорил Лесник, поглаживая крепкое Джулькино тельце.— Молодец, охотник!..

Джулька прижимал уши, улыбался и неистово махал хвостом. Хвост был ему пока слишком тяжел и каждый раз уволакивал всего Джульку то в одну сторону, то в другую...

Прошло еще недели две, и Лесник наконец решил: псу пора жить на улице... Было необычное гулевое время, поэтому Джулька обрадованно удивился, когда Лесник свистнул его и распахнул дверь. Джулька выбежал на крыльцо и хотел, как обычно, спрыгнуть в унылый и знакомый свой палисадничек. Но Лесник, опять неожиданно, подтолкнул его в другую сторону, и Джулька с восторгом прыгнул в настоящий сугроб — окунулся с головой, вынырнул, фыркнул и принялся носиться, бороздя носом пологие снежные увалы. Скоро Джульке стало жарко, он поел снегу и выбрался на тропинку, протоптанную от крыльца к проруби. Дорожка эта была похожа на узенькую мелкую канавку, по дну которой слабо текли запахи. Джулька побежал против течения — против ветра. Главный запах был ему знаком и сильно нравился: это был запах Лесника... Вдруг Джулька, сам не понимая, в чем дело, затормозил всеми четырьмя лапами, остановился как вкопанный. Прямо под ним зияла страшная черная дыра. Джулька не знал, что это, но понял: попадет он сюда — обратно ему не выбраться! В Джулькином сердце кипели страх и ненависть, он хотел зарычать и не смог...

Похлебка была вкусной, но все-таки Джулька заметил, что Лесник уходит в дом, а он, Джулька, остается...

Лесник, увидев, что щенок стоит над самой прорубью, резко крикнул:

— Нельзя, Джулька, нельзя!

Джулька вздрогнул и попятился от черной дыры... Теперь слово «нельзя» соединилось в его сердце с чем-то страшным, черным... «Нельзя!» — и Джулька не дотронется до лакомой колбасы. «Нельзя!» — и не растерзает кошку... Но это все будет потом, не скоро!.. А пока Джулька с удовольствием бежал прочь от дыры, принюхиваясь к тропе. Вот поперек проскользнул длинный и невкусный запах смоленых лыж. Джулька остановился на миг, нюхнул — как посмотрел! — в обе стороны по лыжне. Нет, этот запах ему совсем не нравился. Джулька пробежал еще немного, и тут сердце его вдруг забилось громко, радостно, по-охотничьи: тропинку пересекал прекрасный запах. Он

Из норы неосмотрительно выскочил какой-то глуповатый мышонок.

стоял в маленьких круглых ямках — на самом-самом дне, как вода в пересыхающих лужицах. Это был старый заячий след. Забыв обо всем на свете, Джулька бросился по нему. Но сейчас же за домом, где начиналось метельное царство, след исчезал: замело!.. То же было и на другом конце следа. Джулька попробовал найти след под снегом, но только заморозил себе нос.

Тогда он стал обследовать, обнюхивать близкие окрестности Лесникова дома: утоптанные пятачки снега, неказистую, как бы прихрамывающую на одну сторону сараюшку и сам дом. Невдалеке, через широкую поляну, стоял заманчивый зимний лес. Джулька был совершенно свободен и мог бы туда побежать, но словно какая-то цепь удерживала его у дома. А «цепь» эта была очень простая — страх! Джулька побаивался далеко уходить от хозяина.

Лесник все это время стоял на крыльце и с удовольствием наблюдал за Джулькой. Он думал, как научит щенка искать следы, как сделает из него заядлого охотника, сколько дней и ночей проведут они совсем одни в лесу. А когда Джулька окончательно вырастет, станет большим, взрослым псом, охотником, он поймет, что его хозяин — великий следопыт с твердой рукой и острым глазом. Об этом тоже думал старый Лесник и был спокоен и счастлив.

А Джулька продолжал носиться по снегу — осматривать, обнюхивать свои новые владения... Наконец он устал, ему захотелось домой, туда, где миска с едой, подстилка в уголке у стены и тепло, которое расползается от печки и накрывает невидимым одеялом.

Джулька, шлепая лапами, вбежал на крыльцо. Однако дверь молчала, притворившись стеной: она была закрыта. А сам Лесник возился у сарая. Вот он вытащил какой-то ящик... или не ящик? Джульке эта вещь была знакома и чем-то тревожила. Поэтому он так и остался стоять на крыльце и продолжал наблюдать за хозяином.

Это была конура, которая осталась от прежней собаки. Лесник поставил ее у сарая, туда, где она стояла уже много лет. Это было хорошее, тихое место: справа конура была защищена домом, за спиной у нее был сарай, а слева спереди стоял лес.

Потом Лесник сходил в дом, вынес Джулькину подстилку и миску. Джулька был очень удивлен, однако ему хотелось есть, и он потрусил за Лесником и миской. А подстилка — это он уже знал — была его «местом», как бы его домом. И вот теперь Лесник уложил ее в конуру.

Похлебка оказалась сегодня особенно вкусной: как видно, Леснику не хотелось обижать Джульку... Да, похлебка была вкусной, но все-таки Джулька заметил краем глаза, что Лесник уходит в дом. А он, Джулька, остается здесь...

Джулька бросил есть и помчался следом за хозяином. Но Лесник обернулся через плечо и резко крикнул:

— Нельзя, Джульбарс!

«Нельзя» — это была страшная черная дыра. Джулька остановился, не понимая, чего хочет хозяин.

— Место, Джульбарс, место! — строго, но уже мягче произнес Лесник.

«Место» — это была подстилка. Но ведь она в конуре... Джулька поплелся к конуре. Ему было обидно. Но в то же время от конуры так хорошо пахло давно знакомым — теплым, сладким, шерстяным. От конуры пахло собакой, такой же лайкой, как Джулька и его мать. Джульке это припомнилось очень смутно, как будто даже не припомнилось. Он залез в конуру, обнюхал там все, вылез, доел вкусный суп, сбегал на всякий случай к двери. Дверь молчала, и Лесник не появлял-

ся. Тогда Джулька окончательно вернулся в конуру.

Похолодало, Джулька свернулся в клубок, укрыл морду и лапы хвостом и, поглядывая одним глазом на синеющий и темнеющий снег, на уже темный лес, стал вспоминать, что, кажется, была когда-то такая же вот конура... нет, не такая, но очень похожая, и был еще кто-то. Кажется, Лесник... Нет, не Лесник. А кто же?..

Джулька уснул и во сне вспомнил, кто был с ним в конуре, ему приснилась большая добрая собака — его мать. Но маленькие щенки никогда не помнят своих снов. И, проснувшись под утро, Джулька уже окончательно уверился, что тогда, давным-давно, в самом начале жизни, в той похожей конуре с ним был Лесник... А кто же еще-то?!.

Прошла неделя. Джулька вполне освоился с новым жильем и с новыми своими владениями. Как мы уж знаем, дом Лесника стоял на большой поляне, окруженной высоким, как бы дремучим лесом. Конечно, лес этот не был дремучим: ветер приносил сюда скачущий отзвук далеких поездов, по воскресеньям здесь мелькали свитера лыжников. Но у Джульки была короткая память, и по вечерам — особенно по вечерам! — ему начинало казаться такое, от чего шерсть сама поднималась на загривке, и он начинал рычать в темноту, стараясь изо всей силы, чтоб его рык вышел побасовитей.

— Ну и Джулька! — удивлялся старый Лесник.— Ну и молодец. Чует!

А Джулька, ободренный похвалой, начинал громко брехать, и сейчас же в ответ ему начинало браниться эхо. Леснику это скоро надоедало, и он говорил с укоризной:

— Ну, Джуля, хватит, не будь пустомелей...

Гавкнув еще раз пять, Джулька замолкал, тотчас замолкал и его невидимый противник. Джульку это очень удивляло. А кругом воцарялась такая тишина, что, казалось, было слышно, как стоят деревья, укрытые снегом.

С тех пор, как Джулька родился на свет, была все зима и зима — то ясно и морозно, то шипела и завывала метель. И Джулька уже поверил, что на свете только и может быть снег, зима и холод. Но вот в середине февраля вдруг грянула затяжная оттепель. Джульке к тому времени уже минуло три месяца, и он многое научился понимать и подмечать.

Первые два дня мокрыми волнами накатывался южный ветер. Цепляя верхушки сторожевых сосен, над лесом и над домом шли рыхлые тучи. Леснику нездоровилось, да и Джульке было как-то не по себе. У него тоскливо ныло сердце, и все казалось, что случится какая-то беда.

Но вышло наоборот! Утром третьего дня вдруг засияло такое весеннее солнце — просто на удивление! Выйдя на крылечко, старый Лесник сдвинул на затылок шапку, с удовольствием пыхнул своей коротенькой трубочкой и сказал:

— Ну, Джулька, дожили! Весна не за горами!

Джулька не понял, конечно, что сказал Лесник, но догадался, что теперь уж все будет в порядке.

А кругом творилось невероятное. Снег, сперва неистово блестевший под солнцем, отяжелел, стал матовым и не рассыпался ледяной трухой, как обычно, а продавливался под лапами большими неровными пластами. И при этом он скрипел. Бегать по такому снегу было непросто. Очень скоро Джулька упарился. Да и вообще на дворе была настоящая теплынь, почти как в доме Лесника, но только просторней и веселей.

В следующие два дня все было то же. И хотя по утрам снег лежал, остекленный хрупким настом, уже к полудню с дома летели вразнобой крупные капели, а снег старел, темнел чуть ли не на глазах и оседал. С высоких елей то и дело рушились огромные шапки, оставляя за собой хвосты сверкающей пыли и качание ветвей.

Прекрасный этот праздник продолжался почти целую неделю. Потом зима опять вошла в силу, сухой белый снег засыпал следы оттепели, а мороз что есть силы кусал Джульке нос и язык. И все-таки Джулька потихоньку помнил о том солнечном островке в огромном море зимы, помнил и надеялся побывать там хотя бы еще раз.

А дни шли за днями, солнце раз за разом влезало на крышу и уходило в небо, а вечером опускалось в лес. Был уже март — первый месяц весны. Морозы куда-то девались и только по ночам нет-нет да и заползали в конуру. Но это уж было не то! А значит, и жить Джульке становилось все проще и веселей. К тому же у него теперь появились кое-какие охотничьи дела. На опушке, у самого леса, объявились мыши. Там и здесь в снегу виднелись ходы в их норы. И все кругом было исчерчено незаметными для глаза, но остро пахнущими мышиными тропами. Джулька с наслаждением вынюхивал эти места, но как поймать мышь, он не знал. Может быть, сунуть нос в норку? И Джулька совал нос в норку. Мыши там не было. Но вдруг она выскакивала совсем из другого входа, бежала по насту, словно коричневый дрожащий шарик, и проваливалась в следующую дырку. А Джульке не хватало ловкости сразу броситься за мышью. И когда он добегал до места происшествия, мыши уже и след простыл!.. Джулька пробовал караулить, притаившись у норок. Но мыши, наверное, замечали из-под снега его тень. Ведь Джулька был по сравнению с ними настоящим слоном!

Только однажды ему повезло. Из норы, совсем близкой, неосмотрительно выскочил

Джулька с грозным лаем кинулся из своей засады...

какой-то глуповатый мышонок. Джулька успел прыгнуть и цапнул мышонка за хвост. Огромное охотничье счастье тут же обрушилось на Джульку. Но это само счастье и погубило все дело! Джулька от радости сильно сдавил челюсти, мышонок рванулся и тут же исчез в норке. А во рту у Джульки остался обрывок мышиного хвоста. Минуту Джулька стоял в растерянности. Потом он думал съесть хоть этот обрывок. Но хвост был просто удивительно невкусный. И тогда Джулька задвигал языком, затряс мордой и выплюнул свою жалкую добычу на снег... Больше мышами Джулька старался не интересоваться. Все-таки мыши — это не дело для охотничьей собаки!

Однажды утром — было это в конце марта, когда Джулька, стоя под елью, облаивал синиц, впрочем, нисколько его не боявшихся,— к дому Лесника подъехали сани, в которые был запряжен гнедой конек. Джулька бросился к саням и к Незнакомцу, который уже поднимался на крыльцо.

Этому Джульку никто не учил, это он знал от рождения: есть на свете «чужие», и от них надо охранять Лесника. Джулька уже был у дома, когда дверь отворилась, и вышел сам Лесник.

— О, Петрович! — сказал Лесник и протянул Незнакомцу руку.

— Здорово, Кузьма,— приветливо отозвался Незнакомец.

Джулька зарычал, залаял, в его сердце горела огромная страшная злоба. И поэтому, может быть, впервые лай у него получился грозный, как у настоящего пса.

— Тихо, Джулька, свои,— ласково сказал Лесник.

Но Джулька не мог успокоиться. Тогда Лесник крикнул на него строго:

— Нельзя! Нельзя, говорят тебе!

Джулька почти сразу умолк, а Лесник, обращаясь к гостю, спросил:

— Ну как, хорош?

— Хорош! — ответил Незнакомец.— Ничего не скажешь, хорош! — Он тоже был охотник.

— Джульбарс! — с гордостью сказал Лесник, и Джулька, услышав свое имя, вильнул хвостом.

Потом Лесник и Незнакомец ушли в дом, а Джулька понюхал сани, для порядка облаял конька, который стал всхрапывать и бить передней ногой в снег. Потом Незнакомец вышел из дома, и Джулька уже на него не лаял: помнил про «нельзя». Он даже разрешил себя погладить, но ему это совсем не было приятно. Даже и не напоминало те прекрасные минуты, когда его гладил Лесник. Потом Незнакомец сел в сани и укатил по дороге куда-то в лес. Вот и все. Но Лесник вдруг начал делать какие-то непонятные и тревожащие Джульку вещи. Если бы Джулька был человеком, он сразу бы догадался, что Лесник собирается в дорогу. Но Джулька этого, конечно, понять не мог, а только чувствовал прихлынувшую вдруг тоску.

Лесник часто ходил в дом и из дому, потом вдруг запер сарай, закрыл ставнями окна. Потом он вынес целый таз похлебки и поставил ее перед Джулькиной конурой. Похлебка была очень густая, там, кроме самой похлебки, было много хлеба и еще мелко накрошена колбаса. Джулька сейчас же начал ее выедать.

А Лесник ушел в дом и очень скоро появился в новом, незнакомо пахнущем полушубке и с рюкзаком за спиной. Джулька все время испытывал непонятную тревогу. Лесник нагнулся к нему, потрепал легонько, погладил и стал говорить что-то грустным голосом. И Джульке тоже стало грустно, он стоял тихий и присмиревший.

— Сегодня у нас вторник,— говорил Лесник,— а уж до субботы я непременно обернусь. Вот и считай: среда, четверг, пятница— три дни. Будешь тут за хозяина. Не балуй.— Он вздохнул.— А мне, брат, в город надо. Ничего не попишешь: служба.

Он хотел еще что-то сказать, но тут появились уже известные Джульке сани. В них сидел тот же Незнакомец и еще один незнакомец, новый. Сани остановились, Лесник сел в них, а Джулька остался у крыльца.

— Ты давай-ка рысью,— попросил Лесник,— а то как бы пес за нами не увязался.

Незнакомец причмокнул, взмахнул вожжами, конек сразу побежал. У Джульки сердце сжалось, он бросился за санями. Но Лесник крикнул:

— Нельзя, Джульбарс! На место!.. Дом стереги.

И тут сани скрылись за деревьями...

Просто удивительно, до чего быстро место без человека становится пустым. Вот уже сорока безбоязненно скачет по крыльцу, вот пошел снежок и припорошил остывшую трубу. И дверь уже долго-долго не открывается, хотя у Джульки есть надежда, что она как-нибудь вдруг откроется и оттуда выйдет Лесник. Но ничего этого нет, тишина кругом, сумерки выползают из леса. И в доме ни звука, ни огонька, даже окон нет. Печально Джульке лежать в конуре, печально и страшно. А выходить и того страшнее. Нет Лесника — пусто!..

На следующий день наступила весна. Солнце засветило ровно и горячо, и по всему лесу началась капель, словно после дождя. Конечно, Джулька обрадовался весне вместе со всей природой, но тоска по Леснику не давала ему покоя. Джулька ходил вокруг дома, царапался в дверь, хотя вообще-то знал, что все это зазря!.. Он не умел помнить, как это умеем мы, не мог представить себе Лесника — высокого, голубоглазого, небритого дня два или три. Но Джулька чувствовал: у него отняли что-то самое важное — словно лапу отрубили...

Лекарство от его печали нашлось неожиданное — голод. Лесник уехал во вторник, оставив Джульке порядочное количество еды. Но Джулька не умел экономить, оставлять про запас. И в четверг вечером оказалось: есть больше нечего. Джулька лег спать без ужина.

В пятницу он больше думал о Леснике, чем о какой-то там еде. К тому же и вокруг дома нашлось кое-что съестное. Однако в субботу голод перестал шутки шутить!.. Вокруг дома все было подъедено, и Джулька направился в лес. У него не было какой-нибудь определенной цели, ведь он никогда не охотился, не умел охотиться да и вообще не знал, что охотой можно достать себе пропитание. Просто какие-то смутные чувства, которые сидели в Джульке с самого рождения, подсказали ему, что надо охотиться и надо идти в лес.

Некоторое время он бесцельно блуждал меж деревьев, вынюхивая по привычке следы и поглядывая на аппетитных птиц, которых стало в лесу много... Вдруг его резко остановил запах еды. Запах этот был незнакомый, но Джулька знал, что это запах еды. Какое-то особое чутье сказало ему, что не надо кидаться туда сломя голову, а, наоборот, надо тихо идти, надо красться. Ветер дул в Джулькину сторону, прямо ему в нос, и запах извивался, дразнил, словно огонек. Так Джулька пробирался минут пять. Наконец он вышел на край небольшой поляны. И в каких-нибудь шести скачках от себя увидел лису, она жрала убитого ею зайца.

...лиса метнулась в ельник и помчалась, не разбирая дороги.

Лиса эта была молодая, довольно мелкая, еды ей доставалось мало, и она все не могла как следует окрепнуть. Особенно теперь, после долгой зимы, сил у нее было мало. Она долго подкарауливала добычу на перекрестке двух троп и вот наконец сумела поймать этого зайца. Тащить его в нору у лисы уже не было сил, и она решила полакомиться им прямо здесь, на месте преступления.

И все-таки лиса эта — уже взрослый зверь — была, пожалуй, сильнее Джульки. Но у страха глаза велики! Когда Джулька с грозным лаем кинулся из своей засады, лиса метнулась в ельник и потом помчалась, помчалась, не разбирая дороги... Кого лисы боятся больше всего на свете? Собак! Вот в том-то и все дело...

Джулька пробежал немного и остановился. По глубокому снегу ему за лисой было

Еще никогда он не видел так много всего разом!

не угнаться. Он вернулся на поляну, обнюхал и попробовал зайчатину. Шерсть сама собою встала дыбом у него на загривке. Впервые Джулька ел сырое мясо, с глухим урчанием отрывал куски побольше и жадно их глотал.

Лес кругом стоял молча, боясь шелохнуться. И, пожалуй, не было сейчас зверя, который бы решился отнять у Джульки его добычу!..

Наконец пир был кончен. И тут на Джульку свалилась вдруг страшная усталость. В уши ему скулили о чем-то ласковые коварные сны. Джулька обвел поляну пустыми глазами и все же тронулся в обратный путь. Совсем свежий след — его собственный след,— конечно, не мог дать Джульке заблудиться. Но идти было очень трудно, и дрема все время уговаривала остаться, и набитый мясом живот приходилось тащить по снегу, словно мешок. Джулька и сам не понимал, что заставляло его с таким упорством идти по мокрому сыпучему снегу, а не прикорнуть прямо здесь. Если б Джулька был диким звереныщем, мы бы точно могли сказать: домой его гонит страх. Но сказать так о щенке — это было бы только полуправдой. Сильнее всякого страха Джульку звал домой Лесник: а вдруг он вернулся?!.

Что говорить! Все мы знаем, что иной раз собаки ведут себя как самые настоящие трусы, но за одно ласковое слово хозяина щенок Джулька мог бы решиться на такое, на что никогда не решился бы даже самый храбрый, но дикий зверь...

Джулька проспал почти целые сутки. Когда он проснулся на следующий день, солнце было уже высоко и слепило до черноты, а кругом бушевала вышедшая из берегов весна — все таяло прямо на глазах, и птицы едва могли перекричать капель.

Счастливый Джулька потянулся до дрожи и зевнул так, что, наверное, мог бы проглотить свою собственную будку. Он встал и тут же почувствовал, какие пружинистые у него лапы, какое ловкое тело, и крепкие зубы, и чуткие уши, и острые глаза. Джулька почувствовал себя взрослым: он победил вчера лису и ел сырое мясо, теперь он воин и охотник!

Охотник должен идти в лес — за добычей. Но у Джульки нашлись дела поважнее, к тому же он был сыт. Джулька обошел вокруг дома, еще раз осмотрел закрытые ставнями окна и молчащую дверь. Нет, Лесника, конечно, не было! Давным-давно когда-то Лесник крикнул ему из отъезжающих саней: «Нельзя!» И сани пропали... Где-то он теперь, его Лесник? Джулька вышел на дорогу, глянул в ту сторону, куда уехали сани,— пусто, ничего там нет, солнце и тени лежат большими пятнами, как обычно, как везде кругом. Джулька хочет пойти по этой дороге, однако его не пускает страшное «Нельзя!», крикнутое напоследок Лесником...

Но где же Лесник? Там, за поворотом дороги? Джулька сделал шаг, еще один, еще. Ему было очень страшно! И он ни за что не решился бы идти, если б не вчерашнее. Теперь он был куда уверенней! И потом лапы так легко и пружинисто несли его — скачок за скачком. И потом Лесник — его надо обязательно найти. Что с ним? Какая беда схватила его острыми лисьими зубами?.. Джулька бежал все быстрей, все уверенней, все ловчее с каждым шагом, бежал на выручку хозяину и навстречу опасностям, бежал, не

разбирая следов. А снег разлетался под его лапами тяжелыми белыми брызгами.

Вдруг деревья перестали скакать слева и справа от дороги — лес кончился. Джулька невольно остановился. Еще никогда он не видел так много всего разом. Он стоял на высоком холме. Внизу разлегся широкий деревянный мост. К нему из-под Джулькиных лап тянулась дорога, которая потом змеилась черной полосой на другой холм, где была рассыпана горстка домов. А внизу, под мостом, дорогу пересекала крест-накрест другая темная лента. Это была река, еще покрытая льдом. Но льдом ненадежным: рыхлым, весенним.

От всего увиденного, от необыкновенной огромности простора Джулькина решительность сразу исчезла. Ему казалось, что он заметен со всех сторон, и от этого было очень неуютно. Все-таки Джулька спустился к мосту. Ведь Лесника надо искать. По пути ему встретилось удивительное. В нескольких местах из-под снега вылезла живая черная земля. У нее был какой-то особенный, незнакомый и очень хороший запах.

Но вот и мост. Джулька опасливо ступил на мокрые темные бревна, лапам его показалось, что они идут по полу или по крыльцу Лесникового дома. И Джулька решил, что раз так, Лесник должен быть где-то рядом. Ободренный этим, он, не раздумывая особенно, легко взбежал на гору и оказался в деревне. Пахнул ветер, и сейчас же к Джульке сбежалась целая орава запахов: дыма, скотного двора, собак. Но зато было тихо. Только иногда редкими птицами пролетали одинокие звуки, почти всегда незнакомые. Джулька стоял в нерешительности у самого входа в деревню. Раза два или три он видел, как по улице шагают куда-то незнакомцы. Здесь, наверное, было много незнакомцев. Но никто из них не обратил на Джульку внимания и даже не заметил его. Это было хорошо.

Так он стоял неизвестно сколько. Но вдруг откуда ни возьмись в его нос ударил запах еды. Джулька принюхался как следует. Оказывается, ему здорово хотелось есть! А еда была где-то недалеко — с каждым шагом запах усиливался. Это был хорошо знакомый запах овсянки, какую он не раз получал от Лесника... Значит, Лесник все-таки был здесь!

Джулька пробежал уже мимо трех заборов, запах все был впереди. Наконец у четвертого забора Джулька понял: тут. Он протиснулся в дыру между двух досок — здесь, наверное, лазили кошки — и оказался на чужом дворе. Совсем медленно, переставляя лапу за лапой, он стал подбираться к дому. Пахло жильем, прошлогодним сеном, собакой, и все это было Джульке как будто знакомо!.. Но не только потому, что похожие запахи были в их с Лесником доме, а еще почему-то...

Вблизи дома стояла конура, похожая на Джулькину, и тут же была миска с теплой, как почувствовал Джулька, овсяной похлебкой. Джулька воровато огляделся: ни собаки, никого рядом не было. Так и нечего больше раздумывать! Он шагнул к миске... Нет уж! Теперь уже стало совершенно ясно: Лесник был где-то рядом!..

Джулька успел сделать лишь несколько сладких жадных глотков, как вдруг дверь отворилась, и женщина, появившаяся на пороге, крикнула на Джульку:

— Пошел! Пошел вон!.. Альма, взять!

Сейчас же из-за дома вылетела огромная, как показалось Джульке, серая собака. Она в один прыжок догнала Джульку, сбила его с ног и уже готова была схватить за горло, но вдруг остановилась... Во-первых, она поняла, что перед ней просто щенок, а во-вторых... во-вторых, было еще что-то более важное. Она как будто узнала в этом щенке кого-то... Но кого?..

А Джульке этого мгновения хватило, чтобы вскочить и пулей метнуться к забору.

Альма в нерешительности посмотрела на хозяйку.

— Ты что же это? — закричала Хозяйка.— Что же ты это? Альма!

Альма смотрела на Хозяйку и виляла хвостом. И тут вдруг Хозяйка догадалась!

— Ах ты, господи! — всплеснула она руками.— Альма! Да ведь это же наша собачка, Джульбарс. Ах ты, умница моя!

Альма как будто этих слов только и ждала, она бросилась догонять своего сына — ведь это был ее сын Джульбарс!

Сердце у нее прыгало неспокойно и счастливо. Она долго провозилась, отворяя мордой калитку — в дыру ей было не пролезть,— и, когда выскочила на улицу, Джулька был уже далеко!

Альма бежала за ним, лая громким материнским лаем. А Джулька, может, что и хотел бы понять, да ему было не до того. Он слетел с горы, промчал мост, единым духом вбежал на ту гору, где начинался его лес, и пустился по дороге, вдоль которой опять скакали деревья, а мать все бежала за ним.

Но чем дальше она уходила от дома, тем меньше в ней было уверенности, что это действительно ее щенок. И когда Джулька, влетев на крыльцо Лесникового дома, строго, по-хозяйски залаял, мать остановилась, решив, что нет, видно, это не он. Потом опустила голову, отвернулась и побежала прочь.

И тут Джулька тоже словно что-то вспомнил. Он выскочил на дорогу, однако не побежал за незнакомой собакой, а лишь долго смотрел ей вслед, пока она не пропала за деревьями.

В этот миг и кончилось Джулькино детство. И когда назавтра Лесник вернулся домой, его встретил взрослый пес — охотник и воин Джульбарс.

Вано ЧХИКВАДЗЕ

Утреннее солнышко

Солнце родилось, как птенчик пугливый,
В гнездышке теплом, на веточке ивы.

Мальчик собрался стрельнуть из рогатки,
Да убежал от гнезда без оглядки:

Рыжее солнце, спросонья зевнув,
Острый, как иглы, разинуло клюв.

Вол

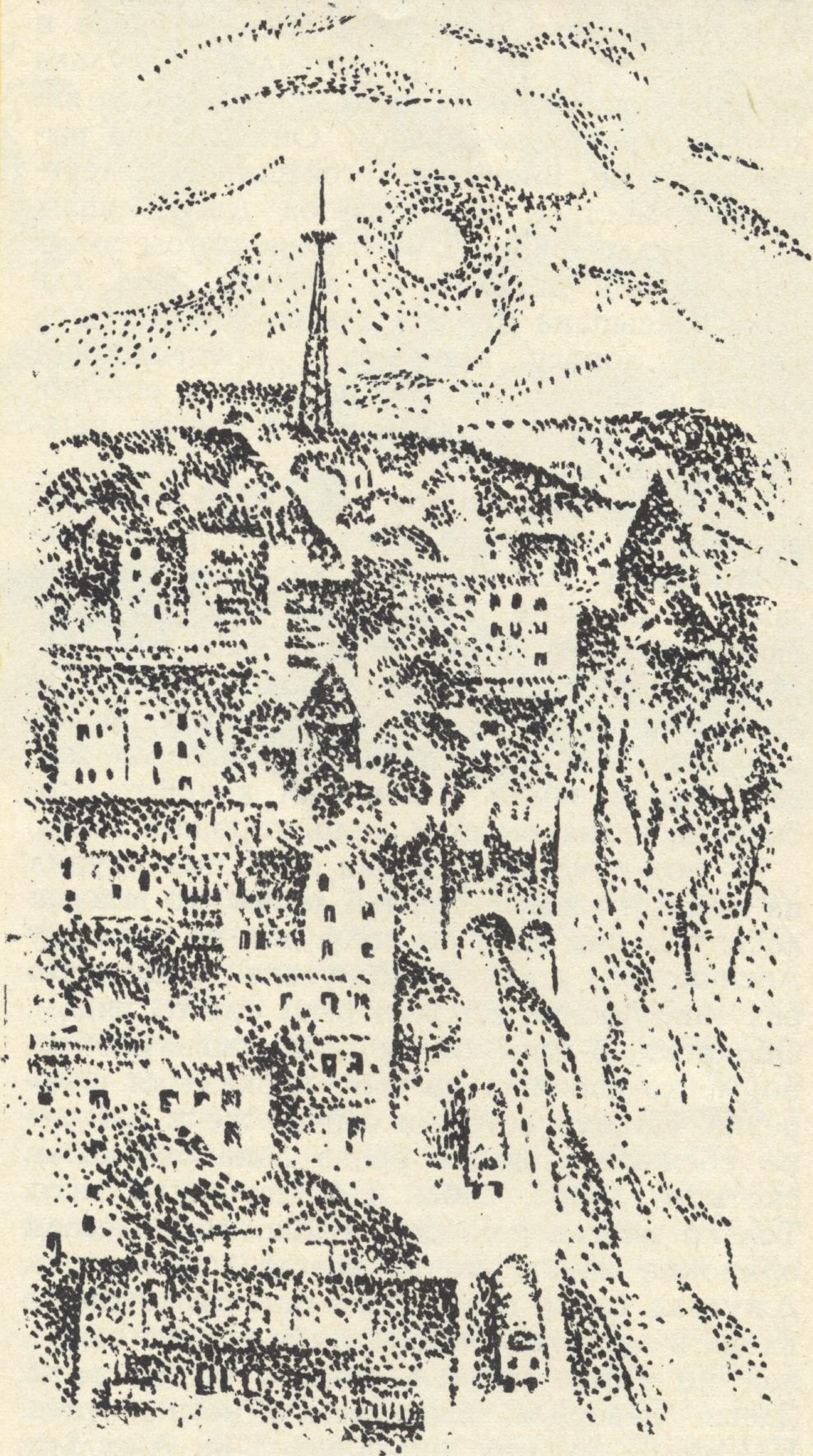
Луна плыла сквозь облака.
И вол, расставив в луже ноги,
Спешил столкнуть ее с дороги,
Бодливо наклонив рога.

Но тяжесть тесного ярма
Все дотянуться не давала.
И вол позволил: «Не пристало
Мне шею гнуть — катись сама!»

**Перевел с грузинского
Владимир ЗАХАРОВ.**

ЖАВОРОНКИ

О. ТИХОМИРОВ

Самолет летит над Тбилиси.

Вот он пролетел над древней крепостью Нарикала, вот, кажется, почти коснулся крылом телевизионной башни, что высится на горе Мтацминда, и, наконец, скрылся, пропал за дальними вершинами.

Во все стороны уходят самолеты из Тбилиси. И никто уже не удивляется серебристым птицам, пролетающим над городом.

Только почему так долго смотрит вслед ушедшему самолету Сережа Петросян? Может быть, потому, что отец Сережи — летчик, и вполне вероятно, что на этом самолете он отправился в очередной рейс. А может быть, вовсе и не поэтому.

Ты знаешь, что такое тример? А можешь рассказать, как управлять самолетом при развороте? А как осуществляется торможение?.. Не знаешь? Я тоже не знаю. А Сережа Петросян знает. И Марина Салганюк. И Анд-

рей Караев. И многие другие ребята из 76-й тбилисской школы района 26-ти комиссаров.

Можно поначалу сказать, что этим ребятам во многом повезло: школа № 76 — подшефная у тбилисских летчиков. Поэтому, когда осенью 1968 года туда пришли комсомольцы аэропорта и спросили у шестиклассников: «Кто хочет изучать самолет? Кто хочет вступить в клуб юных летчиков?»,— записались почти все.

Но вот прошло два года. Сейчас в клубе только двадцать пять человек (или курсантов, как зовут их преподаватели), остальные отсеялись. Оказывается, это еще ничего не значит, что ты учишься в подшефной школе. И «везения» особенного тут тоже нет. Раз, а то и два раза в неделю нужно ходить на занятия, сидеть над конспектами, чертить и даже решать задачи. Ко всему — в конце каждого года экзамены. А ведь чего греха таить: многие записались в клуб, польстившись на сине-голубую форму, на погоны.

Между прочим, член клуба Эдик Туркия учится не в 76-й школе. И в семье у него нет летчиков. И живет он не рядом с аэропортом, а очень и очень далеко. Как же он попал в клуб? О том, что такой клуб открылся, Эдик узнал из журнала «Гражданская авиация». Правда, журнал этот оказался в руках Эдика не случайно. Эдик несколько лет уже ходил в планерный кружок Дома пионеров и буквально «глотал» книги и журналы, в которых рассказывалось об авиации. И вдруг в Тбилиси открывается клуб юных летчиков. Эдик тут же поехал в аэропорт. Вначале его не хотели принимать. Но Эдик доказывал, убеждал, говорил, что невозможно ему жить без этого клуба. Сможет ли он нагнать ребят? Конечно, сможет. Да вы послушайте его, спросите, что он знает, только спросите... Пусть походит, решили в клубе, а там посмотрим. Но вскоре приехали в аэропорт родители Эдика. Они просили, чтобы их сына... в клуб не принимали. Как он теперь будет учиться в школе? Ведь только в один конец на дорогу к аэропорту ему приходится тратить два часа. Но Эдик все смог. И в школе и в клубе юных летчиков он учится хорошо.

Кто же преподает ребятам? Самые разные работники аэропорта. Начальник клуба инженер ОТК Юрий Мальцев знакомит ребят со спецоборудованием, командир самолета ИЛ-14 Вахтанг Меписцверидзе рассказывает им о самолетовождении, инженер смены комсомолец Рудик Давыдов помогает изучить турбореактивный двигатель, а старший инженер Николай Потапов — освоить конструкцию самолета.

Третий год идут занятия в клубе юных летчиков. Весной последние экзамены. В аэропорт придут новые ребята. А те, что проучились три года, что они?

Конечно, у них будут разные специальности. Одних увлекла техника, другие хотят

Это жаворонки — ребята из клуба юных летчиков.

летать. Но все они полюбили самолет, полюбили небо.

Разговор о том, кем стать, часто заходит в клубе. Юра Качлавов после школы хочет учиться на штурмана. Люда Сошникова думает поступить в летное училище.

— Вначале стану пилотом-инструктором,— говорит она.

— А потом?

— Вообще-то моя мечта — космос,— улыбается Люда.

Никто из окружающих нас не смеется. Настойчивость Люды ребята хорошо знают. А еще они знают, что ведь была в свое время таким инструктором и Валентина Терешкова.

Эдика Туркия больше всего интересуют конструкции самолетов.

Комсомольцы аэропорта часто заглядывают к ребятам в клуб, интересуются, как идут у них дела, помогают лучше подготовиться к занятиям.

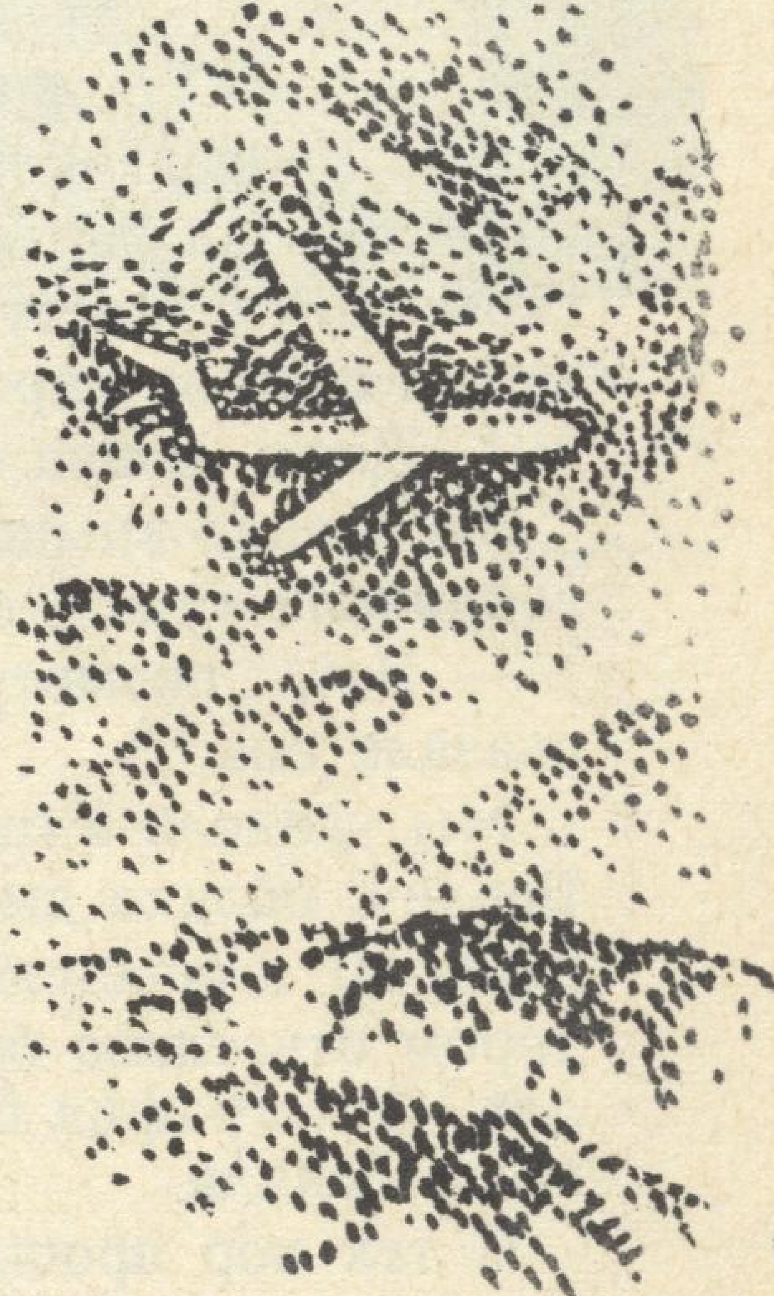
Встречая в аэропорту ребят в сине-голубой форме, летчики улыбаются, кивают, как своим:

— Привет, жаворонки!

Это не случайно. Тбилисский клуб юных летчиков называется «Шивардени», по-грузински так зовут жаворонка.

А помните, мы говорили вначале о Сереже Петросяне? Теперь, наверное, всем ясно, почему он подолгу смотрит вслед уходящему самолету.

Счастливых вам полетов, жаворонки!

Рисунки М. ЧЕРНЯВСКОЙ.

В нашей тихой вологодской деревеньке с напевным названием Макутино школы не было. И мы, деревенские парнишки, перевязав ремешком книги и перекинув их через плечо, каждое утро торопились в Горицы, где на Шексне стояла пристань, возвышался древний монастырь. Мы любили свою деревеньку, любили бегать по узкой лесной тропинке в школу, шлепая босыми ногами по первым весенним лужам.

В тот год стояла ранняя весна. Цвели подснежники — белые, голубые, фиолетовые. Уже куковала кукушка, и мы наперебой считали, сколько кто проживет лет...

То раннее майское утро я запомнил на всю жизнь.

Мы подбежали к школе и на крыльце увидели уборщицу тетю Машу, добрую старушку. В правой руке она держала большой медный звонок,

а левой смахивала слезы, бежавшие ручьем по щеке. Мы остановились как вкопанные. А она, увидев нас, вдруг неожиданно улыбнулась и проговорила: «Уроков не будет». Мы бросились в класс. Учительница наша сидела не на стуле, как обычно, а на парте и тоже плакала. Она держала скомканную газету и платком вытирала слезы. Мы молча сели за парты и ждали.

— Дети, война кончилась...— проговорила она.

Захлопали крышки парт, все повскакали с мест, закричали «ура», окружив учительницу.

— Вот, посмотрите и запомните навсегда,— сказала она.

Мы увидели в газете фотографию: разрушенный Берлин, облако дыма над горящими развалинами, рейхстаг и советского солдата со знаменем, на котором отчетливо были видны звезда, серп и молот. Фотография без слов говорила: войне конец, мы победили.

С тех пор прошло двадцать шесть лет. Зоркий глаз фотоаппарата запечатлел для потомков многие исторические события: первый целинный сноп, первый рейс атомохода «Ленин», неповторимую улыбку Гагарина... Но память детства неизгладима, и мое увлечение фотоаппаратом ведет свое исчисление с того памятного майского утра в далеком сорок пятом.

Человек с фотоаппаратом... Когда-то это было редкостью. А сегодня сотни тысяч мальчишек и девчонок увлекаются фотографией, занимаются в фотокружках и секциях. Но каждый — по-разному. Многие, как принято говорить, просто щелкают. Такое занятие тоже приносит радость, но небольшую. Вот когда ты, юный фотолюбитель, начнешь думать над будущим снимком, его темой, точкой съемки, тогда ты сделаешь первый шаг к большому искусству. Мы хотим тебе помочь и приглашаем тебя и твоих друзей участвовать в международном фотоконкурсе «Зоркий — Дружба-50», который проводят Центральный совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и редакция «Пионерской правды». В конкурсе могут принять участие все школьники независимо от возраста. Можно присылать и черно-белые и цветные снимки (до двадцати фотографий), но обязательно с негативом и точным вашим адресом, именем и фамилией. Победителей ждут призы, медали, дипломы, памятные значки.

Что снимать? Можно снимать все: природу, городской пейзаж, животных, делать портреты друзей, взрослых... Но напоминаем: цифра «50» в названии конкурса означает, что конкурс посвящается 50-летию твоей пионерской организации. И мы ждем снимков о вашей пионерской жизни в отряде, дружине, лагере. Пионерский сбор, прием в пионеры, всесоюзные игры и соревнования «Кожаный мяч», «Золотая шайба», «Зарница» — все это интересные темы для зоркого глаза юного фотолюбителя.

Фотолетопись пионерской организации сохранила для нас много уникальных кадров: торжественная линейка в 1924 году на Красной площади, делегаты первого слета юных пионеров в 1929 году в Москве, пионеры и командарм Буденный, Гайдар в гостях у артековцев... Может быть, и твои кадры, которые ты пришлешь на конкурс, тоже войдут в фотолетопись пионерской организации, твоего отряда, дружины? Не теряй даром времени. Бери в руки фотоаппарат и зорко вглядывайся в окружающий тебя мир.

С. ФУРИН,
заместитель главного редактора «Пионерской правды».

Снимки присылайте по адресу: Москва, А-30, ГСП, Сущевская ул., 21, редакция газеты «Пионерская правда».
На конверте напишите: «Зоркий — Дружба-50».
ПРИЕМ ФОТОГРАФИЙ — ДО 1 ОКТЯБРЯ 1971 ГОДА. Но не откладывайте отправку их на последние дни.

НА КОНКУРС ПРИШЛИ УЖЕ ПЕРВЫЕ СНИМКИ.

Игорь ЯКОВЛЕВ
«Учтивый разговор»

Гена НЕФЕДОВ
«Здравствуйте, это я!»

Боря ЛИЗНЕВ
«Письмо от узбекских друзей»

Гоша ЛАВРОВ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ Рисунок **А. БОРИСОВА**

В коридоре хлопнула дверь.

— Ноги вытирай, — сказала женщина, стоявшая у плиты.

Послышалось нарочито громкое пыхтение и шарканье. Тонкий слух женщины сейчас же уловил в этих звуках фальшь.

— Нечего притворяться, — сказала она. — Сними тогда уж совсем.

Сын вбежал в комнату, бросил в угол портфель и полез под стол.

— Это еще что?

— Тапочки, — сообщил он из-под стола сдавленным от неудобной позы голосом.

Наконец тапочки были выловлены, и сын занял естественное положение на стуле.

— Ну что в школе? — спросила мать. — Троек не принес?

— Да нет, ничего не принес...

— Иди руки мой, вечно надо напоминать.

Мальчик вошел в кухню и сунул руки под кран. Как всегда, он запустил слишком сильную струю. Мать косилась на летящие брызги, но молчала.

— А сегодня у нас история была. Интересно!

— Что проходили?

— Ленинградскую блокаду. И фильм показывали. Про памятники войны в Ленинграде.

— Фильм? Ну-ну... Вытирай руки и садись есть.

— А я чего принес! — сказал мальчик с набитым ртом. — Вещь!

— Опять, небось, со свалки. И зачем это нужно? Пошел бы и купил. Лучше бы я тебе денег дала, чем ты разную дрянь в дом тащишь!

— Ну, мам, это не дрянь. В магазине такого не купишь. А я же... Я ведь машину времени строю... я тебе говорил.

— Да-да, — вздохнула женщина. — Только не суйся больше в розетку! Опять пробки пережжешь.

— Ладно, как-нибудь на батарейке... Сегодня контрольная была по арифметике, — вдруг вспомнил он. — ...е задачи решил, а с примером запутался.

Мать огорченно нахмурилась.

— Потому что ерундой много занимаешься, а уроки как следует не делаешь. Значит, опять тройка будет?

— Мам, я исправлю...

— Исправлю! Получать не надо. И о чем ты только думаешь? Ведь третья четверть уже. А ты по свалкам шаришь да электричество переводишь. Это бы электричество, что ты для забавы извел, да в Ленинград... когда люди сидели с вонючими коптилками.

— Я не для забавы, — тихо сказал мальчик.

— А! — раздраженно отмахнулась мать. — Неужели не стыдно тройки получать? Сыт, одет, кино вам показывают. У нас вон и учебников-то почти не было, а мы учились. И старались.

— А правда, что с голоду умирали в Ленинграде? — спросил мальчик.

— Да, — жестко сказала мать. — Умирали.

— Совсем нечего было есть? — Мальчик осторожно поднял глаза.

Мать помешивала ложкой в кастрюле, и лицо у нее было такое, будто что-то болит.

— Кипяток пили. И хорошо, если был хлеб. Не такой хлеб — блокадный. Ты бы его в рот не взял.

Мальчик опустил голову, машинально водя вилкой по голубой каемке на тарелке.

— Не скрипи! — прикрикнула мать, снова раздражаясь. — И немедленно доедай! Ишь, от котлеты он нос воротит...

Мальчик вздохнул.

— Не вздыхай, чего тебе вздыхать? Живешь барином. Я в твоем возрасте помогала развалины разбирать, в очередях стояла часами. А ночью ходили с подружкой за водой. Да еще с дырявым ведром.

— Даже воды не было?

— Ничего не было. Был голод, холод и обстрелы.

— Как же можно было выжить?

— Выживали. И еще работали. И учились, не то что ты. И воевали. И... не приставай ко мне. Для тебя это просто так, а мне тяжело вспоминать.

Они замолчали.

— Знаешь, моя машина готова...

— Ну-ну,— сказала мать, не отрываясь от плиты.

— Так хотелось попасть в будущее! — шепнул он через некоторое время.

Мать усмехнулась.

— Сначала почини свет в коридоре.

Мальчик охотно вскочил.

— Просто лампочка перегорела, — сообщил он через минуту. — Сейчас вверну новую.

— И у детей совсем не было игрушек? — спросил он, возвращаясь на кухню.

— У каких детей?

— Во время блокады.

Мать отвернулась от плиты и посмотрела на сына.

— Погулял бы ты, что ли, — устало сказала она.

— Да... я сейчас.

Он пошел к своему шкафчику. Там лежала большая железная коробка. В коробке была проделана щель для монет. Эти деньги он копил на большой аккумулятор. На аккумуляторе машина времени могла бы проделать много перемещений. А на батарейке... Мальчик взял коробку и некоторое время держал ее в руках. Металл был тяжелый и холодный. Потом он взял отвертку и, просунув острие под крышку, со всей силы ударил по ручке. Банка опрокинулась, крышка отскочила, и монеты высыпались на пол. Описывая дуги, со звяканьем ложились они на паркет.

— Что ты там шарахаешься? — спросила мать. — Не разбей чего-нибудь!

— Копилку я уронил, — ответил мальчик.

Встав на колени, он начал подбирать деньги и класть их в карманы. От тяжелой мелочи брюки обвисли.

— Я уезжаю,— на ходу заглянув в комнату, сказала мать. — Вернусь к семи. Со двора не уходи. Розетку не трогай. Уроки начинай делать пораньше.

Хлопнула дверь. Мальчик посидел еще немного на полу, потом пошел к своей машине. То, что она доставит его куда угодно, он не сомневался. А вот как он возвратится... Вдруг батарейки не хватит?.. Вдруг что-нибудь еще?.. Он прекрасно понимал, чем рискует.

Магазины были рядом, на Невском. Сын взял большую полосатую хозяйственную сумку, висевшую на кухне, и накинул пальто. Из передней он вернулся и положил на дно сумки большого желтого медведя с блестящими глазами.

По заснеженному берегу вилась тропинка. Отчетливо были видны рубцы от полозьев санок. Вся тропка заледенела от брызг. Утром по левой стороне люди шли с санями и просто с ведрами на Неву, по правой возвращались с полными ведрами, в которых плавали поверху кусочки льда. Но иногда и ночью люди приходили к Неве и также в темноте возвращались. Ночью было безопаснее. Правда, надо было быть осторожным. Тропинка петляла среди ям от снарядов и бомб. И каждый день пролегала по новому курсу — огибала свежие ямы в промерзлой земле.

Той ночью по дорожке брели две девочки. За собой они волокли санки с двумя ведрами воды. Одно ведро было худое, и девочки по очереди зажимали дыру, от этого на рукавицах были ледяные наросты. Останавливаться было опасно — полозья примерзали к снегу. Но они все-таки остановились: на дорожке стояла непривычная вещь — большая полосатая сумка. Сумка мешала проехать, и одна из девочек хотела ее сдвинуть с дороги. Но, наклонившись, она вдруг уловила совершенно неправдоподобный запах... Она запустила руку внутрь и вытащила... батон колбасы. В безмерном удивлении девочки уставились на колбасу, потом друг на друга, оглянулись вокруг, но увидели неподалеку только какого-то мальчика, стоявшего над кучей металла. На мальчике было легкое пальто, он засунул руки в рукава и притопывал ногами.

На горизонте возник звук. Девочки знали его значение. Они рванули санки, схватили сумку и побежали туда, куда указывала фанерная стрела. Раза два они оглянулись, но только в убежище поняли, что мальчик не побежал за ними, что он не двинулся с места; а просто стоял и смотрел им вслед. Это было странно, но тотчас девочки забыли об этом, потому что все заслонила собой тяжелая драгоценная сумка...

Где-то позади, откуда они только что прибежали, глухо разорвалась бомба.

На следующий день тропинка сделала новый поворот...

— Куда же он все-таки запропастился? — спросил отец. — Одиннадцатый час.

Мать, присматриваясь, ходила по квартире.

— Портфель, где бросил, там и лежит. Значит, за уроки даже не брался, — сообщила она. — Копилку выгреб дочиста... Машину свою знаменитую, слава богу, унес куда-то. Но зато стену ободрал, и на полу валяется штукатурка. И даже в голову не пришло подмести. Ну что за дети пошли, господи!

— Сама набаловала, — буркнул отец. — Вырастет лентяй и эгоист.

— Еще и сумку унес,— донесся голос матери из кухни. — Совсем новенькая была сумка. Я ее купила потому, что она мне напомнила детство... А вдруг что-то случилось? — медленно сказала мать после паузы.

— Брось, что с ним случится, времена не те!

— СПАСИБО, —
говорит Тамара Корнева и ее друзья.

В одиннадцатом номере «Пионера» за прошлый год мы напечатали письмо Тамары. Из якутского поселка Заря Тамара писала нам, что организовала в своем интернате библиотеку, но книг в ней немного, и ребята все их давно прочитали. Тамара просила помочь.

И вот мы получили второе письмо.

«Дорогие ребята!
Большое вам спасибо за ваши теплые письма, за книги, за дружбу. Спасибо, что вы откликнулись на наш зов. Теперь у нас большая библиотека, в ней много книг, и все-все интересные!

И тебе, дорогой «Пионер», большое спасибо — у нас теперь не только большая библиотека, у нас друзья во всех республиках.

Ваши друзья из совхоза «Новый» (г. Мирный, Якутская АССР)».

С. ЮРСКИЙ

О цирке, театре, о стихах и о том, можно ли научиться понимать искусство

Окончание

Рисунки В. ИСАЕВА

Белая запятая

Когда приезжаешь в какой-нибудь вполне захудалый городок, почему-то вдруг охватывает непреодолимое желание побывать в местном музее. Это даже не желание, это что-то вроде обязанности. Долг культуре. Как всякий долг, не очень приятный, но отдать его необходимо. Иначе он мучает.

Музей собственного города, будь это даже ленинградский Эрмитаж, не вызывает подобных чувств. Он существует рядом с тобой, параллельно тебе, и пути ваши могут не перекрещиваться десятилетиями.

Многие годы, пока в музей меня загонял долг культуре, мне было безумно скучно среди картин. Я смотрел на полотно, разбирался в сюжете, потом подходил ближе, смотрел, кто нарисовал, снова отходил подальше, слегка кивал головой: «Да-а!» — и шел дальше.

Ах, как скучно! Как бесконечны залы! Какая длинная очередь в буфет за сосисками! От нечего делать, от скуки, от полного бессилия живописи передо мной и моего собственного бессилия перед живописью я начинал мысленно и вслух заниматься оценкой того, чего я не понимал. Когда отсутствует восприятие искусства, всегда вместо него появляется готовое мнение, обычно заимствованное.

Я предпочитал жанровую живопись — здесь понятен сюжет: вот этот старичок, видимо, болен, а девочка, должно быть, его внучка. Она грустна. А кошке, видимо, холодно: она сидит у камина. Та-а-ак! А вот свадьба. Это оркестр, эти танцуют, это жених, это невеста, а этот, видимо, был влюблен в невесту — вон как зло смотрит. Молодец художник, здорово подметил. Та-а-ак!

Когда сюжеты бывали мифологическими, дело обстояло хуже. Мифологию я знал плохо. Эти картины мне нравились меньше. С портретами дело вообще не шло. Ну старуха. Сидит и смотрит на меня со стены. Ну глаза как живые. Ну и что? А вон в углу зала сидит смотрительница — живая старуха, еще старее, и тоже на меня смотрит. Ну и что?

А вот скатерть, как настоящая, потрогать хочется, а вот дерево, как настоящее, а вот снег, а вот волна.

А вот эта картина почему-то знаменита. Почему? Мне она даже меньше других понравилась. Не так похоже.

Этот похож на моего знакомого — хорошо.

Этот непохож ни на кого из моих знакомых — хуже. У нас во дворе точно такой сугроб — хорошо.

Такого кувшина я никогда не видел — хуже.

Запомнил пять-шесть фамилий художников, имею мнение, побывал в музее, отдал долг культуре.

Однажды в Эрмитаже (где я был с экскурсией) нам рассказывали об импрессионизме. Сложные термины — «цветная тень», «светлый фон», «воздушность», «моделировка» — входили в одно ухо

и выходили через другое. Я отвлекся, начал вертеться, разглядывать совсем не те картины, о которых говорили. Потом отстал от экскурсии. Вошел в какой-то новый зал. На дальней стене висело большое полотно. Издалека я разобрал только, что там много зелени — лес или сад. И в центре яркая, стягивающая к себе все внимание белая запятая.

Я остолбенел от совершенно нового ощущения. Деревья, кусты, цветы — все это знакомое, надоевшее на картинах, похожее на настоящее до зевоты, до ломоты в скулах и вдруг — эта запятая. Непонятно к чему относящаяся, но удивительно красивая — белая, изящная, на зеленом фоне. Просто чувствуешь, каким крепким и красивым движением кисти нанес ее художник на полотно. Настолько чувствуешь, что сам машинально повторяешь это движение большим пальцем правой руки в воздухе — ррр-аз. Белым по зеленому. Одним движением. Сверху вниз и направо и мягкой кривой снова вниз — ррр-а-а-з!

Кто же это сделал такое прекрасное движение, что оно до сих пор висит в воздухе? Когда? Подхожу. Клод Моне. Прошлый век. Вот она, совсем близко. Батюшки, да это никакая не запятая, это одним мазком нарисована белая шляпка, плотно облегающая темную женскую головку. Отхожу дальше — запятая. Подхожу ближе — шляпка. Смотрю совсем близко, почти касаясь лицом картины,— запятая, красивая, выпуклая, неровная, со следами волосков кисти. Отодвигаюсь — сад и дама в шляпке.

Но теперь это уже не вообще сад. И в деревьях и в кустах узнаю этот изящный мазок. Я узнаю не только предметы, нарисованные здесь, я узнаю автора, Клода Моне. Узнаю его руку. Я нашел к нему ключ. Я свободно открываю им любой кусок картины, и радость, новая радость охватывает меня. Мои глаза впервые открылись для живописи.

Меня занимало только, что нарисовано. А картина, оказывается, говорит о гораздо большем: кто рисовал, когда, как, каким способом, почему, зачем, для кого. Все-все это в неподвижной картине.

Я смотрел на живопись через литературу — что описывается; через театр — что разыгрывается между персонажами. Но ведь и литература и театр имеют протяженность во времени. Это — искусство длящееся. А здесь другое искусство — живопись. Здесь застыли сотни, тысячи, десятки тысяч взмахов руки художника. Застыли, сохранив не только то, что он рисовал, но и его самого. Вот он передо мной, первый мой художник, Клод Моне.

Как пришли стихи

Пришли поздно. Пришли не вдруг, не обвалом. Начали по капле просачиваться в сознание, как нечто отличное от прозы.

Я был уже профессиональным актером. Читал стихи с эстрады и играл пьесы в стихах. Но моей постоянной задачей было разрушение стиха. Я вытаскивал смысловое, обесценивая поэтическое. Я имел успех на этом пути. Причиной успеха, подозреваю, было то, что я имел дело с весьма известными, хрестоматийными произведениями («Василий Теркин», «Тартюф», «Горе от ума»), и их поэтическая сторона, многократно восхваленная, тоже стала хрестоматией. А хрестоматийность — это наркоз. Живого восприятия нет. Нет боли автора, нет боли читателя. А вместе с болью уходит и радость восприятия. Все завешано, затюлено, спеленато, уложено, сформовано.

Когда мы в нашем театре рушили привычную размеренность стиха Грибоедова, уже одно это обновляло взгляд и обнажало тот давний, но живший в произведении нерв автора. Обнажало смысл.

Честно говоря, мне мешало, что Чацкий говорит стихами. Я слишком любил моего героя, чтобы позволить ему быть хоть чуточку напыщенным. А стихотворная речь казалась мне именно напыщенностью. Для меня это был недостаток моего героя, который нужно преодолевать. А самые возвышенные места я отдавал во власть беспощадной иронии. Повторяю, это имело успех. И без лишней скромности скажу, что было достойно успеха. Ибо если хоть в какой-то степени приемлема хрестоматийная литература, то нигде, никогда не приемлем хрестоматийный театр. Я всегда предпочту живой неправильный театр театру правильному, но мертвому.

Но вернемся к стихам.

В конце первого акта «Горя от ума» у Чацкого есть такая реплика. На иронический вопрос Софьи:

«Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве может быть».

Чацкий отвечает:

«Когда все мягко так? и нежно, и незрело?
На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя,
И день и ночь, по снеговой пустыне
Спешу к вам, голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки...
И все-таки я вас без памяти люблю...»

И это объяснение в любви я поначалу делал иронически. Однажды я зашел так далеко, что стал произносить эту реплику, пародируя интонации классического чтения — повышая и понижая голос, точно, не по-бытовому расставляя ударения, делая ритмические паузы, произнося четко каждый слог. И только последнюю фразу: «И все-таки я вас без памяти люблю» — я произнес просто, разговорно, в манере нашего спектакля и роли.

Зрительный зал удивленно затих от неожиданного контраста. Но, с другой стороны, я почувствовал, что ирония моя принята не была. Напротив, зрители удовлетворенно выслушали подчеркнуто «правильное» чтение стихов в этом куске. Мало того, я сам неожиданно ощутил комок в горле от красоты самого стиха, столько времени до этого сжимаемого мной в прозу. Наш Чацкий мог открыто и поэтично выразить свою любовь. Это не меша-

ло ему оставаться самим собой и обнажало новую, неизведанную грань его души.

Так мой Чацкий сказал первую стихотворную фразу.

Потом пришла вторая, в четвертом акте:

«Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал?» — и т. д.

А потом таких фраз стало много, и вся роль стала чередованием стиха и рифмованной прозы, иронии и лирики, душевных порывов героя и его умственных оценок. В таком виде роль стала мне еще дороже. Но главное, я впервые почувствовал вкус к стиху как к особому виду искусства.

Когда я делал для телевидения «Евгения Онегина», мне хотелось в некоторых главах развлечь зрителя музыкой. Я пробовал подкладывать духовой оркестрик под сцену именин Татьяны в пятой главе, пробовал Моцарта в третьей главе (зарождение любви Татьяны к Онегину). Не получалось. Совсем не получалось. По всей видимости, в хороших стихах, а тем более в пушкинских, заложена своя мелодия, и читать их на фоне музыки — это значит создавать какофонию.

Напев стихов не может быть записан, но он ощущается. Я думаю, что главное в исполнении стихов — схватить и выразить этот напев. Это не значит, конечно, что стих нужно распевать. Всякое завывание раздражает и убаюкивает одновременно. Насколько опасно мять стихи в прозу, настолько же непозволительно отрывать их от плоти человеческой речи и превращать в чистую музыку: это две крайности. Стих несет смысловую словесную нагрузку. Но проявляется она в полной мере только в определенном ритме, только с определенными ударениями. В исполнении стихов существует автор-композитор и исполнитель — соавтор-композитор. Исполнитель может найти свои нюансы, свои выразительные средства, но основа заложена, конечно, автором. Главная задача состоит в том, чтобы ее угадать.

К примеру, я заметил, что, читая Пушкина, ударение почти всегда следует делать на существительном — тогда стихи звучат легче, прозрачнее. Мир его материален, взгляд гениально широк и объективен. У Есенина ударными чаще бывают прилагательные. Ему важнее мгновенно схваченное качество предмета, мимолетность, оставившая след в душе. А Пастернак вообще не является сторонним наблюдателем. Он сам перевоплощается в тот предмет, о котором пишет. Становится им. Ощущает себя дождем, деревом, улицей. Отсюда эти убедительные и невероятные безличные обороты.

ПУШКИН.

Проснувшись **рано,**
В окно увидела **Татьяна**
Поутру побелевший **двор,**
Куртины, кровли и **забор.**
На **стеклах** легкие **узоры,**
Деревья в зимнем **серебре,**
Сорок веселых на **дворе**
И мягко устланные **горы**
Зимы блистательным **ковром.**

ЕСЕНИН.

Бедна наша родина **кроткая**
В **древесную** цветень и сочь,
И лето такое **короткое,**
Как **теплая, майская** ночь.
Заря **холодней** и **багровей.**
Туман припадает ниц.
В уже **облетевшей** дуброве
Разносится звон синиц.

ПАСТЕРНАК.

И мартовская **ночь** и **автор**
Шли **шибко,** вглядываясь **изредка**
В мелькавшего, как бы **взаправду,**
И вдруг скрывавшегося призрака.
То **был — рассвет.**

Ударения странные. Часто на наречиях, деепричастиях, бывают даже на таких всегда неударных частях речи, как предлог или союз. И при этом тоже притягивающая стихотворная музыка.

Наверное, не может быть прекрасного стихотворения со слабой мыслью. И не может быть слабого стиха с прекрасной мыслью — тогда это просто не стихи, а мысль. Словесное содержание в стихе находится в неразрывной взаимосвязи с ритмом, рифмой. У больших поэтов не только слова своими буквами и слогами, но и сама мысль является главной образующей музыкального напева.

Для призраков закрыл я вежды,
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда.
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал,
Но я бы, кажется, желал
Смиренный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

Это и доверительный разговор, совсем простой, совсем понятный, простая и вместе неожиданная своей естественностью рифма, и глубокая, горькая и гордая мысль, это и игра на каком-то неведомом музыкальном инструменте.

Это стихи. Это Пушкин.

Про разное

В частности, про эту статью. Самое время объяснить, какую цель я преследую.

Я хочу по возможности точно вспомнить те моменты, когда для меня открывалось искусство. Искусство каждый должен открыть сам. Поэтому я говорю только о собственном впечатлении. Мой опыт невелик, многое ко мне пришло с опозданием. Я делюсь им с целью доказать вам, более молодым, что зритель — лицо активное. Удовольствие и обогащение, получаемое от искусства, прямо пропорционально душевной активности воспринимающего.

Каждый новый талант предъявляет новые требования, и снова требуется зрительская инициатива, подвижность для его понимания. Иногда думают, что надо знать жизнь, а искусство как отражение жизни будет понятно само собой. А если оно не по-

нято, значит, это не искусство. Это неверно. Во-первых, «знать жизнь» — понятие слишком широкое и туманное. Жизнь — это все, а всего знать нельзя. Во-вторых, эта формула, если ей следовать буквально, превращает зрителя в скучного оценщика, который ждет от искусства не обновления, не праздника таланта, а обязательного, раз и навсегда повторения уже известного. Такой зритель самодовольно смотрит на художника сверху вниз. Он снисходительно поощряет художника только тогда, когда художник говорит про знакомое и в знакомой форме. Ему приятно и спокойно. Он говорит: «Да, так бывает. Я это и раньше знал, но это полезно и повторить». Ему в голову не приходит, что произведение, созданное художником, — отражение жизни, но и само оно часть жизни. Оно существует независимо от мнений. Подлинное художественное создание — всегда неожиданность, всегда обновление, всегда борьба с привычным, отстоявшимся, косным. Оно требует восприятия, понимания и уже потом оценки и критики.

Мне вспоминается одна поразившая меня фраза моего старшего друга Семена Степановича Гейченко, исследователя-пушкиниста и писателя. Семен Степанович — директор пушкинского заповедника. Живет в селе Михайловском. Когда он в очередной раз приехал в Ленинград и пришел к нам в театр на «Горе от ума», я страшно волновался: как он, знаток эпохи, примет наш спектакль? Видимо, его мнением интересовались многие, и когда сразу по окончании спектакля какой-то человек подскочил к нему с вопросом: «Ну, как вам?», — он ответил: «Неужели вы думаете, что я проехал четыреста километров, собрался и пришел в театр, просидел целый вечер, глядя знакомую дословно пьесу, только для того, чтобы выставить спектаклю оценку?»

Позднее он подробно и интересно говорил о спектакле. Но позднее. Он не спешил. Он, знаток, давал себе время на восприятие. Он вбирал в себя творческий труд театра, а не отталкивал его готовым: «Хорошо, плохо, смотреть можно, правильно, неправильно, как в жизни, не как в жизни».

Мой зрительский путь неровен. Я не сразу полюбил Кустодиева, Петрова-Водкина. Я до сих пор быстро утомляюсь от серьезной музыки, хотя однажды у меня открылись уши, когда я слушал 1-й концерт Шостаковича для виолончели с оркестром.

Я еще не понял прелести оперы. Я догадываюсь, в чем дело. Я смотрю на оперу через призму драматического театра, и в этом ракурсе там все неестественно. И прежде всего неестественно, что люди поют.

А вообще-то больше всего я люблю наши театральные декорации. Двери, ведущие не в соседние комнаты, а за кулисы; лестницы, покрашенные только с одной стороны, видимой зрителю, и настоящее, полное неожиданностей, условное и подлинное искусство актера. Люблю занавес, слегка повышенные голоса актеров. Люблю антракты, прерывающие действие. Люблю условный яркий свет на сцене и темноту переполненного зрительного зала.

Глядя в темноту

Я пишу о своих впечатлениях зрителя. Но зрителем я бываю сравнительно редко. Я актер. Двадцать, двадцать пять, а то и тридцать раз в месяц я занят в спектаклях. Чаще я смотрю не на сцену, а со сцены, в темноту зрительного зала.

Каждый день мы, актеры, гримируемся, одеваемся и выносим то, что придумали, узнали, нарепетировали, то, что выстрадали, и то, над чем смеемся, под яркий свет театральной сцены. Мы разыгрываем действие пьесы, заранее зная финал, и все же каждый раз заново, почти веря в то, что конец нам неизвестен. И Чацкий на каждом спектакле до последней сцены должен надеяться завоевать любовь Софьи. И Моцарт должен свято верить, что друг Сальери не может стать его убийцей. И Гамлет не имеет права знать о своем будущем величии в веках, а должен быть отвергнутым принцем, горьким сиротой, недоучившимся студентом, который продолжает изучение философии уже не по книгам, а по жестокому учебнику жизни.

Мы разыгрываем эти давно известные сюжеты, и люди приходят смотреть на нас, потому что людям важно знать не только, **что** было, но и **как именно** было.

Мы вносим в сюжет свои мысли, свое понимание для того, чтобы убедить, удивить, взволновать, заставить понять нас тех, кто смотрит на нас из темноты.

А там, в темноте зала, живые люди. Мы не различаем их лиц, но мы слышим, как они смеются, кашляют, аплодируют, роняют номерки из гардероба, перешептываются, зевают, хрустят конфетами, а иногда замолкают, захваченные действием, замолкают так, что возникает небывалая тишина. Такой не может быть ни в лесу, ни в поле, ни в пустом доме. Это тишина театра, тишина искусства, а не природы. Тишина громадного количества людей, объединившихся в желании понять других людей. А это желание уже и есть половина понимания.

Душан РАДОВИЧ

Жадный мышонок

В самом углу чердака стоял старый ботинок. А в ботинке жил Мышонок. Самый обыкновенный Мышонок с черным блестящим носом и с длинным хвостом, похожим на ботиночный шнурок.

По утрам на чердак заглядывало солнце, и его узкие пыльные лучики проскакивали в ботинок сквозь дырочки для шнурков. Мышонок просыпался и шел завтракать. Он завтракал или не завтракал. Обедал или не обедал. Ужинал или не ужинал. И к вечеру всегда возвращался домой — в старый ботинок.

Но однажды Мышонок нашел на чердаке большой круглый сыр. Сыр был слегка приплюснут с боков и покрыт гладкой золотистой корочкой. Мышонок очень сильно проголодался. Он присел на задние лапки и тут же принялся за еду.

Сначала он позавтракал. Потом пообедал. Потом поужинал. Целый день ел, ел, ел. Даже отдохнуть некогда было. И, наконец, к вечеру прогрыз Мышонок в большом сыре дыру. Залез Мышонок в дыру и еще немного поел. Просто так, из жадности. Он давно уже был сыт. И устал. И очень хотел спать. Решил Мышонок поселиться в дырке, которую он прогрыз в сыре. Так он и сделал. Хороший получился дом, просторный. Только очень вкусный запах у него был. Но тут уж ничего не поделаешь — сыр всегда вкусно пахнет.

Проснулся утром Мышонок и принялся есть сыр, не вылезая из дырки. Он завтракал, обедал и ужинал и снова завтракал, обедал и ужинал. С каждым днем дырка становилась все больше и больше. А Мышонок радовался, что у него такой удобный и вкусный дом. Он ел и спал, спал и ел.

Но чем больше становилась дырка, тем меньше оставалось сыра. И наконец дырка стала огромной, как чердак, а сыра не осталось ни крошки.

Не было больше сыра, а была КОШКА!

— Мяу,— сказала Кошка и бросилась на Мышонка.

А глупый, жадный Мышонок испугался и пустился наутек. Шмыгнул он прямехонько в старый башмак. И по сей день живет там. Старый башмак не сыр — его так быстро не съешь!

Савалоралиновачки

Если хотите, я вам могу рассказать сегодня историю о Лазарове. Когда у этого самого Лазарова разболелся зуб, он так испугался, что никак не мог сказать, какой же все-таки зуб болит.

Да что тут говорить! Нелегко, пожалуй, будет найти такого храбреца, который не боялся бы зубной боли. А вообще-то храбрые люди есть. Вот, например, один француз. Он чуть не прыгнул в Нил, когда крокодил хотел съесть его друга.

Только что нам до того Лазарова и до того француза? И как они вообще попали в нашу сказку? Я уже жалею, что упомянул о них.

Потому что все это ничего не стоит по сравнению с историей о Савалоралиновачки. У него было такое длинное имя, что он всю жизнь попадал во всякие неприятные истории. Все началось с того дня, когда его записывали в школу.

— Сава-ло-рали-новачки? — сказали там.— Кто сможет запомнить такое имя? Хватит того, что у нас есть Штрклич и Пржибабурович. А вы хотите, чтобы мы к ним добавили Савала-ва... как, вы говорите, его зовут?

Ну, Савалоралиновачки прекрасно знал свое имя и выпалил одним духом: — Савалоралиновачки!

Да, началось это со школы, а продолжалось всю жизнь. Всех пугало такое длинное имя. Ни выговорить его, ни написать.

Кто-то хотел его назначить проводником в поезде. Но пока он выговаривал свое имя — Савалоралиновачки,— поезд уже ушел.

Наконец ему дали работу на стройке. Тут никаких списков не надо. Стой себе на лесах и клади кирпичи. Короткое, длинное ли у тебя имя — все равно.

Так-то, так! А все же...

Работал как-то Савалоралиновачки внизу и вдруг сверху, со стены, сорвался кирпич. Не большой и не маленький — обычный крепкий кирпич.

Видят рабочие, что падает кирпич. Тут бы самое время окликнуть человека, предупредить. Но одно дело — крикнуть: Перич или Митич! Или, на худой конец, Васильевич! А тут — Савалоралиновачки. Ведь стараться выговорить такое имя, когда кирпич вот-вот упадет на голову,— все равно, что осудить невинного человека на смерть.

Не растерялись рабочие, крикнули ему:

— Посторонись!

Он отскочил в сторону, кирпич мимо упал. Но ведь от этого не легче. Имя-то с ним осталось. Никуда оно не делось.

Так-то вот...

А тот француз так и не прыгнул в Нил, потому что крокодил раздумал глотать его друга и уплыл.

А Лазарову все-таки вырвали зуб, хотя долго допытывались у него, какой именно зуб болит.

Обезьяньи хвосты

Когда-то у обезьян не было хвостов. Ну, нельзя сказать, чтобы совсем не было. А только вместо хвостов росли у них зонтики. Самые что ни на есть настоящие зонтики. Пестрые, блестящие. К тому же они открывались и закрывались. Когда шел дождь, все звери мокли, а обезьяны раскрывали свои зонтики и сидели под ними. А в жару обезьяны дремали себе в тени под теми же самыми зонтиками.

И было им совсем неплохо.

Но дело в том, что обезьяны живут в лесу. А в лесу много деревьев. А на деревьях много веток. И оттого, что обезьяны прыгали по деревьям, зонтики цеплялись за ветки. И рвались. Просто сладу с ними никакого не было. Рвались они, рвались, пока не изорвались в клочья.

Ни у одной обезьяны не осталось целого зонтика.

Кончилось тем, что от зонтиков остались только рукоятки. Длинные и тонкие.

Обезьяны, конечно, очень расстроились. Жалко было зонтиков. Да к тому же сначала никто не знал, что делать с этими рукоятками.

А потом догадались. Стали цепляться ими за ветки и висеть вниз головой. Это им так понравилось, что они развеселились.

Так и веселятся до сих пор.

Простачок

Маленьким детям иногда становится скучно. И от скуки они играют всем, что попадается под руку. Вот, например, ножницы. Ножницами можно резать книги, рубашки и пальцы.

Или молоток. Молотком можно бить по гвоздям, по стенам и по пальцам.

Или спички. Спичками можно опалить рубашки, скатерти и пальцы. Достается же этим пальцам! Правда, не всем одинаково.

Жил-был палец по имени Простачок. У него было много братьев. Однажды братья взяли его с собой в ящик стола. Простачок шел самым последним и прищемил себе ноготь.

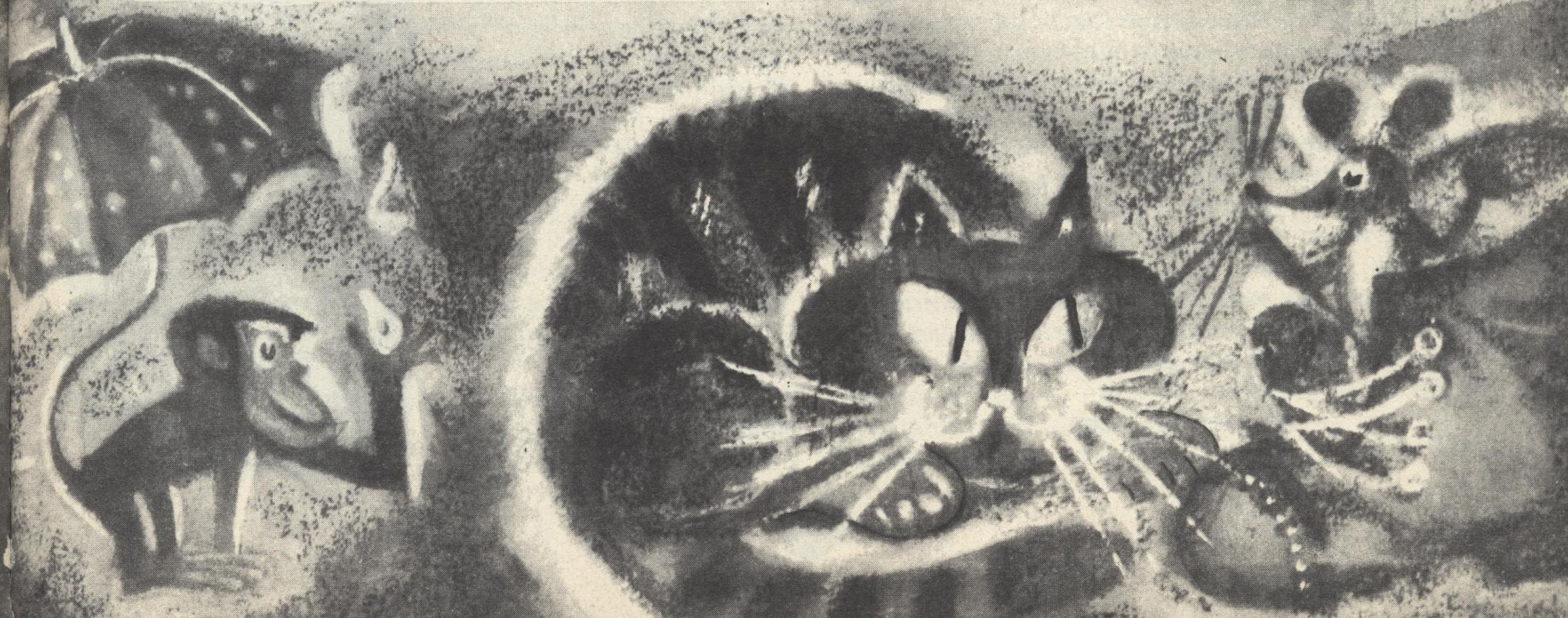
В другой раз сели они все вместе поближе к печке погреться. И Простачок тут же обжегся!

А как-то играли они с иголкой. Все пальцы увернулись, а Простачок зазевался и укололся.

Эх, Простачок, Простачок, на что же ты годишься, нелепый палец? Впрочем, когда нужно попробовать, холодна ли вода, или, чего доброго, поковырять в носу, полезай-ка ты, Простачок! Но зато, если подвернется случай залезть в повидло, тут уж любой другой палец, только не Простачок!

На каждые пять пальцев приходится свой Простачок.

Перевел с сербскохорватского
Л. ЯХНИН.

Мальчики из Нальчика

А. МАЛЕИНОВ,
заслуженный тренер СССР

Горы просыпались. Голубые контуры дальних вершин повисли в дымке наступающего дня. На зеленой поляне стало тепло. Как орудийный залп, где-то на склонах Безенгийской стены грохнула лавина. Облако снежного салюта поднялось над черной осыпью Кель-баши.

В лагере всего два человека: Степан Степанович — шеф-повар и я — один из инструкторов лагеря. Остальные — на занятиях.

Солнце припекает сильнее. Смотрю вниз и вдруг на тропе, ведущей в лагерь, вижу двух путников. Сначала я принял их за альпинистов из нашего лагеря. Но у нас народ рослый, а эти какие-то слишком уж маленькие. Здесь, в глухом ущелье, среди мощных хребтов и вершин Центрального Кавказа, куда попадают только хорошо подготовленные альпинисты, неожиданное появление новых людей — событие.

Нерешительно потоптавшись на месте, незнакомые альпинисты проходят поворот к лагерю и идут по гребню морены. Как мне кажется, они не стараются быть на виду.

Я забеспокоился: эта тропа ведет к одной из труднейших вершин Кавказа — пятитысячнику Дых-Тау. Все группы, начинающие восхождения к ней, должны сообщать нам контрольный срок своего возвращения. Наш лагерь — единственный в этом районе, откуда можно оказать помощь в случае аварии.

Альпинисты не останавливаются. Минута-другая, и они скроются среди громадных скальных обломков под Миссес-Тау.

Кричу что есть мочи, машу руками. Меня заметили, неуверенно потоптались, остановились.

...Я привел их к своей палатке и облегченно вздохнул. Передо мной стояли два мальчика. Один лет десяти-одиннадцати, худющий, черноглазый, с бровями, сросшимися на переносице, крепкая ореховая палка в руках, на ней вырезано «Витя». Другой — постарше, лет двенадцати. Стараясь придать голосу мужественную хрипотцу, он, чуть заикаясь, спросил меня:

— Какая из этих вершин Дых-Тау, и много ли надо крючьев, чтобы на нее подняться?

— А сколько у вас крючьев, ребята? — спросил я.

— Три, — ответил старший.

— Для Дых-Тау маловато. А ну покажи!

Старшему волей-неволей пришлось снять рюкзак.

Начал я издалека:

— Вот тут тоже недавно на Дых-Тау прошли альпинисты, так у них было шесть ледовых крючьев и десять скальных.

— Ого! А у нас... — сказал младший.

— Ну-ка проверим остальное снаряжение.

В рюкзаке нашлась обычная бельевая веревка, потертая, в бесконечных узлах, вместо спального мешка — старенькое байковое одеяло.

Питание у ребят было на исходе: сухари, куски черствых булок и пирогов, немного пшена, кулек сахару и конфет, кусок сала и большое яблоко, которое мальчики уговорились съесть на вершине Дых-Тау.

Солнце поднялось довольно высоко, но ребята еще не совсем отогрелись. Последняя ночевка у них была где-то рядом с лагерем, а высота здесь за две тысячи метров над уровнем моря. Ночи у нас похолоднее, чем внизу.

Из-за большой хозяйственной палатки поднималась и таяла в воздухе струйка дыма. Степан Степанович готовил обед.

— Ну как же, ребята? Крючьев у вас маловато да и ледорубов нет, — осторожно сказал я. — Может, подкрепимся поначалу, а потом подумаем, как быть? Согласны?

Завтрак сделал свое дело: Витя, согревшись на солнышке, задремал, Сережа «добивал» котелок.

— Вот что, ребята, — предложил я, — завтра выдадим вам настоящее снаряжение, пойдете заниматься на ледник, а там куда-нибудь и слазим.

Минут через пять они крепко спали в теплых, пуховых мешках, в настоящей альпинистской палатке.

Наутро весь коллектив лагеря одевал и снаряжал Сережу и Витю.

Лагерный врач, осмотрев мальчиков, сказал:

— Крепыши! Подкормить только надо: в пути отощали.

Приказом по лагерю Витю и Сережу прикрепили к отделению девушек. Они перечинили и выстирали им рубашки и штаны и вообще взяли ребят под свое покровительство. Мальчики ходили на занятия с отрядом, рубили ступеньки, вязали узлы, ловко, как кошки, лазили по скалам. Счастливые, возвращались с занятий.

...Наконец наступил день похода. Высота около четырех тысяч.

Слева, совсем близко, гигантские ледяные сбросы Безенгийской стены. Тысячи тонн льда и снега нависли над склонами, готовые сорваться в вихре лавин.

На повороте вижу хвост колонны и маленькие фигурки без рюкзаков — Сережа и Витя.

Часам к четырем вышли на хребет Кель-Баши. Отсюда хорошо видно седло перевала Цаннер, но мы перейдем его только завтра.

...Восход солнца застал нас в пути. Перевал был уже позади.

По леднику ребята шли в разных связках. Витя пытался заглянуть в каждую трещину. Хорошо, что он был на веревке! Ледопад обходили где по льду, где по скалам. Ребятишки шли на кошках, как заправские альпинисты, даже приходилось сдерживать их пыл на скалах.

Внизу синели хребты Сванетии. Теплый ветер юга летел навстречу. Ледопад кончился, ледник спокойно уходил вниз. В глубоком ущелье глухо ревела и металась река. Путь вниз был ясен. Инструкторы отряда выведут теперь колонну без нашей помощи. Крепкие рукопожатия. И мы отходим в сторону.

Вдруг из строя выбегает Сережа и передает нам какой-то сверток.

— Что такое?

Яблоко! То самое, изрядно помятое, которое они собирались съесть на вершине Дых-Тау!..

Мальчики из Нальчика хотели без всякой подготовки подняться на вершину Дых-Тау по маршруту четвертой категории трудности. Нам известны случаи, когда походы неопытных путешественников в горы кончались не так благополучно, как у этих мальчиков.

Хочешь стать альпинистом, займись сначала горным туризмом. Ваши маршруты пройдут по лесистым горам, альпийским лугам, к ледникам, через несложные перевалы. Вы увидите и познаете сказочный мир высокогорья.

Там вы узнаете, как нужна альпинистам дружба, взаимопомощь, чувство товарищества, физическая подготовка, отвага и ловкость.

Руководителем любого похода школьников — горных туристов — должен быть взрослый, опытный альпинист или турист.

Перед походом в горы нужно научиться передвигаться по горным тропам, по травянистым склонам и осыпям; переправляться через горные реки; нужно уметь выбрать место для бивака, установить палатку, уметь вязать узлы и усвоить приемы самостраховки и страховки товарища при помощи веревки. Обязательно прослушать беседу об опасностях в горах.

Отправляясь в поход, тщательно продумайте, как одеться, какое взять снаряжение и питание.

Не забудьте: дисциплина в походе — залог успеха и безопасности.

И в добрый путь!

Собираясь на рыбалку

Не за горами лето. Не за горами каникулы. Лес, речка и рыбалка. Собираясь на летнюю рыбалку, позаботься о том, чтобы снасть, на которую ты думаешь ловить, была в полном порядке.

УДОЧКА

Самая несложная, всем доступная рыболовная снасть. Но ее надо правильно настроить. Леска должна быть чуть длинней удилища, тогда вам легко ее будет забрасывать.

От лески зависит многое. Чем тоньше и прочнее она, тем лучше. Обычно покупаешь жилку 0,10—0,15 мм. Ее нужно иметь в запасе тут же, на удилище. В случае обрыва размотал с мотовильц сколько нужно, привязал новый крючок и опять лови.

В 15—20 сантиметрах от крючка крепится грузильце (дробинка). Не делайте его подвижным, ни к чему это. А вот поплавок обязательно должен быть легко скользящим по леске. Ведь его приходится то и дело передвигать в зависимости от глубины водоема. Поплавок держит насаженного на крючок червячка в двух-трех сантиметрах от илистого дна. Если дно песчаное, насадку можно положить на грунт.

Очень важно иметь на леске хороший крючок, тонкий, острый. Чуть затупился — меняйте, привязывайте новый. В запасе у вас должно быть не меньше десяти крючков.

Возвратились домой с рыбалки — не бросайте удочку куда попало. Храните ее в определенном месте, лучше всего в тени.

ДОНКА

На эту снасть ловят там, где быстрое течение, где на обычную удочку не поймаешь и малявки.

Удилище короткое, не длинней метра. Зато леска длинная — 10—15 метров. Грузило, отлитое из свинца, тяжелое — не менее 80 граммов. Оно на отдельном поводке, который привязываешь к леске в 20 сантиметрах от крючка.

Придя с донкой на берег реки, вы раньше всего должны сбросить леску с мотовильц и подготовить ее к забросу. Не спешите с этим. Выберите сначала близкую к воде, ровную, чистую площадочку и на нее наберите леску, кладя ее кругами. Теперь, взявшись за леску чуть выше грузила, можно забросить ее на воду с насаженным на крючок червячком. Течение прибьет насадку ближе к берегу, но это не должно вас смущать. Рыба всегда держится вблизи берегов, здесь она находит разнообразный корм.

При ловле на эту снасть насадка всегда лежит на дне (отсюда — донка) и клюет только донная рыба: пескарь, подуст, елец, налим, соменок, голец, ерш. Но может попасться и крупная хищная рыба.

В. БОРОНИН

Писатели рассказывают

Вы спрашиваете меня о ближайших замыслах, работе, планах накануне моего пятидесятилетия. Прежде всего спасибо вам за это: мне было бы грустно отвечать на вопрос: «Что вы сделали за последние годы и как оцениваете свой труд?» Может быть, подводить итоги и почетно и радостно, но я все-таки предпочитаю думать о том, что еще предстоит сделать.

Из номера в номер журнал «Юный техник» печатает мои беседы с будущими мастерами. Эту работу я считаю чрезвычайно важной, так как терпеть не могу «безруких» ребят и очень хочу, чтобы у нас было как можно больше юных любителей техники, которые бы умели все: отремонтировать электрический утюг и разобраться в устройстве автомобиля, построить модель и самостоятельно наточить коньки...

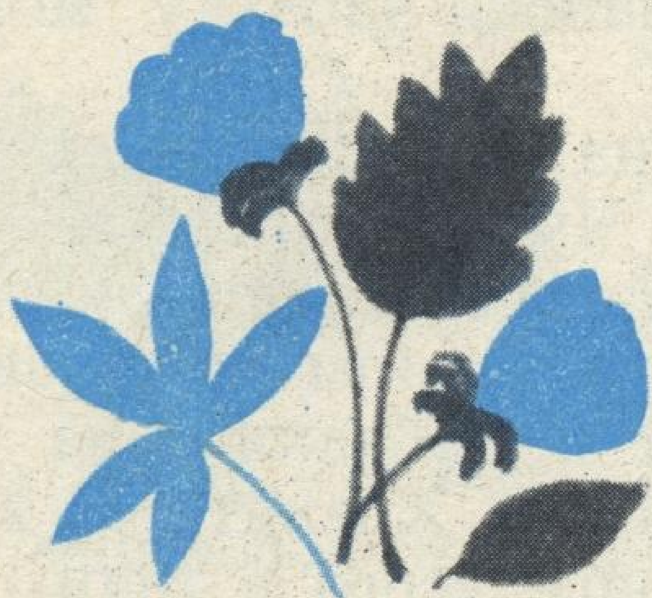
Одновременно заканчиваю работу над книгой, подсказанной мне читателями. Эта книга сложилась из писем от ребят и моих ответов любознательным корреспондентам. Круг ребячьих вопросов весьма широк: всегда ли бывают правы родители? Как решить, кто виноват в ссоре? Можно ли верить всем людям? Назвал я эту книгу «Слава ветру». Тому ветру слава, который наполняет паруса удачи и несет молодых на необозримые просторы большой, взрослой, трудной жизни. Предназначается книга для издательства «Молодая гвардия».

Собираю материалы для книги, которая должна продолжить разговор, начатый в книгах «Мужчинам до 16 лет» и «Чудеса на колесах». Те, кто читал эти книги, знают: там речь шла о характере, о воспитании чувств, о выборе профессии. Тема неисчерпаемая и, как мне представляется, очень важная. Новая книга, как и те, что она продолжает, будет написана для издательства «Детская литература».

Это о работе и ближайших планах. Что же касается более дальних замыслов, вероятно, вернусь (и еще не раз) к главной теме не только моей литературной работы, но и всей жизни — к авиации. Это будет книга о крылатых людях, живущих крылатыми мечтами, поднимающихся в высокое небо нашей планеты, чтобы оттуда, с высоты, увидеть день грядущий.

Вы спрашиваете меня: что бы я хотел пожелать своим читателям? Прежде всего дальних, трудных и радостных дорог. Хороших друзей. Твердой воли и отзывчивых сердец. И всегда удачи.

А. МАРКУША

РОБИНЗОНЫ ЛАГЕРЯ ПУРМАНЕ

Вся первая смена лагеря Пурмане в который раз перечитывала «Приключения Робинзона Крузо». Вечером читали вслух в комнате, в «тихий час» — тайком, прикрывшись простыней, и все равно была очередь, и все бегали в библиотеку, спрашивали, не освободилась ли книжка.

«Робинзона» читали не просто так, а для дела. Ребята чуть не с первого дня в него играли: место показалось больно подходящим.

Рээт Хууст — заведующая библиотекой, игру сначала похвалила, а потом говорит: может, не стоит все делать по книге? Если уж воображать себя Робинзоном, то лучше новым, который живет в наши дни. Выбросило его кораблекрушение где-нибудь тут, поблизости... Оказался Робинзон один, припасов никаких нет, а климат-то — наш, эстонский! Как тут быть, чтобы не пропасть с голоду?

— Дождаться горна и топать в столовую, — сострил кто-то из старших ребят.

Рээт Хууст на насмешку внимания не обратила, а посоветовала читать книжки о природе. Принесешь книгу Дефо, а Рээт Хууст даст в обмен «По следам Робинзона» Н. Верзилина, «Копилку витаминов» Б. Александрова, «Юный садовод» Хейно Кийка или другую в этом роде. Прочесть велит обязательно до конца да еще спросит, все ли понял.

Книжки эти пригодились, когда стали ходить в походы: одно дело, когда читаешь о пользе какого-нибудь цветка, и совсем другое, когда он тут же растет перед тобой и можно проверить, правду ли про него пишут. Выходило, что правду — мыльный цветок мылился, а листья подорожника хорошо лечили ссадины.

К концу смены, когда все всё прочли, объявили в лагере «Конкурс Робинзонов». Мастерили костюмы, кто из чего сумел: плели венки и травяные гирлянды для русалок, скалывали сосновыми иглами короны из листьев для Лес-

Леся Украинка «СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ». К столетию великой украинской поэтессы издана книга ее стихов. Еще девочкой заболела она туберкулезом, болезнь подолгу держала ее в постели, не позволяла посещать школу. И все же мужественная девушка стала образованнейшим человеком своего времени. Писать стихи она начала рано. И уже о первом сборнике ее стихов Иван Франко писал: «Со времени шевченковского «Схороните и вставайте, оковы порвите!..» Украина не слыхала такого сильного, горячего и поэтического слова, как из уст этой слабой, больной девушки».

К. Ф. Седых «ТИГРЫ У НАС НЕ ВОДЯТСЯ». О тундре и тайге, об удивительных растениях и животных, населяющих таежные леса и реки, и о том, как советские люди осваивают этот необыкновенно богатый край, рассказывает автор.

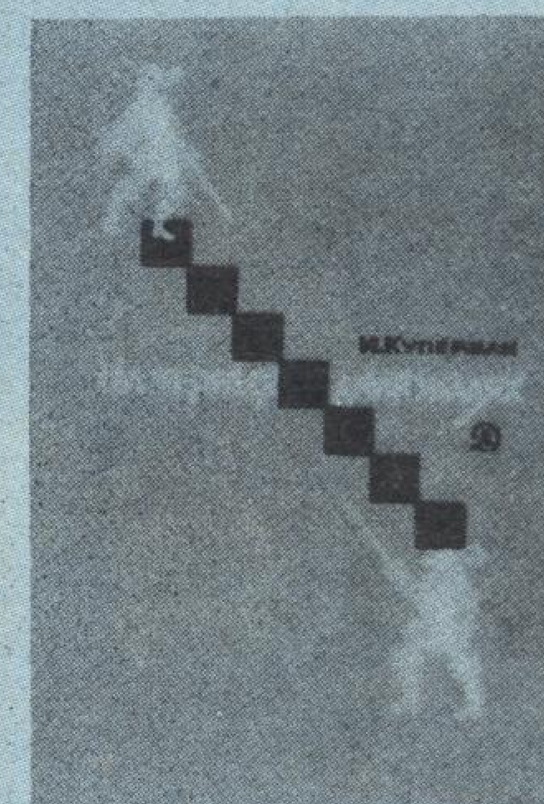
Барадий Мунгонов «ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР». Эта книга перенесет вас на берега озера Байкал. Герои ее — бурятские ребята — решили совершить поход по Баргузинскому заповеднику. От Улан-Удэ до Усть-Баргузина добрались на автобусе, а отсюда на моторке поплыли по озеру. И тут, как бывает на Байкале, ни с того ни с сего налетел черный ветер, начался шторм. Преодолевая ветер, путешественники укрылись в бухточке, а после полуночи шторм начал стихать. На следующий день поход продолжался. Много повидали и узнали ребята и даже помогали взрослым в поимке опасного преступника.

Валерий Попов «ВСЕ МЫ НЕ КРАСАВЦЫ». Герой книги — Саша, обыкновенный ленинградский мальчишка — рассказывает о себе, о своих товарищах, о друзьях. Он их любит, хотя знает, что у них, как и у него самого, есть недостатки. «А если ждать все какого-то идеального, то вообще останешься без друзей! Все мы не красавцы!» — говорит Саша. Автор так и назвал свою книгу.

Арчи Бинз «БАСТЕР, КО МНЕ!». Мальчик Клин нашел совсем маленького тюлененка. Клин полюбил Бастера (так назвали тюлененка), и Бастер очень привязался к мальчику. О дружбе Клина и проказливого тюлененка написал свою книгу американский писатель.

И. Куперман «НА ЧЕРНЫХ ДИАГОНАЛЯХ». По профессии автор горный инженер. Восемнадцати лет он получил звание мастера спорта по шашкам, трижды был чемпионом страны по русским шашкам и пять раз по стоклеточным. В 1958 году он становится чемпионом мира. О том, как происходили «битвы» за шашечную корону, об интересных встречах рассказывается в книге. Вы узнаете немало забавных эпизодов из истории шашек. В разделе «Начинаем игру на черных диагоналях» автор раскрывает многие «тайны» стоклеточных шашек, показывает, как интересна и красива эта игра.

НОВЫЕ КНИГИ ● НОВЫЕ КНИГИ ● НОВЫЕ КНИГИ ● НОВЫЕ КНИГИ ● НОВЫЕ КНИГИ ● НОВЫЕ КНИГИ

ной принцессы. Еловые лапы шли на юбочки для дикарей, птичьи перья — на головные уборы индейцев. Кусочками коры украшали одежду леших.

В назначенный час все они — дикари, лешие, индейцы и русалки — собрались на поляне, и из чащи явился к ним Робинзон. Был он в костюме из звериных шкур и сильно смахивал на Генри Дробыша из первого отряда. Держался Робинзон важно, на шуточки не отвечал. За ним выступал босоногий Пятница в юбочке из вороньих перьев, с тщательно размалеванной физиономией. Для начала Пятница сплясал, а Робинзон произнес речь:

— Двадцать восемь лет провел я на необитаемом острове и вижу, что жизнь моя сложилась на редкость счастливо. Я не только остался жив. Я превратил свой остров в цветущий край. Я приобрел бесценного друга (тут Робинзон красивым жестом указал на Пятницу, а маленький Пятница вежливо поклонился, сдвинув босые пятки).

Но спасло меня не столько мое умение, сколько мое везение. Я был очень удачливый. Море подарило мне и орудия труда и немного семян. Но одного мне не хватало, и ни море, ни щедрая природа не могли мне помочь. Мне не хватало... знаний! (Тут Робинзон вздохнул очень печально.) Я никогда не интересовался ботаникой и почти ничего не знал о прекрасных растениях, среди которых оказался. Я не знал их волшебных свойств. О, если бы я прочел те прекрасные книги, которые вы читали весь этот месяц! Я бы гораздо лучше и куда быстрее освоил свой остров.

Вы очень образованный народ, мои молодые друзья! Я уверен, что каждый из вас куда лучше справился бы с делом, чем я. Но я хотел бы лично убедиться в этом. Давайте проверим, кто из нас лучший Робинзон.

Робинзон кончил свою красивую речь и закатил ребятам не то викторину, не то КВН. Одним словом, что-то вроде экзамена.

Вопросы были серьезные, и каждый отряд выбрал по пять человек (самых умных!), чтобы ответить.

Из корней какого растения Робинзон мог бы испечь себе хлеб?

Какими листьями лечат раны?

Какой кустарник называют виноградником хвойного леса?

Кто был его, Робинзона, прототипом?

Почему лишайник называют «пионером»?

Какой цветок заменяет мыло?

В чем смысл книги о Робинзоне и почему ее так интересно читать?

В листьях какого растения есть много витаминов?

Как называются три весенних цветка, которые обладают целебными свойствами?

И еще на множество других вопросов.

Отвечали на них кто лучше, кто хуже, но в общем толково. За ответы давали очки. По очкам определили «лучших Робинзонов» — первый отряд. Командира наградили красивой медалью с изображением Робинзона и надписью: «Лагерь Пурмане, 1970». Медаль сама деревянная, а цепочка к ней — кованая. Вручали ее под барабанный бой.

Потом барабаны не умолкали до самого вечера, потому что конкурс кончился и начался просто карнавал. Песни, танцы и костер до самого неба.

С. БОГАТЫРЕВА

Академия домашних волшебников

Калинка осторожно подрулила свой кораблик к знакомому, третьему с края окну, позвонила «Динь-дон-динь», и форточка, немного замешкавшись, открылась. Медлительность форточки удивила Калинку. Отпустив кораблик на балконную стоянку, она присела на край оконной рамы и заглянула в комнату. Лёка сидит в любимом мамином кресле и, поджав губы, не глядя на стоящую у окна Марину, повторяет скрипуче, как испорченный граммофон:

— Макси, мак-си, м-а-к-с-и... макси...

А Марина, уравновешенная Марина, не поворачивая головы от окна, бормочет, как попугай:

— Мини, мини, мини, мини...

Алеша робко примостился на краешке дивана и старался на девочек не смотреть.

— Ну, Алексей, — сказала Лёка, — говори: макси или всем надоевшее безобразное мини?

Алеша подумал и сказал:

— Ой, мне надо идти гулять с Чубчиком. Совсем забыл...

— Какой забывчивый! Ах, ах! — ехидно сказала Марина, и Калинка от удивления сняла свою шапочку-невидимочку. — Ты только что прошел с Чубчиком под окнами. Даже отсюда было видно, какой он грязный, наверно, целый час утюжил дождевые лужи. Тебя спрашивают — отвечай: макси-плакси или великолепное мини? Ну?

Алеша вздохнул и сказал:

— Это... как его... Вот... Ми-ди.

И засмеялся, потому что краешком глаза увидел Калинку.

— Я и не знаю, что такое эти мини, макси, миди... Иди сюда, Калиночка, пожалуйста, скажи им, пусть они перестанут сердиться, а то очень противно.

— Злые люди да еще так глупо спорящие без доводов, — сказала Калинка и спрыгнула на стол, — по принципу «я так хочу», вряд ли кому-нибудь бывают приятны. Знаешь, о чем они спорят? О длине платьев. Вот смотри, у меня юбочка-мини, а вот это миди. — Калинка что-то пошептала, и юбочка удлинилась на целую четверть, до сапожек. — А вот это макси. — И юбочка вытянулась до каблучков красных сапожек.

— Как же ты в такой длинющей хламиде будешь летать, — испугался Алеша, — еще зацепишься.

— Да, в такой хламиде не полетаешь, — улыбнулась Калинка. — Мода есть мода. Не замечать ее нельзя, а слепо подчиняться глупо. Представь себе, Лёка, как в макси-платье ты будешь прыгать через веревочку или играть в лапту и в классики.

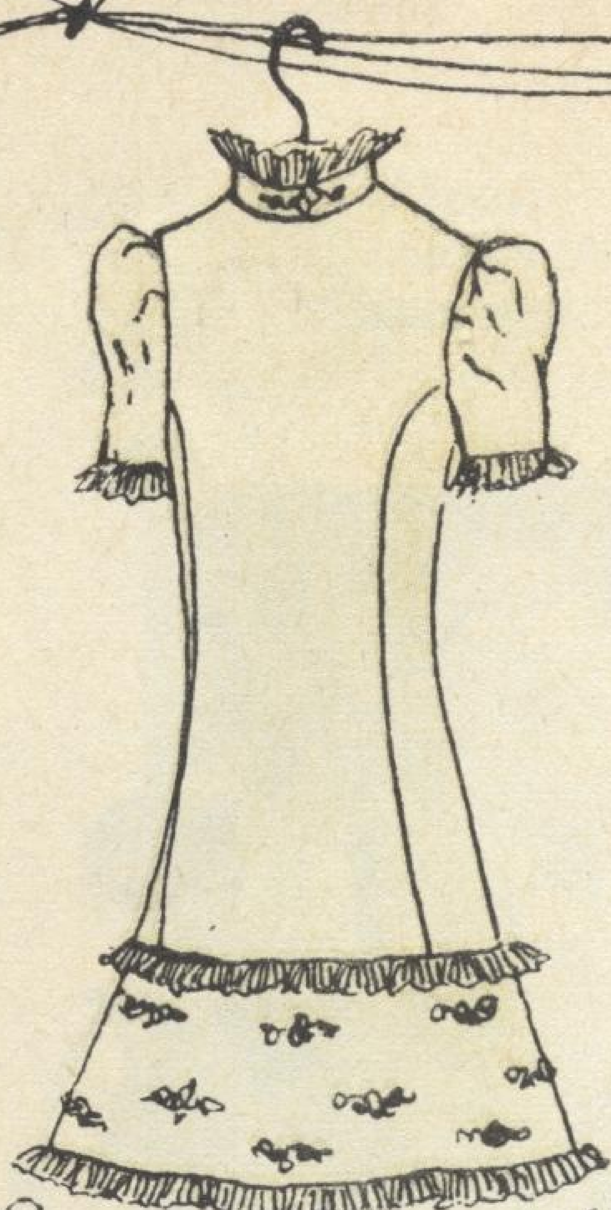
Марина с Алешей посмотрели на Лёку, и все трое расхохотались. Калинка с удовлетворением

проводила взглядом последний злой вихрик и захлопнула форточку. На всякий случай.

— И тебе, Алеша, и мне спор девочек показался несуразным. Представь себе, об этом сейчас спорят самые знаменитые модельеры: одни настаивают только на мини, вторые — на миди, а третьи — на макси. И только некоторые из них говорят: не будем ссориться, лучше мирно договоримся, что длина повседневной одежды до колена или чуть ниже. Мини — для пляжа и летнего отдыха. Миди — для театра и торжественных случаев. Макси — для танцевальных вечеров и балов. Наши девочки, наверное, начали спор, собираясь шить платья к вечеру окончания учебного года?

— Ты угадала! Мне ужасно хочется сшить длинненькое платье, все-все в оборочках,— сказала Лёка,— а Марина говорит: нельзя!

— Почему нельзя? Я думаю, и Марина для вечера будет шить платье подлиннее.

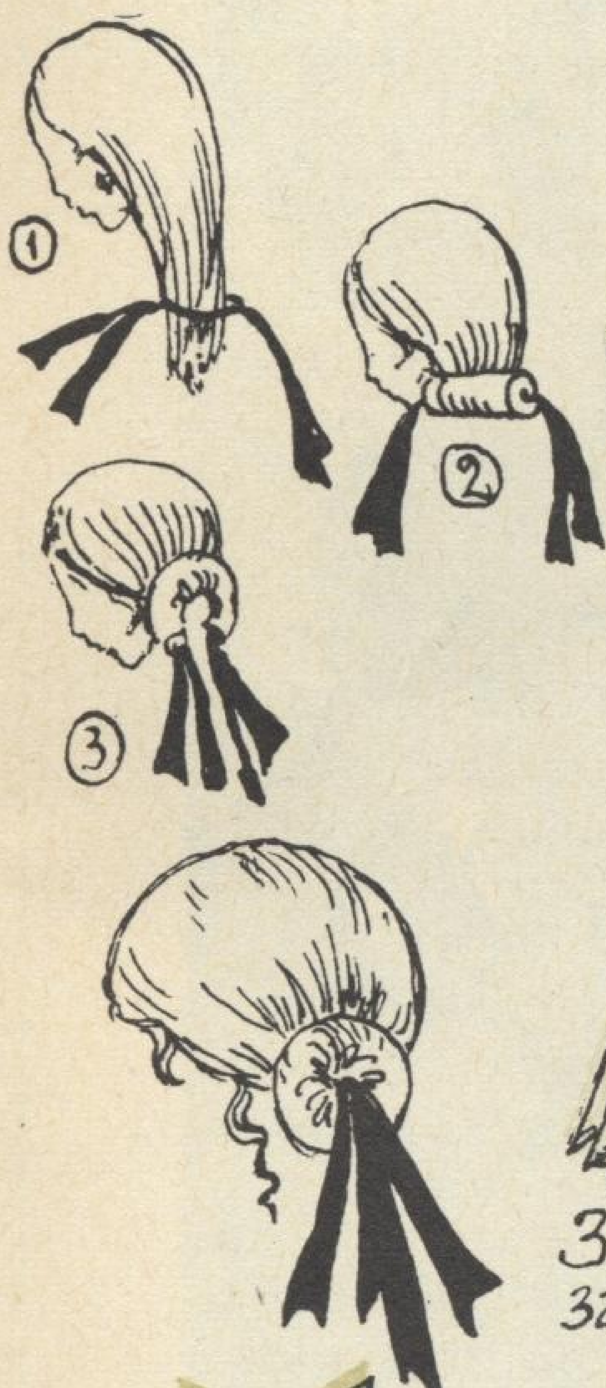
Марина подумала и сказала:

— Только без оборочек. С круглым воротничком, со складками внизу. Понимаешь, какое? Калиночка, можно мы тебя попросим?

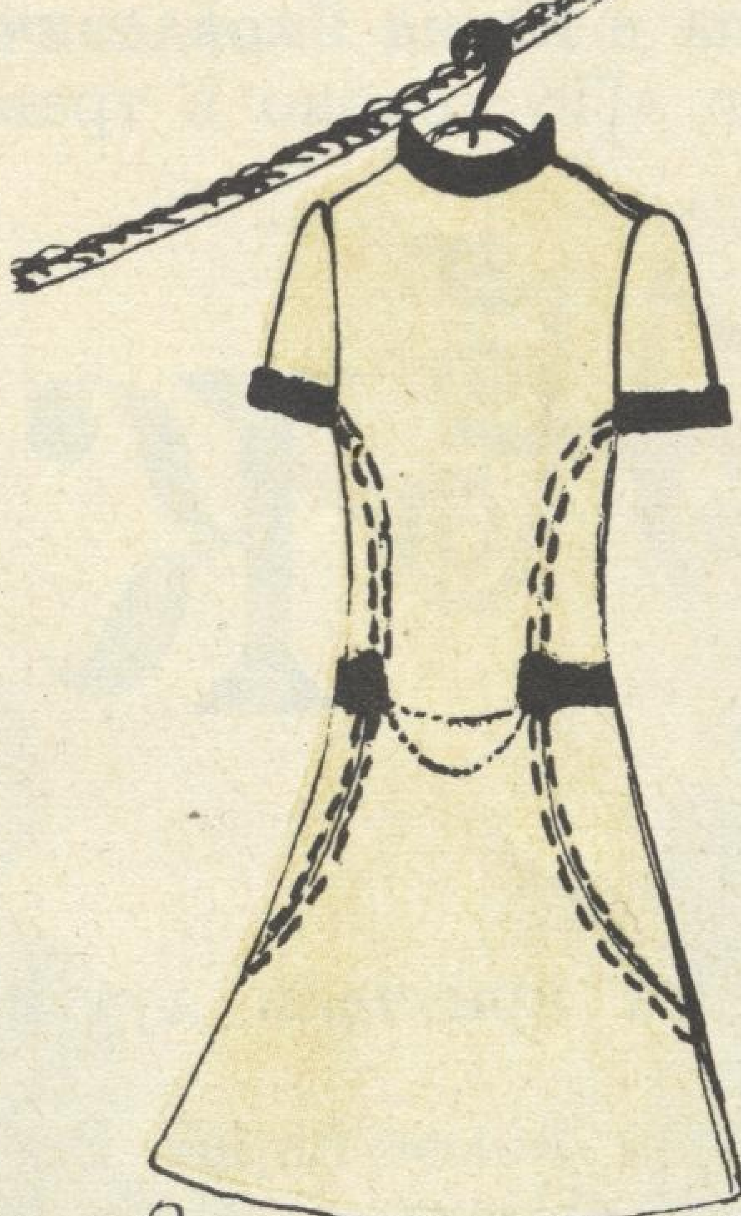
— Можно.— Калинка лукаво посмотрела на девочек, хлопнула в ладоши, и на столе оказалась кипа разных модных журналов — польских, русских, французских, английских, венгерских, болгарских.— Выбирайте свои нарядные платья.

— Вот это да! И прически? — спросила Лёка. — Это очень надо не только Марине и мне, но и всем девочкам наших классов. Журналы ты нам подаришь навсегда?

— Нет, не подарю. — Калинка покачала своей черной толстенькой косичкой. — Сейчас четыре часа. Мне их прислали только до пяти тридцати. Я помогу перерисовать платья и прически, которые вам больше всего понравятся...

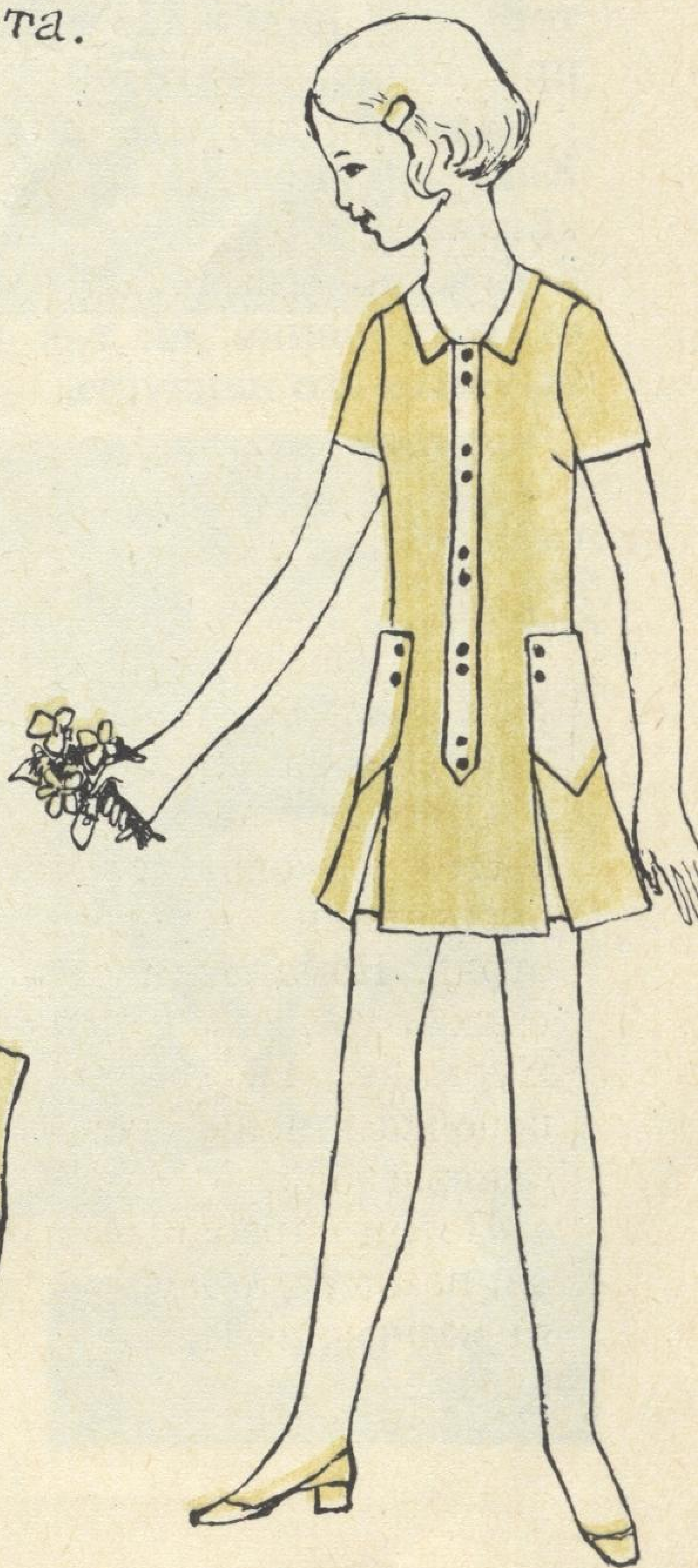

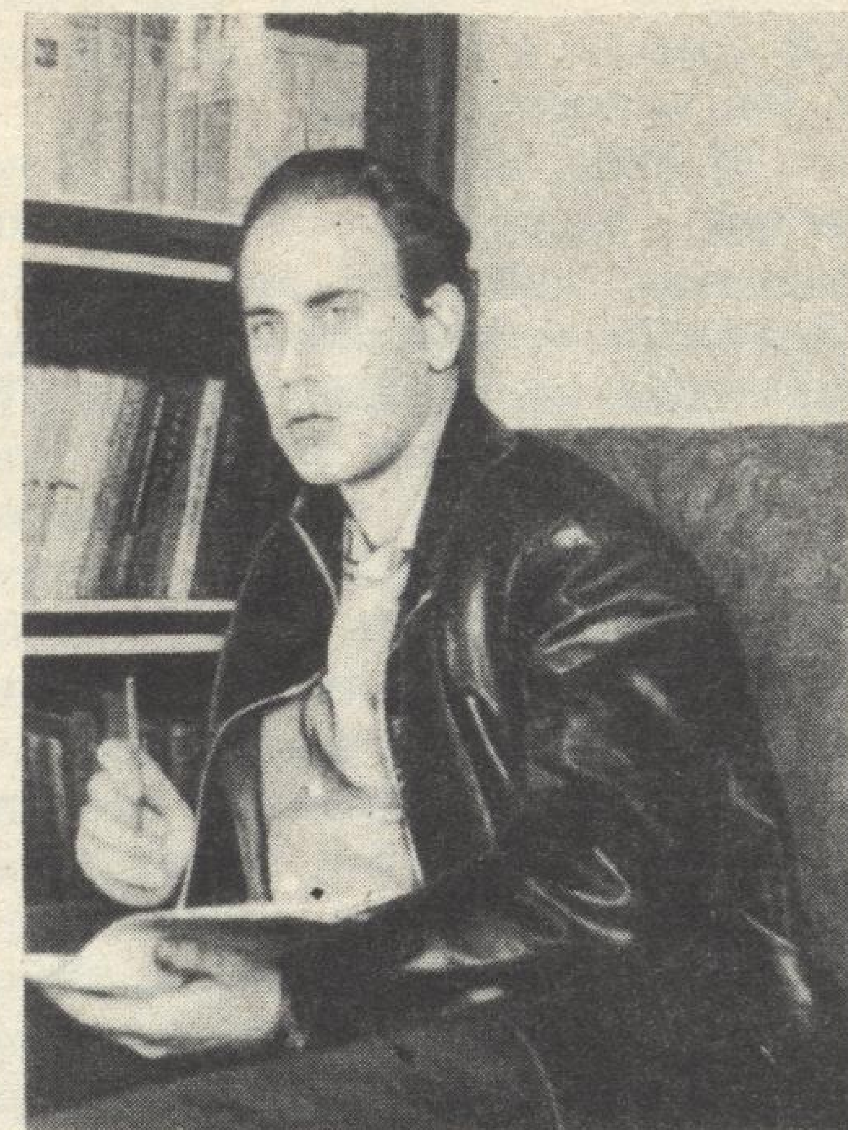

Ты держишь в руках четвертый номер журнала. А сохранился ли у тебя «ПИОНЕР» за прошлый год? Многие ребята переплели журнал и поставили его на полку рядом с любимыми книгами.

Давай раскроем комплект «Пионера» и перелистаем его. В номере двенадцатом — традиционная анкета «Пионер»-70». На вопросы анкеты ребята прислали в редакцию семь тысяч ответов. Мы все их внимательно прочитали и узнали, что́ ребятам больше всего понравилось.

Поздравляем писателей **Владислава Петровича Крапивина** и **Юрия Яковлевича Яковлева.** Их повести «По колено в траве» и «Зимородок» ребята признали лучшими повестями года.

Владислав Петрович Крапивин

АНКЕТА-70

Рассказы «Сын коммунара» **Василия Власовича Дюбина,** «Наша с Волькой борьба» **Александра Алексеевича Крестинского** и рассказ **Юрия Вячеславовича Сотника** «На тебя вся надежда» получили самое горячее признание читателей.

Рады поздравить абхазского поэта **Ивана Константиновича Тарбу.** Стихотворение «Баллада об отце» читатели называют почти в каждой анкете. А одна девочка написала: стихотворение ей так понравилось, что она выучила его наизусть.

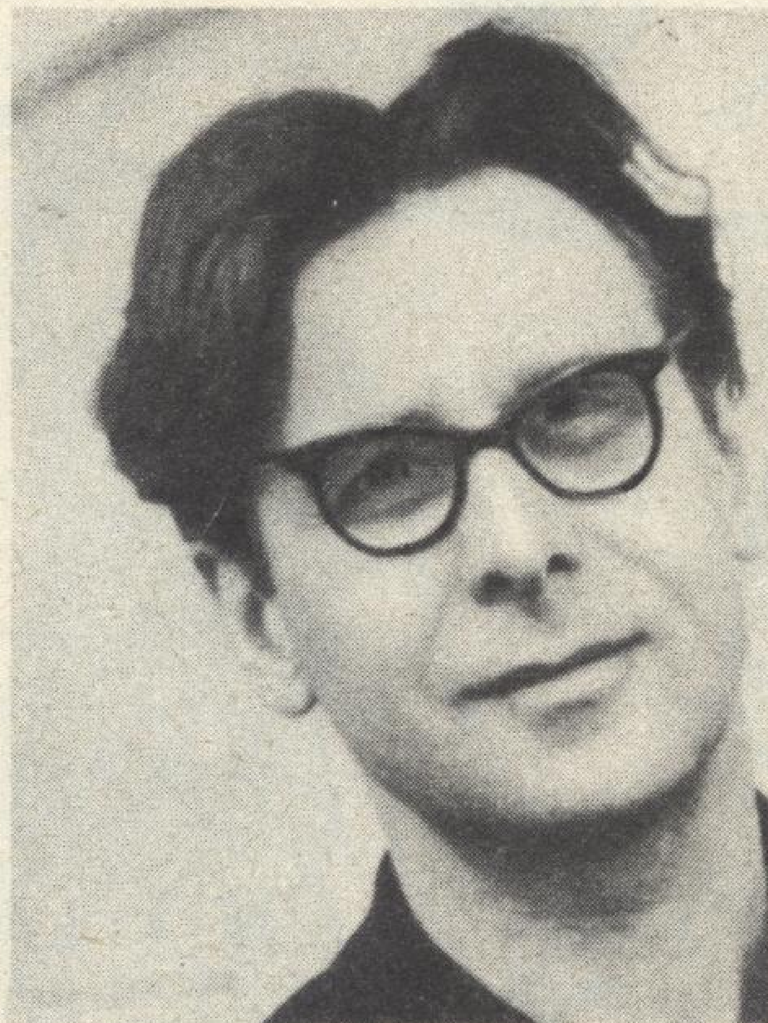
Отмечают ребята и стихотворения «У могилы солдата» и «Летят огни». Их написал поэт **Лев Всеволодович Мочалов.**

В ответах на вопросы анкеты читатели перечисляют многие статьи, очерки и корреспонденции, которые печатались в «Пионере» в прошлом году. Почти все ребята единодушно называют материалы отдела «Надо посоветоваться».

Не только мальчишки, но и девчонки с интересом прочитали «Беседы о военном искусстве» **Анатолия Васильевича Митяева** и охотно приняли участие в военном конкурсе «Побеждать не числом, а уменьем».

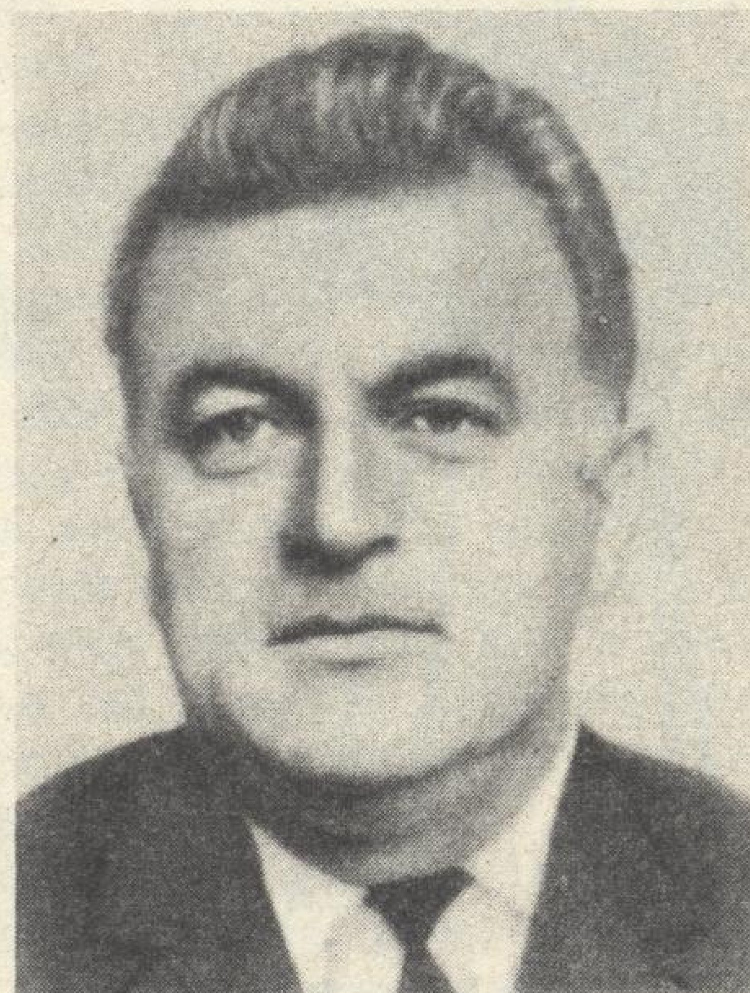
Александр Алексеевич Крестинский

Лев Всеволодович Мочалов

Иван Константинович Тарба

Никита
Владимирович
Разговоров

Юрий
Яковлевич
Яковлев

Василий
Власович
Дюбин

Юрий Вячеславович Сотник (первый справа) рассказывает о новой повести, которую он пишет для «Пионера». Слушают его Анатолий Александрович Борисов, Семен Андрианович Трофимов, Петр Иванович Багин, Евгений Алексеевич Медведев, Игорь Иванович Галанин и Анатолий Васильевич Митяев.

«Пионер» поздравляет и постоянного дежурного «Палаты ума» **Никиту Владимировича Разговорова.** Много добрых слов сказали ему ребята в письмах.

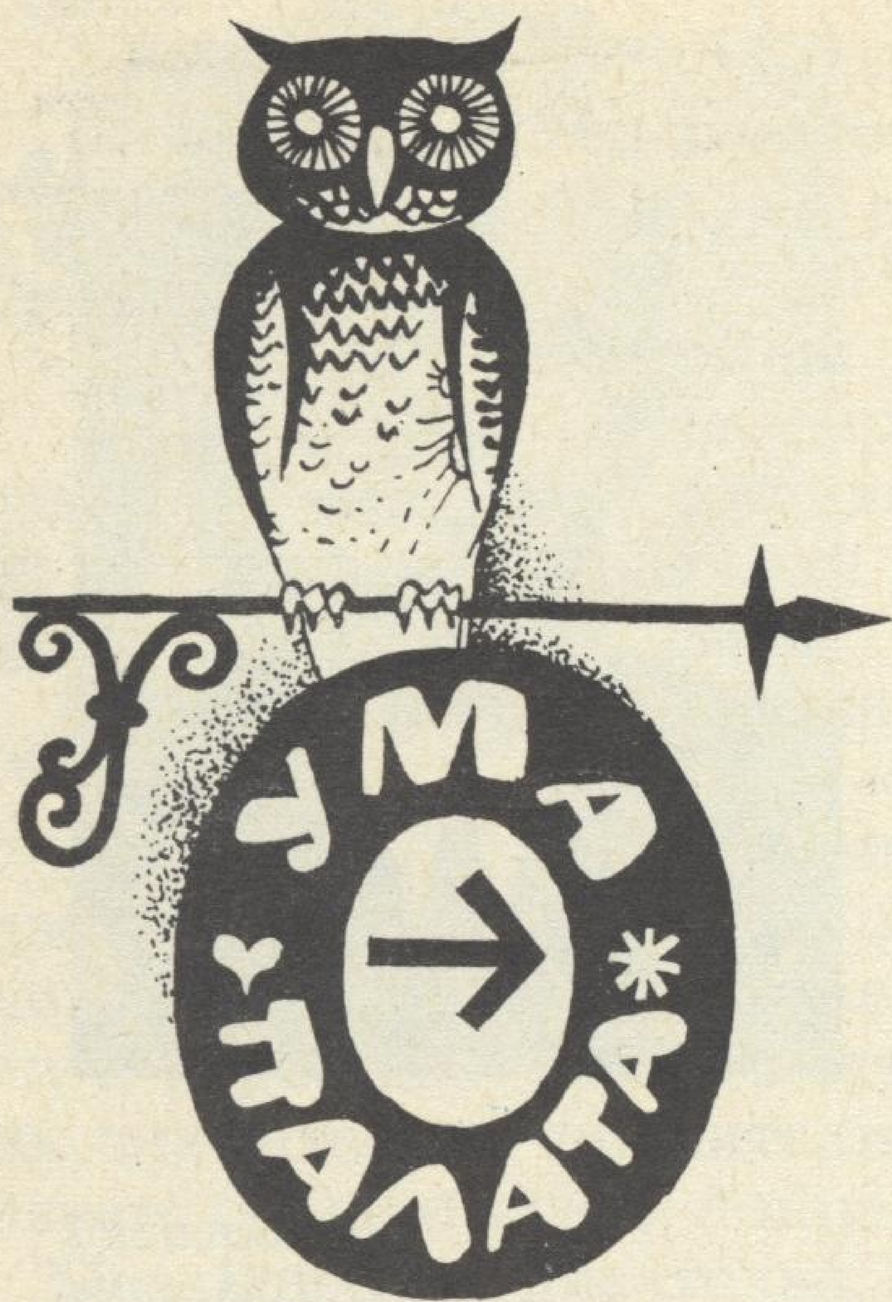
Наши читатели постоянны в своих привязанностях, и художники **Евгений Алексеевич Медведев, Семен Андрианович Трофимов, Игорь Иванович Галанин, Петр Иванович Багин, Анатолий Александрович Борисов и Наталья Александровна Доброхотова** признаны лучшими художниками года.

Мы поздравляем всех наших авторов и приглашаем их работать в «Пионере», а всем ребятам, написавшим нам, большое спасибо!

Наталья
Александровна
Доброхотова

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

ЕРАЛАШ

Где живут моржи?
Во ржи!
А мышата где?
В воде!
Что жуют коты?
Цветы!
А голодный бык?
Шашлык!
Что проела моль?
Фасоль!
А улитка что?
Пальто!
Как поет жираф?
Тяф, тяф!
А Барбоска как?
Никак!
Это что за ералаш?!
Заточите карандаш!
Я приказываю вам
Все расставить
по местам.

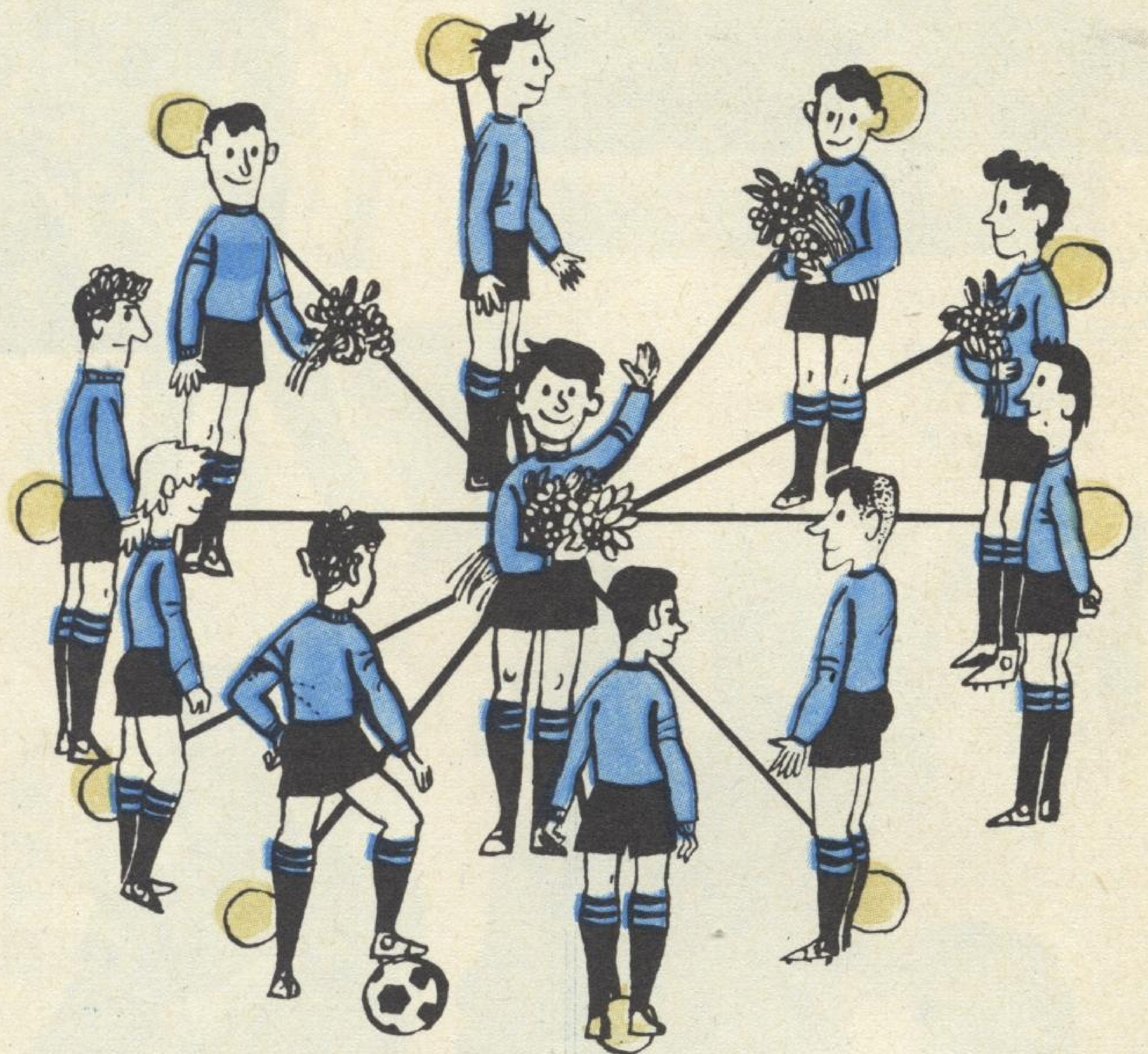
ДЕД БУКВОЕД

Рисунки А. БОРИСОВА.

ГЕРОЙ ДНЯ

Состоялась первая дружеская встреча между футбольными командами «Тигр» и «Пантера». После напряженной борьбы она окончилась со счетом 1 : 0 в пользу «Тигра».

Радостные победители окружили своего товарища, чей меткий удар решил судьбу матча. Какой номер был у этого игрока? Имейте в виду, что сумма трех номеров на каждой прямой равняется 18.

Осторожно, играем со спичками!

НА ВОДОПОЙ

В спичечном загоне
Ослики и пони.
Им пора на водопой,
Поскорей загон
откройю.

Не забудьте, вы можете открыть загон три раза: первый раз, сняв 5 спичек, второй — 4, третий — 3. И всякий раз у вас должно оставаться четыре целых нетронутых квадратика. Открыв загон, спички каждый раз кладите на место, отметив галочкой квадратики, которые были открыты.

Удастся ли вам сводить на водопой всех осликов и пони в три приема?

ДОКАЖИТЕ, ЧТО ВЫ ГЕНИЙ!

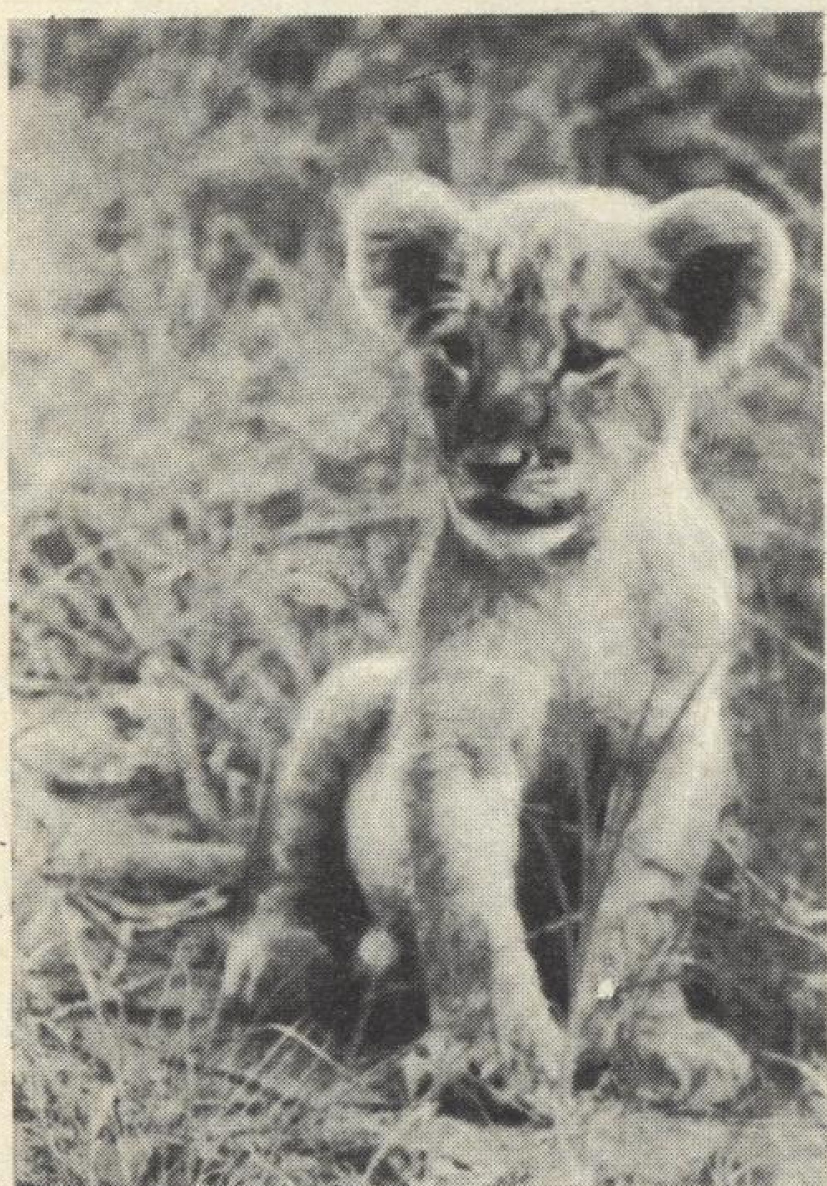
Распределите буквы в свободных клеточках квадрата так, чтобы у вас получилось еще четыре слова, которые одинаково читались бы по горизонтали и вертикали. Заполнили? Тогда смело заходите в палату.

Входной билет

ф		г		т
		е		
г	е	н	и	й
		и		
т		и		а

а	а	а	а	о	о	о	ф	р	р	н	н

СКОЛЬКО НАМ ЛЕТ?

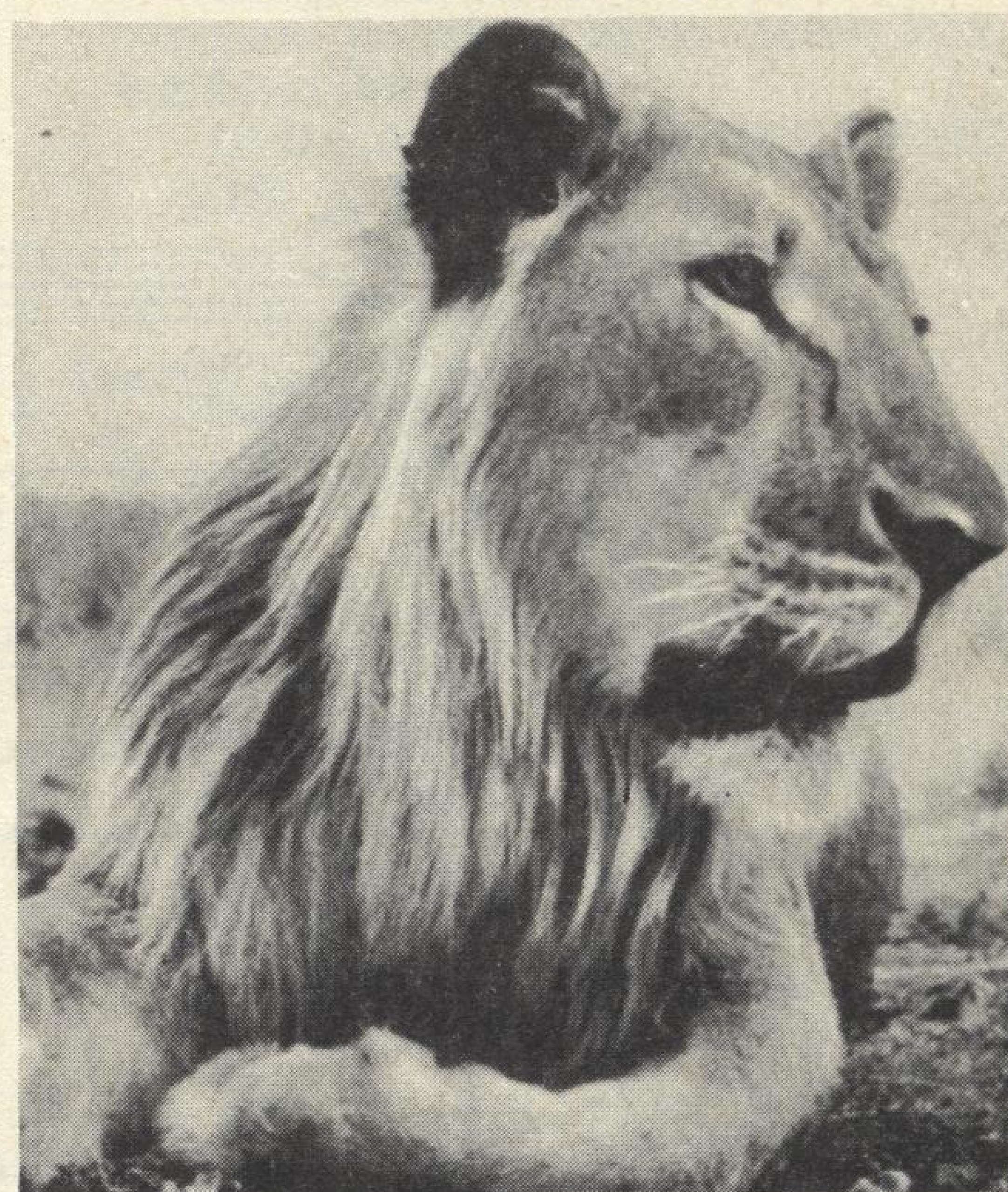

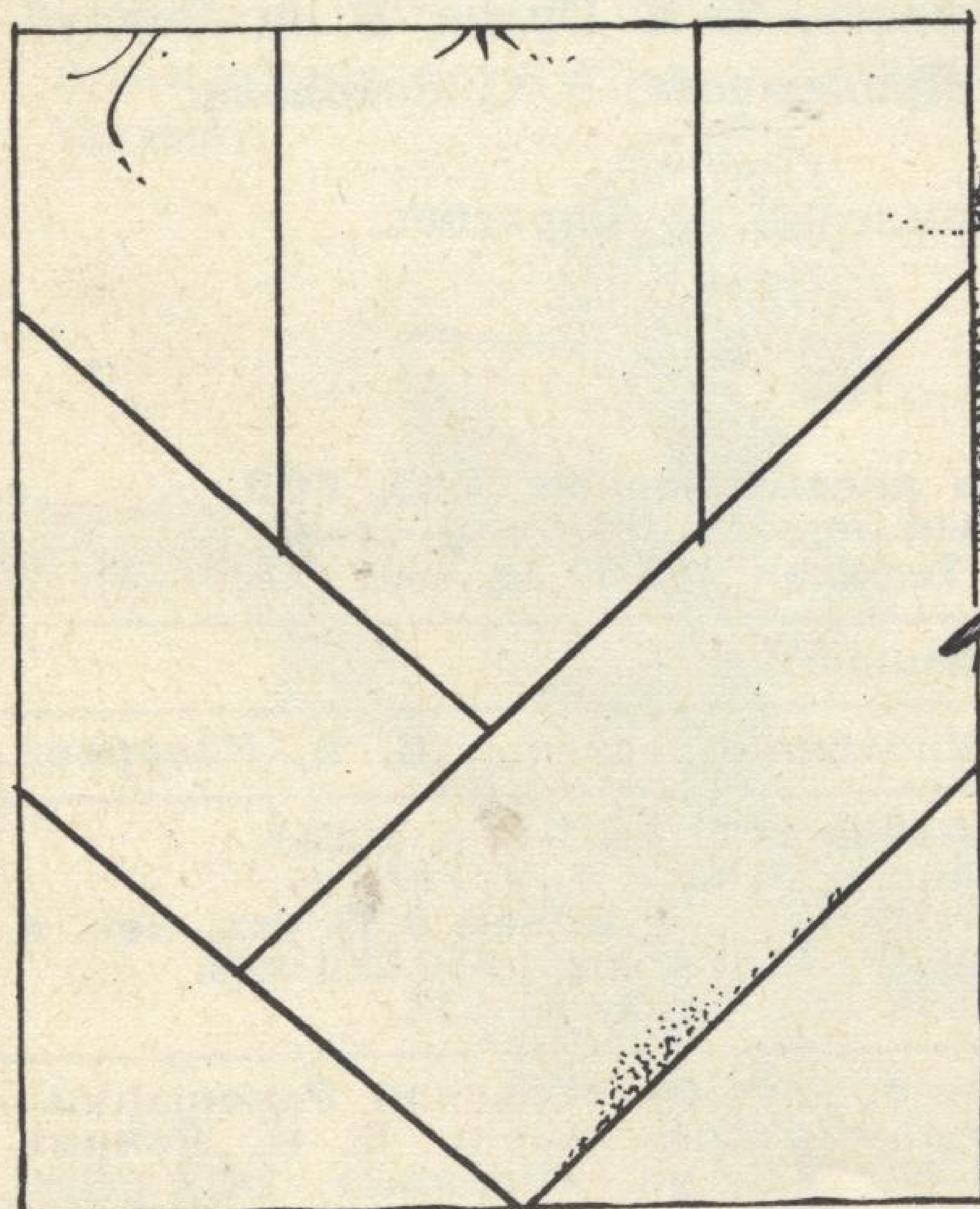
Такими были мы когда-то: четырехмесячные львята!

Теперь мы старше в «игрек» раз.
Скажите, сколько нам сейчас?

Примечание Живживки. Две правых фотографии сделаны в день рождения львов. Это для решения задачи очень существенно. Могу подсказать вам также, что «игрек» — целое число (два слога). Это слово легко вставляется в стихотворение.

ПЛУТ-КАРАСЬ

В огороде — во саду
Плут карась живет в пруду.
Чтобы вам попался плут,
На куски разрежьте пруд
И сложите карася.
До свиданья, сказка вся.

ЕНОТ, ДА НЕ ТОТ!

Енот ответил «нет». Значит, Живживка был в Айвуде. Здесь, в той части леса, где все говорят неправду, оба енота солгали. Установить, какой встретился енот, по одному этому ответу невозможно.

МОЙ УЛОВ — ПЯТНАДЦАТЬ СЛОВ!

Вот какие слова должны получиться в кругах: 1. Забрало, арба, лоза, зола, бра. 2. Спартакиада, пар, парта, трап, сад. 3. Головоломка, гол, олово, вал, лом.

ЧЕТЫРЕ ЯЩИКА. В ящиках были голубой, розовый и зеленый порошки.

ГДЕ МЫ И КАК НАС ЗОВУТ?

Внука Деда Буквоеда зовут Миша, а внучку — Катя.

«Как правильно по нотам сыграть сигналы горна?» — спрашивает Олег Орлов из г. Тулы и называет те, которые, по его мнению, исполняются не совсем точно. Вот, Олег, нотная запись сигналов, о которых ты спрашиваешь.

«Тревога и «отбой тревоги»

«Спать»

«На обед» (ужин, завтрак).

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Горнист играет сбор. Рисунок А. Борисова.

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 26/II 1971 г. А 00864. Подписано к печати 1/IV 1971 г. Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз. Изд. № 865. Заказ № 628.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

«Белая ладья» на Суре

Город Пенза раскинулся на берегах реки Суры. Триста лет назад Пенза была сторожевой крепостью на окраине государства Российского, а теперь это большой промышленный город. Здесь, как и везде, много любителей шахмат.

Прослышав про то, что в Пензе начинаются соревнования пионерских дружин на приз клуба «Белая ладья», Пешкин немедленно полетел туда.

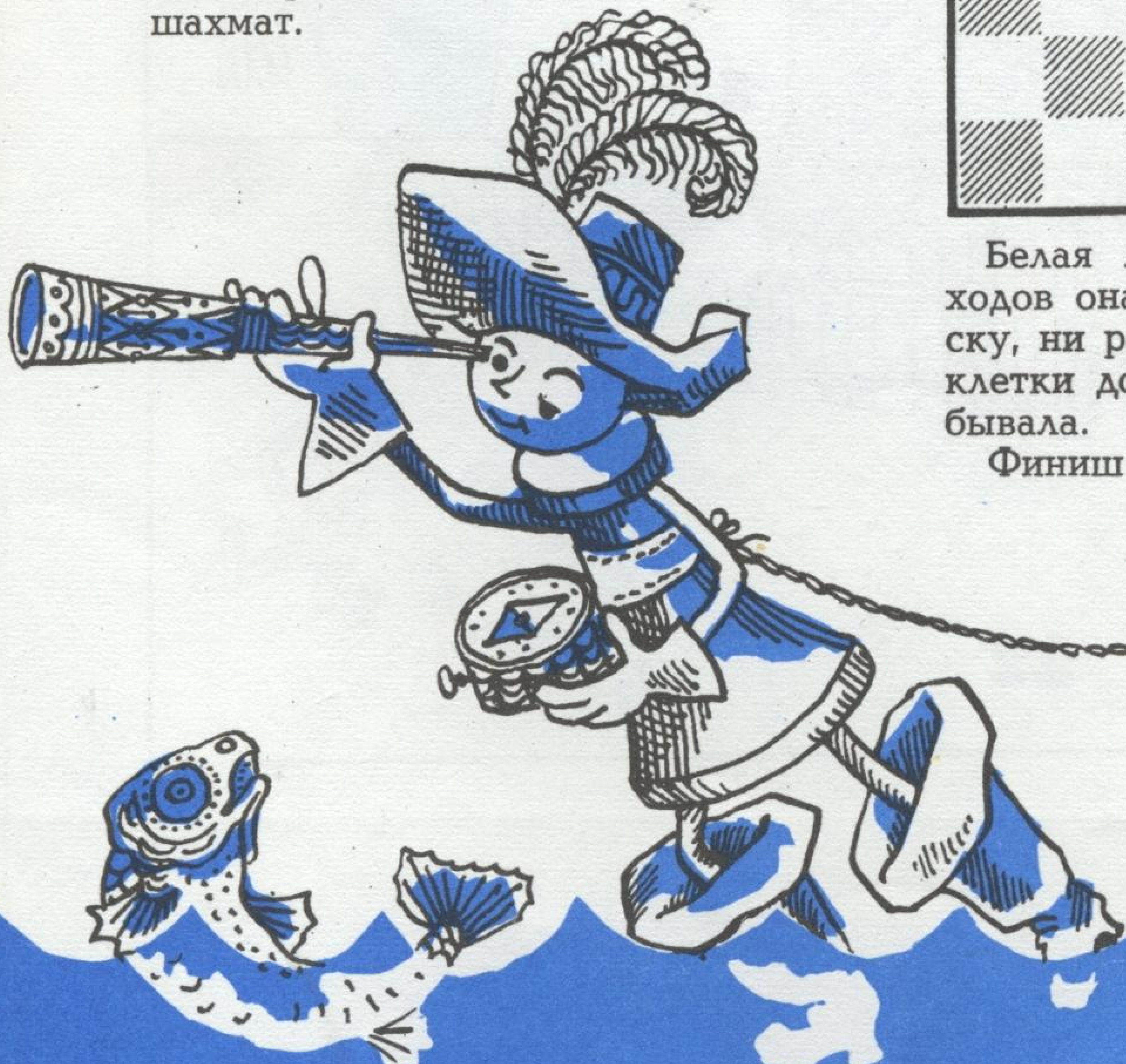
Сто одна команда (по четыре мальчика и по одной девочке в каждой) сражались в этом турнире. В финал вышли семь лучших команд. Шахматисты Пензенской школы № 44 набрали 23 очка и заняли первое место. На втором месте — пионеры Мокшанской школы № 1.

За хорошие успехи в шахматах, за упорство в борьбе и волю к победе Пешкин награждает «Грамотами ферзя и ладьи» семиклассников 44-й пензенской школы **Александра Лысова, Юру Дергунова, Александра Волокушина, Вячеслава Сидорова и Асю Круж.**

У Пешкина появилось много друзей, и не только среди победителей. Он очень подружился с **Таней Каташинской,** ученицей Пензенской школы № 217. Тане десять лет, и в сражениях с более опытными противниками она не раз терпела поражения, но играла упорно, не робела и не унывала. Вот за это-то и полюбил ее Пешкин и наградил «Грамотой ферзя и ладьи».

Пешкин побывал и на областном первенстве школьников. Здесь боевую, смелую игру показали **Виталий Жиров** из поселка Беково, **Боря Розов** из Земетчинской средней школы, **Нейля Муракаева** из Сосново-борской школы.

Пешкин наградил своими почетными грамотами и этих любителей шахмат.

Правильно, Наташа!

Вот какое письмо получил Пешкин от **Наташи Коробкиной,** ученицы третьего класса Тамбовской школы № 5 имени Гагарина.

«Я люблю играть в шахматы. Меня научил мой брат Гена. Он сейчас в армии служит. И другой мой брат, Вова, тоже умеет играть в шахматы. И моя подруга Ира Миронова тоже знает все правила шахмат.

Мы часто собираемся вместе и играем в шахматы. Думаем, что сможем хорошо играть!»

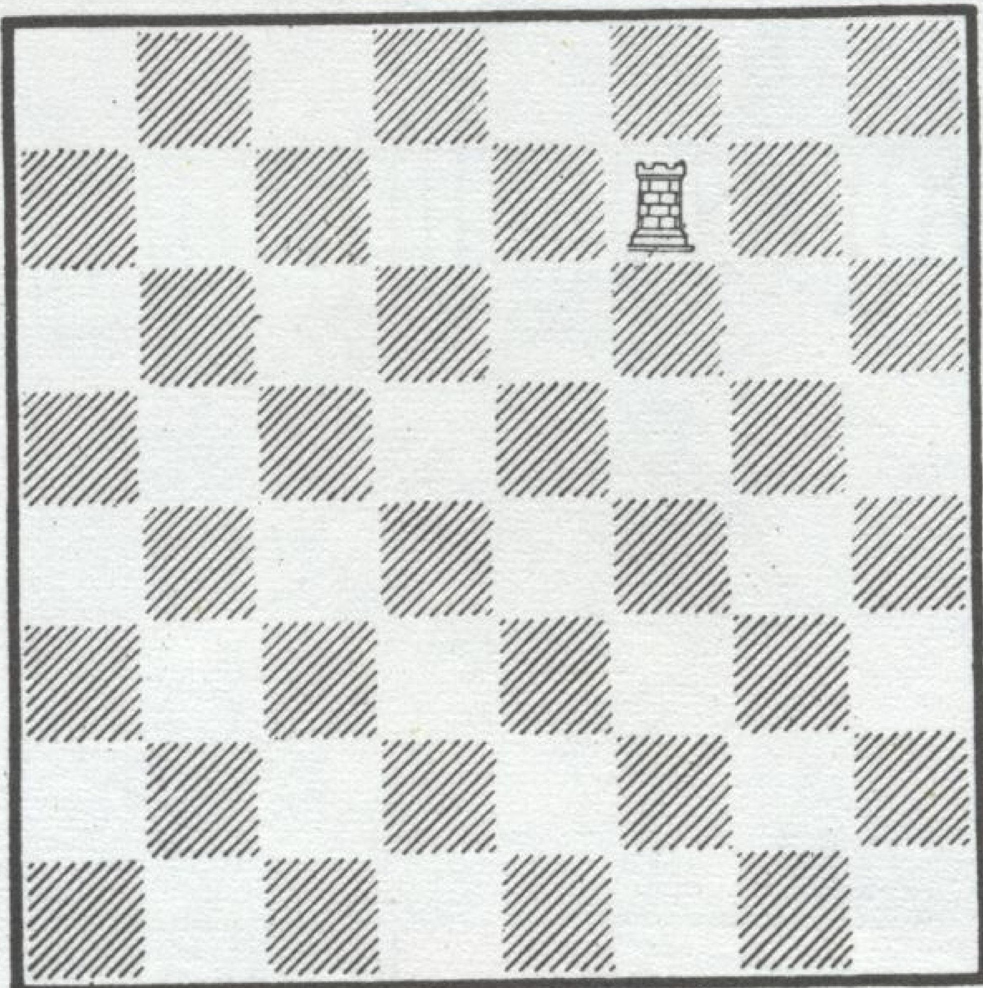
Конечно, сможете, Наташа! Только для начала советую вам: устройте у себя в классе шахматный турнир, познакомьте и других ребят с этой интересной игрой. Чем больше будет в школе шахматистов, тем интереснее будет. Желаем тебе успеха!

Пешкин-математик

Помните, ребята, задачу Пешкина-математика в № 2 «Пионера»? На доске было расставлено 8 ферзей, и ни один из них не мог взять другого. Пешкин предложил вам найти сходное расположение, переместив трех ферзей на соседние клетки доски.

В позиции при ферзях a3, b6, c2, d7, e1, f4, g8 и h5 это достигается так: ферзь f4 ставится на e5, h5 на h4 и e1 на f1.

А вот вам еще одна задача Пешкина-математика:

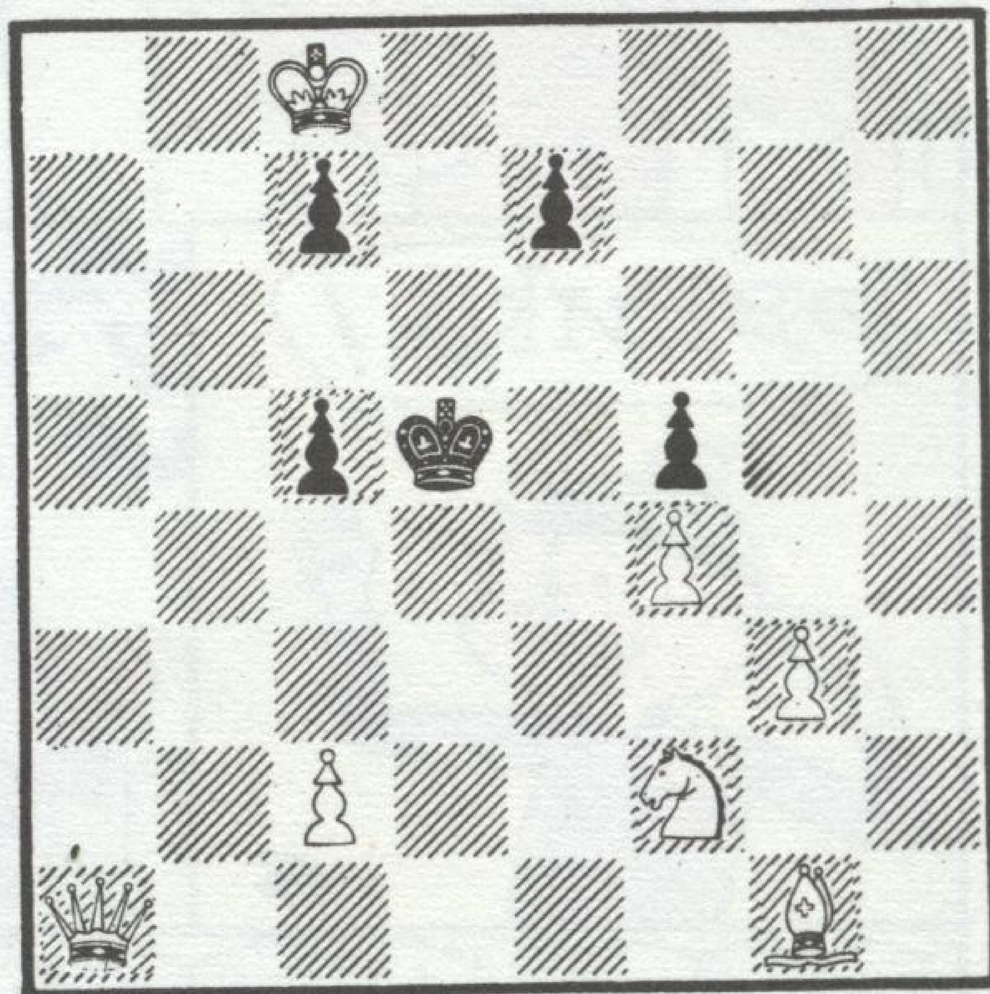

Белая ладья стоит на f7. За 15 ходов она должна обойти всю доску, ни разу не возвращаясь на те клетки доски, на которых она побывала.

Финиш ладьи на соседнем с f7 поле. Нарисуйте шахматную доску и начертите на ней маршрут ладьи.

Новое конкурсное задание

В свой заочный конкурс Пешкин включил такую задачу.

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода.

ПЕШКИН ЖДЕТ ВАШИХ РЕШЕНИЙ, ДРУЗЬЯ!

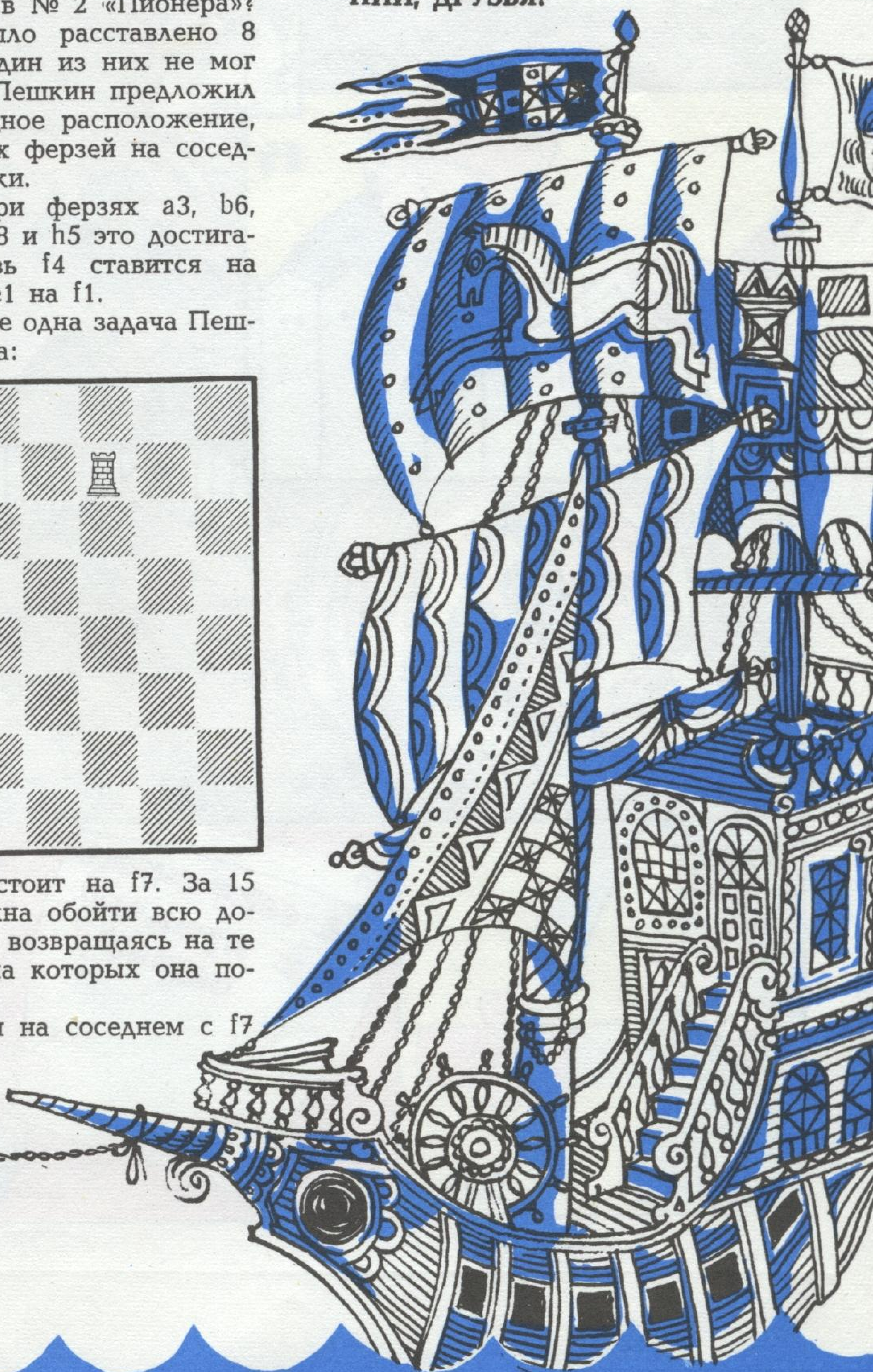

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.